

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Всеобщая история

- Еремин А.Ю.** Аристотель и история Спарты: некоторые проблемы хронологии 3
Философов И.Ю. Волчи, вороны и змеиные мотивы в древнескандинавской 7
 символике оружия
Галямичев А.Н. Кирилло-мефодиевская традиция в государственной концепции 12
 Карла IV Люксембурга
Карпухина М.А. «Величайший денди своего времени» Дж. Б. Браммелл на страницах 15
 викторианской прессы
Чичкова М.А. Проблемы современности в творчестве прерафаэлитов 20
Буранок С.О. Опросы граждан США как источник изучения нападения на Пёрл-Харбор 25
Клименков Н.Е. Уоррен Кристофер и Мадлен Олбрайт о проблеме расширения НАТО 29
Сулейманов А.В. Политические отношения Турции, Ирана и ЕС: специфика и проблемы 32

Отечественная история и история археологии

- Малов Н.М.** Василий Алексеевич Городцов и археология Нижнего Поволжья 36
 (к 150-летию со дня рождения исследователя)
Лопатин В.А. Векторы культурогенеза (к проблеме становления срубной культуры 41
 на севере Нижнего Поволжья в середине II тыс. до н.э.)
Сингатулин Р.А. Древнее гончарство в свете теории деятельности 45
Старкова Л.К. К вопросу о становлении цензуры в России в первой четверти XVIII века 49
Ильиченко Э.В. Общественно-политические взгляды П.-Ш. Лёвека (проблема «цивилизации» 53
 России)
Оверина Г.Ю. Французский путешественник Э. Вальбезен об англичанах в Индии 59
 в середине XIX века
Кулиев Ф.М. Ислам в государственно-религиозной политике Российской империи 64
 на Северном Кавказе в первой половине XIX века
Кочуков С.А. Ф.М. Достоевский и Русско-турецкая война 1877-1878 годов 69
Варфоломеев Ю.В. Слухи о царской измене в контексте «политической порнографии» 73
 России накануне Февральской революции
Парсамов Ю.В. Буденный против Бабея: политические аспекты полемики (Статья первая) 79
Ким И.К. Современная польская историография о Юзефе Пилсудском и санационном лагере 83

Региональная история и краеведение

- Горбачев Д.В.** И.А. Фесслер в Поволжье: о чем «забыл» автор мемуаров 88
Захарова И.Е. Работа Г.И. Чернышевского над составлением «Церковно-исторического 92
 и статистического описания Саратовской епархии» (1850–1856 годы)
Рязанцева Е.А. Саратовские меньшевики в 1921–1923 годах: под прессом 99
 советской власти
Козурман С.О. Эвакуация промышленных предприятий в Саратовскую область 104
 и социально-бытовые проблемы рабочих кадров (1941–1945 годы)
Маркдорф Н.М. Антифашистское движение военнопленных в Западно-Сибирских 109
 лагерях НКВД-МВД СССР и его роль в организации трудового процесса
Сушко М.Ю. Развитие сельской поселенческой сети Саратовской области 114
 в конце 1950-х – 1970-е годы

Сведения об авторах

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор**
 Коссович Леонид Юрьевич
Заместитель главного редактора
 Усанов Дмитрий Александрович
Ответственный секретарь
 Клоков Василий Тихонович
Члены редакционной коллегии
 Аврус Анатолий Ильич
 Аксеновская Людмила Николаевна
 Аникин Валерий Михайлович
 Бучко Ирина Юрьевна
 Вениг Сергей Борисович
 Волкова Елена Николаевна
 Голуб Юрий Григорьевич
 Дыльников Геннадий Васильевич
 Захаров Андрей Михайлович
 Комкова Галина Николаевна
 Лебедева Ирина Владимировна
 Левин Юрий Иванович
 Монахов Сергей Юрьевич
 Орлов Михаил Олегович
 Прозоров Валерий Владимирович
 Прохоров Дмитрий Валентинович
 Смирнов Анатолий Константинович
 Федотова Ольга Васильевна
 Федорова Антонина Гавриловна
 Черевичко Татьяна Викторовна
 Чумаченко Алексей Николаевич
 Шатилова Алла Валерьевна
 Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ

- Главный редактор**
 Данилов Виктор Николаевич
Заместители главного редактора
 Чернова Лариса Николаевна
 Герман Аркадий Адольфович
Ответственный секретарь
 Великая Татьяна Сергеевна
Члены редакционной коллегии:
 Галямичев Александр Николаевич
 Креленко Наталия Станиславовна
 Мезин Сергей Алексеевич
 Монахов Сергей Юрьевич
 Черевичко Татьяна Викторовна
 Чолахян Вачаган Альбертович
 Шенин Сергей Юрьевич
Зарегистрировано
 в Министерстве Российской
 Федерации по делам печати,
 телерадиовещания и средств
 массовых коммуникаций
 Свидетельство о регистрации СМИ
 ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагается сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подписанные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате РСХ, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова (на русском и на английском языках); текст статьи; библиографический список; таблицы; рисунки; подписи к рисункам.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Митенева Елена Анатольевна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Технический редактор

Агальцова Людмила Владимировна

Корректор

Крылова Инна Геннадиевна

Адрес редакции

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 24.11.10.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,18 (15,25).

Уч.-изд. л. 15,1.

Тираж 500 экз. Заказ 105.

Отпечатано в типографии

Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный университет, 2010

CONTENTS

Scientific Part

World History

Eremin A.Yu. Aristotle and History of Sparta: Some Problems of Chronology	3
Filosofov I.Y. Wolf, Raven and Serpent Images in the Old Norse Weapon Symbolism	7
Galyamichev A.N. Tradition of St. Cyrill and St. Methody in States Conception by Karl IV Luxemburg's	12
Karpuhina M.A. «The Greatest Dandy of his Times» G.B. Brummell in Victorian Periodicals	15
Chichkova M.A. The Problems of the Contemporaneity the Creativity of the Pre-Raphaelites	20
Buranok S.O. Opinion Poll of U.S. Citizens as Source Studying of Pearl Harbor Attack	25
Klimenkov N.E. Warren Christopher and Madeleine Albright about the NATO Enlargement Issue	29
Suleymanov A.V. The Political Relations of Turkey, Iran and EU: Specificity and Problems	32

Russian History and Archeology History

Malov N.M. Vasilij Alekseyevich Gorodtsov and Archaeology of the Lower Volga Region (to the 150 th Anniversary of the Researcher)	36
Lopatin V.A. Vectors of Culturogenesis (to a Problem of becoming Timber-grave Cultures in the North Low-Volga region in the Middle of II th. B.C.)	41
Singatulin R.A. Ancient Potters in Light of the Theory of Activity	45
Starkova L.K. On Establishment of the Russian Censorship in the First Quarter of 18th century	49
Ilichenko E.V. The Socio-Political Views of P.-Sh. Leveque (Problem of Russian «Civilization»)	53
Overina G.Yu. French Traveler E. Valbezen about Englishmen in India in the Middle of the 19 th Century	59
Kuliev F.M. Islam in the State Religions Policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the First Half of the Nineteenth Century	64
Kochukov S.A. F.M. Dostoevsky and Russian-Turkish war 1877–1878	69
Varfolomeev Yu.V. Rumors about the Royal Treason in the Context of «Political Pornography» Russia on the Eve of the February Revolution	73
Parsamov Yu.V. Budyonny Versus Babel: Political Aspects of Controversy	79
Kim I.K. Contemporary Polish Historiography about Jozef Pilsudski and the Sanacja Camp	83

Regional history and Local Studies

Gorbachev D.V. I.A. Fessler in Volga Region	88
Zaharova I.E. Work G.I. Chernyshevsky over Drawing up of «The Church-Historical and Statistical Description of the Saratov Diocese» (1850–1856)	92
Ryazantzeva E.A. Saratov Mensheviks in 1921–1923-s: under the Press of Soviet Power	99
Kozurman S.O. Evacuation of the Industrial Enterprises to the Saratov Region and Socially-household Problems of Personnel (1941–1945)	104
Markdorf N.M. Anti-Fascist Movement of Prisoners of War in the West Siberian Camps of the NKVD-MVD USSR and its Role in Organizing the Labor Process	109
Sushko M.Yu. Development of a Network of Rural Settlements of the Saratov Area in the End of 1950–1970	114

Information about the Authors

120

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 938.06

АРИСТОТЕЛЬ И ИСТОРИЯ СПАРТЫ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ

А.Ю. Еремин

Самарский государственный университет
E-mail: eremin@mail.com

В статье рассматриваются формы отражения и приемы хронологического соотнесения в «Политике» Аристотеля некоторых исторических фактов и процессов, связанных с историей Спарты. Детальный анализ отдельных отрывков «Политики» показывает, что Аристотель очень неплохо ориентировался в спартанской истории, знание которой позволило ему сформулировать свою собственную, логически выверенную концепцию исторического развития Спарты начиная с раннего периода и вплоть до своих дней.

Ключевые слова: Аристотель, «Политика», история Спарты, хронология.

Aristotle and History of Sparta: Some Problems of Chronology

A.Yu. Eremin

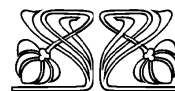
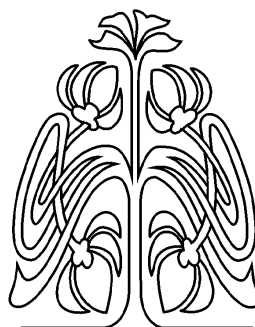
The article deals with the Aristotle's forms of presentation and chronological correlation techniques of some historical facts and processes related to Spartan history in his «Politics». Thorough analyzing of certain passages of the «Politics» does demonstrates that Aristotle was quite knowledgeable of Spartan history and this competence enabled him to work out the original and logically elaborated conception of the Spartan historical evolution beginning from the early times up to his own days.

Key words: Aristotle, «Politics», Spartan History, Chronology.

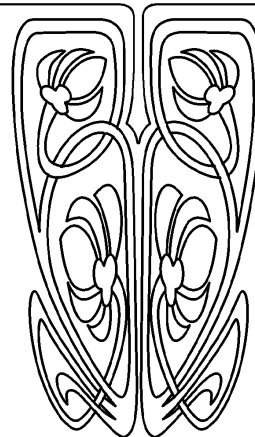
Как известно, в «Политике» Аристотеля большое место занимает прямая или скрытая полемика с Платоном и его видением «наилучшей конституции», основы которой были разработаны его учителем в «Государстве» и уточнены в «Законах»¹. Эта полемика носит исключительно теоретический характер, поскольку ни в коем случае нельзя забывать о том, что основным предметом критики Аристотеля является, прежде всего, «идеальная полития» Платона, которая для последнего являлась наибольшей объективностью и мерилom всех существующих политий, а проще «эйдосом» или «идеей» политии как таковой². Соответственно и все реально существующие «конституции» рассматриваются Платоном исключительно как в той или иной мере приближающиеся или отклоняющиеся от «идеи».

Судя по всему, спартанская и критская «тимократии» рассматривались самим Платоном как в наибольшей степени приближавшиеся к той «идее политии», которую он себе рисовал³. Аристотель всегда вынужден был проводить свой анализ в двух измерениях или в двух планах: вырабатывая, с одной стороны, свой собственный «идеал» (или, правильнее сказать, «идею»), который, в общем-то, не особо отличался от платоновского по своей сути, с другой же стороны, показывая сколь далеко существующие конституции отстоят не только от его собственного, но даже и платоновского «идеала»⁴.

Этот подход очень хорошо заметен в многократно обсуждаемом отрывке второй книги «Политики», где Аристотель дает обзор спартанской конституции, которая, наряду с критской и карфагенской, считалась к его времени наилучшей во всех отношениях⁵. Логика Аристотеля здесь, учитывая вышесказанное, вполне прозрачна и понятна: если удастся показать, что ни одна из этих конституций не выдержала испытания историей, то все те принципы, которые были заложены в них

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

изначально, не являются «идеальными», а потому соответственно и сама «конституция» не может считаться наилучшей или «идеальной». Именно поэтому Аристотель обращается к историческому материалу, рассматривая каждую из этих трех конституций под двумя углами зрения: во-первых, с точки зрения заложенных в саму конституцию основных принципов и, во-вторых, в сравнении с «идеей», т.е. идеальной конституцией.

Примечательно, однако, что описание «идеальной политики» дается Аристотелем не до анализа существующих конституций во второй книге, как того можно было бы ожидать, а много позже, в седьмой и восьмой книгах⁶. Так что ему не остается ничего более, кроме как проводить сравнение между современным состоянием дел и теми целеполагающими принципами, которые были заложены в данные конституции, в том числе и в спартанскую, изначально или же в ходе времени.

Соответственно картина спартанской конституции у Аристотеля, которая и является здесь предметом рассмотрения, оказывается весьма многослойной с точки зрения исторического развития Спарты. Хотя Аристотель явно ставит своей основной целью показать то положение дел, каким оно существовало к его времени, он, тем не менее, видит его как следствие предшествующей эволюции. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что он либо привязывает тот или иной результат к вполне определенным историческим фактам прошлого, либо же весьма тонко использует разные временные формы глаголов. Чтобы продемонстрировать это, обратимся сначала к более детальному анализу фрагмента второй книги «Политики», который касается собственно Спарты (1269 а 29–1271 в 19).

Прежде всего попытаемся выделить те пласты исторического развития Спарты, которые не могут не бросаться в глаза при внимательном прочтении этого отрывка. Во-первых, это, разумеется, Спарта эпохи самого Аристотеля, т.е. примерно второй половины IV в. до н. э., и это явно эпоха упадка. Именно на эту Спарту и направлена в первую очередь и по преимуществу та уничтожающая критика, которой Стагирит подвергает практически все ее известные институты, такие как, среди прочих, царская власть, герусия и эфорат⁷.

На противоположном хронологическом конце находится Спарта времени Ликурга, в связи с которой Аристотель в первый и последний раз во всем этом отрывке упоминает по имени самого легендарного законодателя и его неудачную попытку подчинить своим законам спартанских женщин (1269 в 13 – 1270 а 10). Речь здесь определенно идет о Спарте весьма отдаленного прошлого, а если быть более точными, то о Спарте VIII в. до н. э., поскольку, как известно, Аристотель (Fr. 533 Rose = Plut. Lys. 1) считал Ликурга одним из основателей Олимпийских игр (традиционная дата – 776 г. до н. э.)⁸.

Однако между этими двумя крайними хронологическими точками находится, судя по всему, VI в. до н. э., а точнее – его середина, причем именно эта эпоха представляется Аристотелю, как кажется, временем наивысшего расцвета так называемой «ликурговой» Спарты. Войны с соседями – аргиевцами, а затем (*παλι*) аркадянами и мессенцами – закончились для Спарты в ее пользу и наступили спокойные времена (*συχόλασαντες*) (1270 а 1–4). Речь здесь определенно идет о двух войнах именно середины VI в. до н. э. В случае аркадян и мессенцев явно имеется в виду последняя война Спарты с Тегеей около середины VI в. до н. э., завершившаяся установкой стелы с надписью, содержащей условия мирного договора, о которой было известно самому Аристотелю (Fr. 592 Rose = Plut. Mor. 292B). В этом договоре упоминались, что примечательно, и мессенцы⁹, из чего следует, что они определенно принимали в ней какое-то участие, а потому Аристотель и говорит о войне аркадян, т.е. тегейцев, в союзе с мессенцами (... *καὶ παλιν τὸν πρὸς Ἀρκάδας καὶ Μεσσηνίους πόλεμον*) (1270 а 3). Что касается аргиевцев, то речь идет, по всей видимости, о последней стадии долгого соперничества между Аргосом и Спартой по поводу обладания пограничной прибрежной областью Кинурией (включая Фиреатиду), соперничества, которое завершилось полной победой Спарты в так называемой «битве лучших воинов» (546 г. до н. э.)¹⁰. Таким образом, учитывая современные знания по истории Спарты того периода, это означает, что к середине VI в. до н. э. она не только окончательно подчиняет Мессению, но и добивается практически полного невмешательства в свои дела со стороны соседних городов.

Далее логика Аристотеля вновь обращается к проблеме положения женщин в Спарте (1270 а 6 sqq). И это неудивительно, так как одной из его основных целей здесь было показать, что причиной того упадка Спарты, кульминацией которого стало сокрушительное поражение спартанцев при Левктрах (371 г. до н. э.) и последовавшая за тем утрата Мессении (370 г. до н. э.), стала олигантропия – недостаток людских ресурсов, связанный прежде всего с падением числа полноправных граждан¹¹. Совершенно очевидно, что в этом отношении Аристотель практически полностью отходит от того морализаторского типа объяснения этого упадка, который до него предлагали Ксенофонт, Исократ, Эфор и его собственный учитель Платон¹².

Более того, он идет дальше и задается вопросом о том, что же явилось причиной самой олигантропии как явления и где следует искать ее истоки с точки зрения хронологии. Именно поэтому он и обращает здесь внимание на то исключительное обстоятельство, что в его время женщины владели двумя пятими земли в Лаконии (1270 а 23–24). Судя по всему, он явно осознавал, что такое положение дел было следствием некоей эволюции, обусловленной, в свою очередь, раз-

витием той земельной системы, которую условно можно назвать «ликурговой», т.е. относящейся к эпохе задолго до его собственной.

Что так оно и есть, показывает, как кажется, использование Аристотелем глаголов в разных временных формах. Так, отметив как общеизвестный факт неравномерность распределения собственности в Спарте (1270 а 15–16), он далее замечает: *τοῖς μὲν γὰρ αὐτῶν συμβέβηκε κекτῆσθαι πολλὴν λίαν οὐσίαν, τοῖς δὲ πάντων μικράν* «ибо, случилось так, что одни из них владеют чрезмерной собственностью, тогда как другие – совсем небольшой» (1270 а 16–18). Показательным представляется здесь употребление двух глаголов в перфекте (*συμβέβηκε* и *κεκτῆσθαι*), которые, таким образом, отражают существующий в настоящем результат и состоящие предыдущего действия¹³, а в нашем случае – процесса имущественной дифференциации. И далее сразу же следует поясняющая фраза: ... *διόπερ εἰς ὀλίγους ἦκεν ἡ χώρα*, где употребление имперфекта *ἦκεν* (3 лицо ед. ч. от *ἦκω*), имеющего значение плюсквамперфекта¹⁴, вновь указывает на состояние, явившееся следствием действия или процесса, но уже в прошлом¹⁵: «... потому что <еще раньше> земля перешла <и находилась> в руках немногих».

Приблизительно то же самое можно отметить и в отношении того отрывка, где Аристотель резко критикует ту систему формирования общественной казны, которая имела место в Спарте (1271 b 10–15): *φαύλωσ δ' ἔχει καὶ περὶ τὰ κοινὰ χρήματα τοῖς Σπαρτιάταις. οὐτε γὰρ ἐν τῷ κοινῷ τῆς πόλεως ἔστιν οὐδὲν πολέμουσ μεγάλοσ ἀναγκαζομένοισ πολεμεῖν, εἰσφέρουσί τε κακῶσ: διὰ γὰρ τὸ τῶν Σπαρτιατῶν εἶναι τὴν πλείστην γῆν οὐκ ἐξετάζουσιν ἀλλήλων τὰσ εἰσφοράσ* «плохо обстоит дело у спартиатов и с общественными финансами: ведь у них, вынужденных вести крупные войны, не только нет средств в городской казне, но и взносы <туда> они вносят плохо, ибо, по причине того, что преобладающая часть земли принадлежит спартиатам, не осуществляют взаимного надзора за взносами». Здесь явно идет речь о том состоянии дел, которое существовало во времена самого Аристотеля, на что указывает, естественно, и употребление глаголов в настоящем времени. Однако далее он замечает (1271 b 15–17): *ἀποβέβηκε τε τοῦναντίον τῷ νομοθέτῃ τοῦ συμφέροντος: τὴν μὲν γὰρ πόλιν πεποίηκεν ἀχρήματον, τοὺσ δ' ἰδιώτασ φιλοχρημάτουσ* «и получился результат, противоположный тому, что является целесообразным для законодателя: ибо город он сделал нуждающимся в денежных средствах, частных же лиц – корыстолюбивыми». И вновь два глагола в перфекте – *ἀποβέβηκε* и *πεποίηκεν* – указывают на то, что таков был результат предшествующего развития. К сожалению, Аристотель не дает здесь ни одной хронологической привязки, которая могла бы помочь нам

определить точное время начала этого процесса. Однако, учитывая сказанное выше, следует, видимо, полагать, что описываемые Аристотелем проблемы с общественными финансами и внесением налогов возникли не ранее середины VI в. до н. э. как минимум, т.е. того времени, которое он считал расцветом «ликурговой Спарты».

Не менее любопытным представляется также и то обстоятельство, что Аристотель, как уже давно было замечено¹⁶, крайне по-разному определял собственно характер спартанской конституции. Действительно, он дает ей дефиниции практически всех известных в античности форм правления. Так, например, в одном отрывке он вроде бы склоняется к тому, чтобы видеть в Спарте демократию, хотя и с примесью *ἀρετῆ* (1293 b 14–18). В другом же отрывке (1270 b 13–17), где речь идет о том, что ввиду той огромной власти, которой обладают эфоры, институт которых он определял как демократический, даже цари были вынуждены искать их расположения (... *διὰ τὸ τὴν ἀρχὴν εἶναι λίαν μεγάλην καὶ ἰσοτύραννον δημαγωγεῖν αὐτοὺσ ἠναγκάζοντο καὶ οἱ βασιλεῖσ*), он прямо говорит о превращении спартанской конституции из аристократии в демократию (*δημοκρατία γὰρ ἐξ ἀριστοκρατίας*). Используемые в этом пассаже глаголы в имперфекте указывают на то, что речь здесь идет определенно не о времени самого Аристотеля. Более того, имперфект *συνέβαινε* должен подразумевать то, что это изменение политического строя представляло собою постепенную эволюцию, начало которой было положено учреждением самого института эфоров, каковое сам Аристотель (1313 а 26–28; Plut., Cleom. 10) приписывал царю Феопомпу (вторая половина VIII в. до н. э.)¹⁷. Однако качественное изменение произошло, видимо, много позднее, когда власть эфоров стала «чрезмерно велика и подобна тиранической» (*λίαν μεγάλην καὶ ἰσοτύραννον*), что опять же можно отнести, как кажется, к середине VI в. до н. э., связав с реформой эфората, приписываемой античной традицией Хилону – одному из семи мудрецов и тогдашнему спартанскому эфору¹⁸.

Как бы то ни было, но в другом отрывке (1306 b 22 – 1307 а 4) он определяет конституцию Спарты вроде бы как аристократию, но при этом, что очень важно, отмечает сходства аристократии как таковой с олигархией (... *διὰ τὸ καὶ τὴν ἀριστοκρατίαν ὀλιγαρχίαν εἶναι πωσ (ἐν ἀμφοτέραισ γὰρ ὀλίγοι οἱ ἀρχοντεσ...*). Говоря о причинах возникновения в них раздоров (*αἰ στάσεισ*), Аристотель иллюстрирует свои выводы конкретными примерами из истории Спарты. Два из них относятся к ранней истории Спарты: это – неудачный заговор так называемых парфениев, основавших позднее Тарент (традиционная дата 706 г. до н. э.), и вторая Мессенская война, описываемая у Тиртея (конец VII в. до н. э.). Два других примера, приводимых здесь Аристотелем, принадлежат к первым годам правления царя Агесилая II

(399–360 гг. до н. э.): это – деятельность Лисандра и его притязания на власть и заговор Кинадона. Учитывая то обстоятельство, что между этими двумя эпохами лежит промежуток в триста лет, а также принимая во внимание то сходство между аристократией и олигархией, на которое, хотя и для своих исследовательских целей, особо указывает здесь Аристотель, создается впечатление, что он считал Спарту конца VII в. до н. э. аристократией, а начала IV в. до н. э. – уже олигархией.

Однако еще более примечательным представляется то, что в еще одном отрывке (1313 а 18–33), в котором речь идет о причинах сохранения в некоторых полисах древней царской власти, Аристотель практически относит Спарту в число монархий греческого типа (*βασιλεία*). Более того, здесь он достаточно четко фиксирует момент перехода политического устройства Спарты от монархии к, надо полагать, аристократии, датируя это изменение временем правления царя Полидора (конец VIII в. или начало VII в. до н. э.)¹⁹.

Принимая во внимание все вышесказанное, следующие общие выводы представляются, как кажется, неизбежными и напрашивающимися сами собою. Во-первых, Аристотель определенно был хорошо знаком с основными фактами истории Спарты начиная с раннего периода и вплоть до своих дней. Это обстоятельство, в свою очередь, не может не указывать на его знакомство со всей предшествующей традицией и, хотя Аристотель крайне редко указывает на свои источники, они так или иначе угадываются в его свидетельствах, касающихся Спарты. Более того, все эти факты, хотя и разбросанные частично по тексту «Политики», часто, если не всегда, им хронологически выверены и соотнесены с определенными периодами истории Спарты. Этот исторический подход и позволил, думается, создать Аристотелю свою собственную концепцию развития спартанской конституции, основанную на идее смены политических форм. И хотя эта концепция может показаться недостаточно аргументированной, неточной или даже упрощенной, ей, тем не менее, невозможно отказать в определенной логике, которая требует как минимум большего понимания.

Примечания

- ¹ Относительно эволюции взглядов Платона на «идеальную конституцию» в связи, в том числе и с его собственным политическим опытом, см., например, *Ferguson J.* *Utopias of the Classical World.* Ithaca (N.Y.): Cornell University Press, 1975. P. 62–79; *Dawson D.* *Cities of the Gods: Communist Utopias in Greek Thought.* N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 53–91.
- ² Ср., в особенности, *Dawson D.* *Op. cit.* P. 70ff. Относительно платоновского учения об «идеях» в философско-теоретическом плане см., например: *Лосев А.Ф.* *История античной эстетики: В 8 т. М., 1969. Т. 2. С. 169–193,* где вместе с тем суммируются и основные концепции,

связанные с интерпретацией платоновского понятия «эйдос/идея».

- ³ См., например: *Morrow G.R.* *Plato's Cretan City: A Historical Interpretation of the Laws.* Princeton: Princeton University Press, 1960, где, пожалуй, наиболее детально рассматривается платоновский идеальный полис, хотя автор полагает, что, скорее, критская, а не спартанская конституция являлась для Платона ближайшим из существующих прототипов. Ср., однако, *Ollier F.* *Le Mirage spartiate. Étude sur l'idéalisation de Sparte dans l'antiquité grecque de l'origine jusqu'aux cyniques.* Paris: De Boccard, 1933. Т. I. P. 233 sqq.; *Luccioni J.* *La pensée politique de Platon.* Paris: Presses Universitaires de France, 1958. P. 101.
- ⁴ Более подробно относительно целей и задач, которые ставил перед собой Аристотель в «Политике», см., например, *Доватур А.И.* *Политика и Политии Аристотеля. М.; Л.: Наука, 1965. С. 39–41;* *Rowe C.J.* *Aims and Methods in Aristotles Politics // Classical Quarterly.* 1977. Vol. 27. P. 159–172; *Dawson D.* *Op. cit.* P. 93–95.
- ⁵ *Sihler E.G.* *Aristotles Criticisms of the Spartan Government // Classical Review,* 1893. Vol. 7. P. 439–443; *Ollier F.* *Le Mirage spartiate. Étude sur l'idéalisation de Sparte dans l'antiquité grecque de l'origine jusqu'aux cyniques.* P.: De Boccard, 1933. Т. I. P. 294–326; *Cloche P.* *Aristote et les institutions de Sparté // Les Études Classiques.* 1942. Vol. XI. P. 289–313; *Braun E.* *Die Kritik der Lakedaimonischen Verfassung in den Politika des Aristoteles.* Klagenfurt: Landesmuseum für Kärnten, 1956; *Weil R.* *Aristote et l'histoire. Essai sur la 'Politique'.* P.: Klincksieck, 1960. P. 231–244; *De Laix R.A.* *Aristotle's Conception of the Spartan Constitution // J. of the History of Philosophy.* 1974. Vol. 12. P. 21–30; *Vilatte S.* *Espace et temps: La cité aristotélicienne de la Politique.* P.: Les Belles Lettres, 1995. P. 319–341; *Hermann-Otto E.* *Verfassung und Gesellschaft Spartas in der Kritik des Aristoteles // Historia.* 1998. Bd. 47. S. 18–40; *Lévy E.* *Le Régime lacédémonien dans la «Politique» d'Aristote: une réflexion sur le pouvoir et l'ordre social chez les Grecs // Images et représentations du pouvoir et de l'ordre social dans l'Antiquité.* P.: De Boccard, 2001. P. 57–72. Большая часть этих работ являются дескриптивными по характеру, рассматривая взгляды Аристотеля на Спарту в плоскостном выражении. Особняком стоит статья Э. Давида (*David E.* *Aristotle and Sparta // Ancient Society.* 1982. Vol. 13–14. P. 67–103), автор которой совершенно верно, на наш взгляд, призывает учитывать «временной фактор», поскольку конкретные свидетельства Аристотеля часто относятся к разным периодам спартанской истории, так что в этом отношении данная работа является прямым развитием и уточнением данного подхода.
- ⁶ Ср., например, *E. Schütrumpf* (*Die Analyse der Polis durch Aristoteles.* Amsterdam: B.R. Grüner, 1980), который начинает свой анализ именно с этих книг. Относительно проблем, связанных с композиционным построением «Политики», см., например, *Stocks J.L.* *The Composition of Aristotle's Politics // Classical Quarterly.* 1927. Vol. 21. P. 177–187; *Barker E.* *The Life of Aristotle and the Composition and Structure of the Politics // Classical Review.* 1931. Vol. 45. P. 162–172.

- ⁷ См. подробнее, в особенности, *David E. Aristotle and Sparta*. P. 79–92, где критика Аристотелем современной ему Спарты совершенно обоснованно рассматривается отдельно от тех его общих критических замечаний, которые носят, скорее, теоретический характер. Ср. также работы, приведенные в примеч. 5.
- ⁸ См. подробнее, например, *Keßler E. Plutarchs Leben des Lykurgos*. Berlin: Weidmann, 1910. S. 6 sq. с кратким очерком традиции.
- ⁹ По условиям договора они должны были быть изгнаны с территории, надо полагать, Тегей (*Μεσσηνίους ἐκβαλεῖν ἐκ τῆς χώρας*), а также *μη ἐξιναί χρηστούς ποιεῖν*, фраза, перевод и значение которой до сих пор являются предметом дискуссий: см., например, *Jacoby F. ΧΡΗΣΤΟΥΣ ΠΟΙΕΙΝ* (Aristotle fr. 592 R[ose]) // *Classical Quarterly*. 1944. Vol. 38. P. 15–16, однако, ср., *Braun Th. ΧΡΗΣΤΟΥΣ ΠΟΙΕΙΝ* // *Classical Quarterly*. Vol. 44. 1994. P. 40–45, а также *Печатнова Л.Г. История Спарты: период архаики и касики*. СПб., 2001. С. 126–129.
- ¹⁰ Подробнее относительно соперничества Аргоса и Спарты за Кинурию, а также относительно локализации этого сражения, см., например, *Φάκλαρης Π. Αρχαία Κυνουρία: Ανθρώπινη δραστηριότητα και περιβάλλον. Θεσσαλονίκη, Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης*, 1985. Σελ. 33–36.
- ¹¹ Более подробно о причинах, темпах и последствиях олигантропии см., например, *Cartledge P. Sparta and Laconia: A Regional History 1300 to 362 BC*. L.: Routledge, 2002 (1979). P. 263–272.
- ¹² См., в особенности, *David E. Sparta between Empire and Revolution*. N.Y.: Arno Press, 1981. P. 50–65, где можно найти компактный и связный очерк развития античной традиции этого периода вместе с наиболее, как кажется, взвешенной исторической оценкой.
- ¹³ Более подробно о значении греческого перфекта см.,
- например, *Kühner R., Gerth B. Ausführliche Grammatik der Griechischen Sprache. Teil 2 Satzlehre, Bd. I*. Hannover, Leipzig: Hahn, 1898. S. 146–147, § 384.1; *Schwyzler E., Debrunner A. Griechische Grammatik, Bd. 2 Syntax und syntaktische Stilistik*. München: Beck, 1950. S. 286–287; *Cooper G.L. Attic Greek Prose Syntax. Vol. 1*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. P. 627–629, § 53.3.0 и 53.3.2.
- ¹⁴ См., например, *Liddell-Scott-Jones, A Greek-English Lexicon*. Oxford: Oxford University Press, 1996. s. v. ἦκω I; *Smyth H.W. Greek Grammar*. Harvard: Harvard University Press, 1984. P. 426, § 1906.
- ¹⁵ Более подробно о значении греческого плюсквамперфекта см., например, *Kühner R., Gerth B. Op. cit.* S. 151, § 385.1; *Schwyzler E., Debrunner A. Op. cit.* S. 288–289; *Cooper G.L. Attic Greek Prose Syntax. Vol. 1*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. P. 632, § 53.4.0.
- ¹⁶ См., например, *Weil R. Aristote et l'histoire. Essai sur la «Politique»*. P.: Klincksieck, 1960. P. 231–244; *De Laix R.A. Op. cit.* P. 21–30. Ср. также: *Cloche P. Aristote et les institutions de Sparte // Les Études Classiques*. Vol. XI. 1942. P. 289 sqq.
- ¹⁷ Ср., в особенности, *Доватур А.И. Указ. соч.* С. 242–243.
- ¹⁸ Подробнее см., *Stibbe C. Chilon of Sparta // Mededelingen van het Nederlands Historisch Instituut te Rome*. 1985. Deel 46. P. 13–14; *Печатнова Л.Г. Указ. соч.* С. 64–67. Ср., также, *Richer N. Les éphores. Études sur l'histoire et sur l'image de Sparte (VIII–IIIe siècles avant Jésus-Christ)*. P.: Publications de la Sorbonne, 1998. P. 121–128.
- ¹⁹ См., например, *Poralla P., Bradford A.S. Prosopographie der Lakedaimonier bis auf die Zeit Alexanders des Großen*. Chicago: Aris Publishers, 1985 (1913). S. 108–109, № 628 и 142 (последняя треть VIII в. до н. э.). Ср., однако, *Cartledge P. Op. cit.* P. 15–17 (первая четверть VII в. до н. э.).

УДК 94(48),01/021

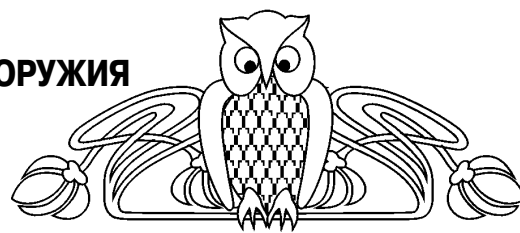
ВОЛЧИ, ВОРОНЫ И ЗМЕИНЫЕ МОТИВЫ В ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКОЙ СИМВОЛИКЕ ОРУЖИЯ

И.Ю. Философов

Саратовский государственный университет
E-mail: ifilosofov@gmail.com

В данной статье автор предпринимает попытку интерпретации трех наиболее значимых звериных образов эпохи викингов – волка, ворона и змея – в их мифологическом, ритуальном, социальном смысле. Основной задачей является демонстрация и анализ неразрывной связи звериной символики с характерным для древнесеверной мифологической и поэтической традиций культом оружия в различных его аспектах. Оружие предстает как необходимый элемент воинских инициаций молодежи, связанных с принятием «волчьей судьбы» через его обречение, как инструмент жертвоприношений, наконец, как иное воплощение символизируемого им зверя. В конце статьи делаются необходимые выводы.

Ключевые слова: эпоха викингов, скандинавская мифология, звериные символы, волк, ворон, змея, дракон, культ оружия, однизм, скальдическая поэзия, воинские инициации.

Wolf, Raven and Serpent Images in the Old Norse Weapon Symbolism

I.Yu. Filosofov

In the current article the author makes an attempt of interpretation of three most significant animal symbols of Viking Age – the Wolf, the Raven and the Serpent – in their mythological, ritual and social sense. The author's aim was to demonstrate and analyze the indissoluble connection between bestial symbolics and the cult of weapons, the inherent part of the Old Norse mythologic and poetic traditions, in the different aspects. The weapon appears as an essential element of youth warrior initiations, associated with acceptance of "Wolf Destiny" through the act of weapon-finding, as well as an instrument of sacrifices and, finally, as another em-

bodiment of symbolized beast itself. The necessary conclusions are done in the end of the article.

Key words: viking age, nordic mythology, animal symbolism, wolf, raven, serpent, dragon, cult of weapons, odinism, skaldic poetry, warrior initiations.

Животные образы древних культур, вне всяких сомнений, являются важнейшими элементами символических и мировоззренческих систем, которым они присущи. Даже сам набор «звериных» символов может служить для нас индикатором того, какие ценности в наибольшей степени распространены в этой культурной общности.

Волк, ворон и змея, предстающие перед нами едва ли не как основные символы эпохи викингов – а они широко фигурируют в эдических песнях, героических сказаниях, сагах, скальдической поэзии, наконец, в изобразительном искусстве – в этом ракурсе видятся довольно любопытными. Попробуем для начала, абстрагируясь от конкретно-исторической реальности, раскрыть каждый из этих образов с ассоциативной точки зрения и с точки зрения заложенных в них функций.

Из общих особенностей сразу бросается в глаза следующее обстоятельство – все перечисленные животные – хищники. Змеи и волки – хищники очевидные, вороны могут лакомиться как зерном, так и плотью. Впрочем, первым фактом тут можно пренебречь – в верованиях различных европейских народов закрепился образ ворона-падальщика, а не ворона-вредителя полей¹.

Второй момент, лежащий в области мифологии – и ворон, и волк, и змея – хтонические существа, связанные с разными подразделениями пространства, в той или иной степени враждебными людям. Так, волк² органично связан с Лесом, змея³ – с Лесом, Подземным миром и Океаном (мировой змей), в образе ворона также прослеживается связь с Подземельем (ищет пропитания в земле, поедает трупы, предназначенные для погребения, имеет черный «земляной» цвет). Несомненно, что волк, ворон и змей/змея/дракон – различные коннотации так называемого «зверя земли» – первородной дуальной хтонической силы⁴. Волки, змеи и вороны отождествляются в представлении скандинавов с враждебными людям силами из других миров – турсами/йотунами, троллями и т.д. Так, например, в прозаической части «Песни о Хельги сыне Хьёрварда» читаем:

Ехал Хедин домой из леса в вечер под Йоль и встретил женщину-тролля. Она ехала на волке, и змеи были у нее удилами⁵.

На волке же ездит и великанша Хюндла из «Песни о Хюндле», а само ее имя означает «собачка»⁶.

Третье обстоятельство, которое также необходимо отметить, – все эти существа выступают как посредники – между «здесь» и «там» (все три),

верхом и низом, водой и землей (змей), землей и небом (ворон), однако самый важный переход – переход между жизнью и смертью, миром живых и миром мертвых (все три). Волк, ворон и змей способны переносить человека, перемещать из одного пространства/состояния в другое (ср. известную из русских сказок поездку Ивана Царевича на сером волке, ритуальный транс, связанный с укусом змеи и т.д.). Например, ворон не просто пожирает трупы, он перемещает таким образом мертвых в надлежащее место, та же обязанность вменяется и змею (ср. имя дракона Граввитнир, «могильный змей», а также Нидхёгга, о котором было известно, что он пожирает мертвецов).

Четвертую особенность, логично следующую из третьей, в контексте рассмотрения скандинавской мифологической системы оставить без внимания невозможно. Змеи, волки и (в меньшей степени) вороны – звери мировой катастрофы и хаоса, призванные присоединить населенный человеком мир к хтоническому пространству «вокруг». Мотивы волко- и змеборчества в конце времен довольно популярны, у тех же скандинавов мы видим чудовищных Фенрира и Гарма (пес и волк – в известной степени тождественные символы⁷), а также волков, пожирающих солнце, и змея Йормунгарда, у иранских народов сохранились упоминания о тысячеголовом драконе, несущем погибель всему живому⁸ и т.д.

Наконец, пятое, подводящее нас к грани между мифическим и реальным, обстоятельство можно было бы охарактеризовать как социальный смысл. Действительно, рассматриваемые нами звериные символы несут в себе антисоциальный заряд, являясь синонимом незаконного общественного статуса. Здесь, несомненно, самым ярким является волчий образ. Мифологический, сказочный и обрядовый волк выступает как разбойник, налетчик, грабитель, похититель женщин и насильник. (Некоторые исследователи указывают на существование в Исландии даже специального термина *mordvarg* – «убийца-волк», обозначающего преступника, лишившего жизни беззащитного человека после захода солнца.⁹) Такую коннотацию волчьего образа у скандинавов можно наблюдать, например, в классической перебранке Гудмунда и Синфьётли из «Первой песни о Хельги, убийце Хундинга». Гудмунд укоряет Синфьётли:

Лакомство волчье –
падаль – глотал ты,
брата убийцей
был твоего,
всем ненавистный,
в груди камней
ползал ты, корчась,
и раны зализывал!¹⁰

С другой стороны, волк – это воин или вождь¹¹, отправляющийся добывать блага грабе-

жом в чужую землю. М. Элиаде замечает: «*Несмотря на различия в историческом и культурном отношении, очевидна структурная аналогия между совместным преследованием добычи, войной, захватом чужой территории – с одной стороны, и поведением беглецов, находящихся вне закона, – с другой. Все они уподобляются в своем поведении волку, поскольку в том или ином виде и в силу различных причин воспроизводят единый миф-первооснову*»¹².

В свою очередь, мифический ворон – это (в особенности в палеоазиатской и североамериканской зоне) похотливый и прожорливый трикстер, нарушитель установленных норм и табу, идущий против семьи и половозрастной идентификации. Змей или дракон – одиночка-изгнанник, хранитель нечестно добытых ценностей, отце- и братоубийца (ср. дракона Фафнира, повинного в смерти отца и хранящего проклятый клад).

Кроме того, в социальном отношении волчья, змеиная и воронья символика выступает также в роли групповой инициатической маркировки. Относительно волка как покровителя молодых мужчин, членов воинских союзов, существует обширная литература, и здесь мы не будем еще раз приводить аргументы в пользу такой трактовки. Что касается воронов и змей, то их следует, на наш взгляд, трактовать как символы сопричастности определенным магическим искусствам: ворона – колдовскому (псевдошаманскому) искусству, змея – магии-ремеслу (например, кузнечному делу, тесно связанному с подземным огнем, «черными», хтоническими мотивами¹³). То есть если функция волка непосредственно относится к военным занятиям викингов, то функции ворона и змея лежат в большей степени в сфере ритуальных мистических практик, относящихся к воинскому кругу – боевой магии, заклинаний удачи и т.д.

Вкратце резюмируя вышесказанное, отметим, что выбор волка, змея и ворона в качестве культурных животных-символов неизбежно означает поведение по стратегиям, предлагаемым этими образами – хищнические набеги, нахождение «вовне» (не в замкнутом уютном мире усадьбы, владения, но в походе – в холодном море, во враждебной стране), осознанное желание нести смерть, осуществляя посредническую роль, постоянное состояние «вне закона» (ср., например, положение морских конунгов), в маргинальном статусе.

Открытым, однако, остается вопрос: что привело к установлению господства этих символов в древнескандинавском культурном единстве? Мы полагаем, что выбор символики был обусловлен окончательным выбором скандинавов в пользу верховенства в пантеоне бога Одина.

В нашем понимании Один – это очевидно и изначально хтоническое чудовище, одноглазое, покровительствующее загробному миру, часто ведущее себя как откровенный трикстер¹⁴. Напомним, что спутниками Одина являются волки Гери и Фреки, вороны Хугин и Мунир. Его змеиная

природа, на первый взгляд, не столь очевидна, но в тексте «Речей Гримнира» встречаем в числе перечисляемых имен Одина имена Офнир и Свафнир, до этого названные как имена змеев, подгрызающих Иггдрасиль¹⁵. Кроме того, Один обитает в чертоге Секквабёкк, «Погруженная Скамья»¹⁶, что говорит о его связи с подводным, «змеиным» миром.

В качестве волчьего бога, Один был, очевидно, покровителем юношеских инициаций¹⁷. Воины-викинги как служители¹⁸ и первые потомки¹⁹ Одина есть ульвсерки, «псы Видрира» – оторванные от дома, от традиционно отправляемых в усадьбе культов, прошедшие особое инициатическое посвящение-оборотничество, принятые в стоящее вне соседского закона дружинное побратимство. Сам же образ Одина навязывает викингу типические «вороньи» и «змеиные» черты – колдовские умения (в частности, способность к вырезанию рун), трикстерский стереотип мстительного весельчака, скорого на небезобидные проказы, свойственную этому божеству хитрость и коварство. Выбирая волков, воронов и змей, викинг выбирал Одина и приближался к своему божеству. Он выбирал нечеловеческую, метачеловеческую судьбу, стремясь преодолеть слабость и ограничения Мидгарда. В.Ю. Сухачев характеризует это стремление так: «*“Волки” предстают как символические сингулярности, с которых спадают все культурные и социальные Я-формы, они строят свой мир по ту сторону человека, но в то же время между Богом и бестией. Эта стратегия позволяет выйти из человеческих ценностей, из мира, соразмерного человеку – “волк” больше не человек, и он уже не может вести себя так, как ведет себя человек, видеть мир человеческим взором. Быть Богом-Волком – это значит не адаптироваться к ценностям, а устанавливать, постановлять их. Фактически, это заявка на власть, способную переустроить Порядок, космос*»²⁰.

Итак, воины-викинги – это двуногие волки; однако у четвероногого волка есть клыки и когти, чтобы убивать и пожирать свою добычу, есть « жало » у змея, есть острый клюв у ворона²¹. Людям же приходится обходиться оружием. И неудивительно, что оружие оказывается прямо и непосредственно связано с волче-воронье-змеиной триадой.

Звериные образы в символике оружия выступают перед нами в трех основных аспектах. Первый из них – это символическое обретение оружия, связанное с инициатическим приятием звериной судьбы и переходом в маргинальный статус. Так, в «Песни о Хюндле» Один дарит меч Сигмунду – тому самому Сигмунду, который вскоре вместе с сыном наденет волчью шкуру и станет оборотнем²². Хельги, сын Хьёрварда, после обретения меча, местонахождение которого было указано валькириями, оказывается обречен на «волчью» судьбу – его преследует та самая

троллиха на волке, желающая стать его спутницей, а гибнет он у Волчьего камня²³.

Другой вариант связи между оружием и триадой звериных образов – акцентирование внимания на оружии как на предмете, дающем пищу волкам и воронам, то есть как на своего рода орудии жертвоприношения. Доблесть воина определяется по тому, насколько часто и успешно тот кормит волков и поит воронье. В том воинское призвание:

Умным сочла бы,
когда б он послушался
наших, сестры,
добрых советов;
о себе бы радел
и радовал ворона;
волка узнаешь
по волчьим ушам²⁴.

В одной из отдельных вис Эгиль Скаллаgrimссон попрекает юного викинга тем, что тот, фактически, еще не перешел в мужской статус:

Ты напрасно, юноша,
выбрал это место.
Редко волчьей стае
ты давал добычу.
Не видал, как ворон
каркает над кровью,
как мечи с мечами
в сечах ищут встречи²⁵.

Более того, очевидно, именно до тех пор, пока воин осуществляет свой долг, *вскармливая волков и воронов*, он сохраняет свое воинское имя и статус:

Хникар я звался,
убийство свершая
и радуя ворона,
Вельсунг юный,
теперь я зовусь
человек на утесе,
Фенг или Фьельнир;
возьмите в ладью²⁶!

Кормление волков и воронов – обязанность конунга как предводителя воинов. Эйвинд Погубитель Скальдов в «Перечне Халейгов» говорит о конунге Сигурде, что тот сам поил «птиц Грима питьем бакланов Тюра груза»²⁷ (немного тавтологично: то есть поил воронов питьем воронов (=бакланов меча)), а в отдельной висе сообщает:

Знаю, как, железом
звения остролезвым,
утолял ты в поле
голод волка, Харальд²⁸.

Эгиль Скаллаgrimссон с удовольствием упоминает, как «летели враны / на тел курганы / кои

попраны / кольями раны», а лук в «Выкупе головы» приносит «волку поживу» (**Beit fleinn floginn, þá vas friðr loginn, vas almr dreginn, varð ulfr feginn**)²⁹. В другой висе скальд обращает внимание на то, как за его «кровавым копьем и звенящим мечом» следовал ворон³⁰. Еще одно произведение восхваляет Хринга, собравшего «мечи на вече» и «насытившего воронье». Таким образом, поэтический язык изобилует примерами такого рода связи. Оружие – в частности меч – не просто убивает врага. Оно превращает его в добычу, опосредованно – «переправляет» умершего воина в обиталище Одина.

Наконец, третий, очень заметный и регулярно повторяемый в поэтических произведениях и сказаниях мотив – отождествление оружия со зверем. Тут встречаются и волчи, и вороны, и – особенно часто – змеиные образы.

Прямое сравнение меча и волка можно найти, например, у Эгиля Скаллаgrimссона:

Волк в рану впился,
и ал вал взвился,
несытой пасти
достало сласти³¹.

Грим Лысый, сын Квельдульва (кстати, считавшегося оборотнем; само имя Квельдульв означает «вечерний волк») и отец Эгиля, сетуя, сравнивает с волком свою секиру:

У секиры старой
Сталь шербата стала.
Был колун мой волком,
Стал коварной палкой³².

Нередки и «вороньи» кеннинги – «железный ворон» («вран») (*железны враны / врезались в раны*³³), «ворон битвы». Стрелы именовались «птицами лат» (см. Glymdrara Торбьёрна Хорнклови³⁴). Тормод, сын Тревила, описывая в «Речах ворона» битву, в которой погиб скальд Вигфус, говорит, что его плоть рвали «вороны крови» (=мечи или секиры)³⁵.

Тем не менее одни из самых частых кеннингов для обозначения меча – змеиные. Тут встречаются как простые и очевидные «гадюка крови», «змея крови», «кровавый червь», «уж», «змея тарча», «дракон ножен»³⁶, так и переносные характеризующие конструкции – например, *fofbit* «кусающий за пятки» (меч из «Саги о людях из Лососьей Долины»³⁷) или *logbit* «кусающий за ногу».

Валькирии в песне так описывают меч, предназначенный для Хельги, сына Хьёрварда («Песня о Хельги, сыне Хьёрварда»):

С кольцом рукоять,
храбрость в клинке,
страх в острие
для тех, чьим он станет;
на лезвие змей

окровавленный лег,
другой обвивает
хвостом рукоять³⁸.

Почему доля символических змеев так высока в образах древнескандинавского оружия? Причин тому, на наш взгляд, несколько.

1. Технология изготовления. Скандинавские мастера были знакомы с техникой *дамаскировки*, т.е. последовательной сковки стальных полос. Такая методика вела к образованию на брусе стали узоров, похожих на змеиное тело или переплетенные змеиные тела. Впоследствии многие из таких мечей были соответствующим образом декорированы. Некоторые исследователи также говорят о том, что во время обработки меч подвергали травлению³⁹ – и именно об этом, а вовсе не об использовании отравленного оружия, свидетельствует, например, упоминание «*капли яда на мече*» в «Речах Фафнира». Естественно, такого рода обработка воспринималась и метафорически – вкладывание капли яда дополнительно отождествляло меч со змеей.

2. Суеверный смысл, заклинание удачи. Змей – это далеко не всегда просто некая лесная змея. Это еще и чудовищный дракон, о которых известно, что они добывают и хранят золото, т.е. изображение дракона (=змея) на мече должно принести удачу и подарить хозяину клинка богатство.

3. Гипотетический мифолого-космогонический смысл. В порядке предположения вспомним, что частый обозначающий война кеннинг – «яшень битвы» в различных вариациях. Сопоставление воина, мужского тела с ясенем (Иггдрасилем?), а меча, отнимающего жизнь воинов, – со змеем (ср. дракона Нидхёгга) – не есть ли своего рода «опрокидывание» космогонии в жизнь человека? Нам это представляется весьма вероятным. Языческое мировоззрение было в значительной степени более материалистическим, нежели, к примеру, христианское, и физическая смерть, по всей видимости, представлялась викингу дуально: с одной стороны, надежда на возрождение в Вальхалле (или даже на земное перерождение), а с другой – принятие мрачной, неотвратимой судьбы, окончание героического пути, крушение мира, где каждая битва может стать твоим личным Рагнарёком.

Подводя необходимый итог, следует заметить, что, вне всяких сомнений, звериные образы занимали значительное место в мифологической семантике древних скандинавов. В символической системе образы волка, ворона и змея оказались теснейшим образом связаны с культом оружия и воинской инициационной обрядностью, с культом смерти и хтонической по своей глубинной сути религией Одина, став своего рода мрачными гербами всей эпохи викингов.

Примечания

- 1 Любопытно, что Снорри Стурлуссон говорит о вороне, как о птице, которую «принято обозначать в кеннингах не иначе, как называя кровь и трупы». См.: Стурлуссон Снорри. Младшая Эдда. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litru.ru/?book=26222&page=33> (дата обращения: 12.02.2010).
- 2 См. напр.: Волк // Мифы народов мира: Энциклопедия / Под ред. С.А. Токарева: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 242; Бедненко Г.Б. Образ волка у индоевропейцев. [Электронный ресурс]. URL: <http://mythodrama.indeer.ru/theory/wolf.html> (дата обращения: 15.02.2010).
- 3 См.: Змей // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. С. 468–470.
- 4 См.: Шкаев Д.Г. Дискретный анализ индоевропейских основ общей германо-скандинавской мифологической традиции хтонического поединка. [Электронный ресурс]. URL: http://www.humanities.edu.ru/db/msg/45748#_edn8 (дата обращения: 11.02.2010).
- 5 Песнь о Хельги сыне Хьёрварда. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/edda/helgah.html> (дата обращения: 13.02.2010).
- 6 Песнь о Хюндле. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/edda/hyndlu.html> (дата обращения: 13.02.2010).
- 7 См.: Иванов В.В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. 1975. № 5. С. 399–408; Иванчик А.И. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // Советская этнография. 1988. № 5.
- 8 См.: Петров Ф.Н. Северный миф о гибели мира // Петров Ф.Н. Эсхатологический миф: миф о грядущей гибели и последующем возрождении мира. Челябинск, 2001. 108 с.
- 9 См.: Butt W. Zur Herkunft der Voluspá // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur (PBB). 1969. Iss. 91. P. 82–103.
- 10 Первая песнь о Хельги убийце Хундинга, 38 / Пер. В. Тихомирова. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/edda/helga1.html> (дата обращения: 13.02.2010).
- 11 С.А. Токарев отмечает атрибуцию многих династий древности и средневековья «волчьими мифами» – ср. легенду о вскармливании Ромула и Рема волчицей, истории в «Сокровенном сказании о монголах» и т.д.
- 12 Элиаде М. От Залмоксиса до Чингисхана // Кодры. 1991. № 7. С. 7.
- 13 См.: Иванов В.В., Топоров В.Н. Проблема функций кузнеца в свете семиотической типологии культур // Материалы Всесоюз. симпозиум по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974.
- 14 Ср.: Песнь о Харбарде / Пер. В. Тихомирова // Корни Иггдрасиля. М., 1997. С. 61–72.
- 15 Речи Гримнира, 54 / Пер. А. Корсуна. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fbit.ru/free/myth/texty/sedda/rgrimn.htm> (дата обращения: 13.02.2010).
- 16 Там же. 7.
- 17 См.: Мелетинский Е.М. Скандинавская мифология

- как система // Труды по знаковым системам, VII. Тарту, 1975.
- 18 Интересно отождествление поздним скальдом-христианином язычника, веровавшего в Одина, с псом или волком – см. хулительные стихи Халльфреда Трудного Скальда против Мара: Халльфред Трудный Скальд. Отдельные висы. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/poetry/hallfred.html#other> (дата обращения: 18.02.2010).
 - 19 Песнь о Риге. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/edda/rigstula.html> (дата обращения: 13.02.2010).
 - 20 Сухачёв В.Ю. «Волки»: по ту сторону человека. Между Богом и бестией. [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/sukhach/wolfs.html> (дата обращения: 17.02.2010).
 - 21 Е.М. Мелетинский отмечает наличие мифов, где ворон имеет железные когти и клюв. См.: Ворон // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. С. 245–247.
 - 22 Песнь о Хюндле, 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/edda/hyndlu.html> (дата обращения: 13.02.2010).
 - 23 Песнь о Хельги сыне Хьёрварда. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/edda/helgah.html> (дата обращения: 13.02.2010).
 - 24 Речи Фафнира, 35. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/edda/fafnis.html> (дата обращения: 13.02.2010).
 - 25 Эгиль Скаллагримссон. Отдельные висы. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/poetry/egill.html> (дата обращения: 18.02.2010).
 - 26 Речи Регина, 18. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/edda/regins.html>
 - 27 Эйвинд Погубитель Скальдов. Перечень Халейгов, 11, [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/poetry/euvindr.html> (дата обращения: 18.02.2010).
 - 28 Эйвинд Погубитель Скальдов. Отдельные висы. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/poetry/euvindr.html> (дата обращения: 18.02.2010).
 - 29 Эгиль Скаллагримссон. Выкуп головы. Корни Иггдра-сила. М., 1997. С. 273–276.
 - 30 Любопытно также, что Хникар в «Речах Регина» упоминает, что для «древа меча» лучший спутник – «сумрачный ворон». См.: Речи Регина, 20. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/edda/regins.html> (дата обращения: 13.02.2010).
 - 31 Эгиль Скаллагримссон. Выкуп головы, 11.
 - 32 Грим Лысый, сын Квельдульва. Отдельная виса. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/poetry/skallagrimsr.html> (дата обращения: 18.02.2010).
 - 33 Там же. 7.
 - 34 Торбьёрн Хорнклови. Глюмдрапа. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/poetry/glymdrapa.html> (дата обращения: 18.02.2010).
 - 35 Тормод, сын Тревиля. Речи Ворона. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/poetry/thormodhtr.html> (дата обращения: 18.02.2010).
 - 36 Сага о могильном жителе. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/src/isl/kumlbui/ru.html> (дата обращения: 21.02.2010).
 - 37 Сага о людях из Лососьей Долины. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/src/isl/laxdaela/ru.html> (дата обращения: 21.02.2010).
 - 38 Песнь о Хельги, сыне Хьёрварда. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/edda/helgah.html> (дата обращения: 13.02.2010).
 - 39 Симпсон Ж. Викинги: быт, религия, культура. М., 2005. С. 146.

УДК 94 (437) [11/14]

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ КАРЛА IV ЛЮКСЕМБУРГА

А.Н. Галямичев

Саратовский государственный университет
E-mail: Galyaman@rambler.ru

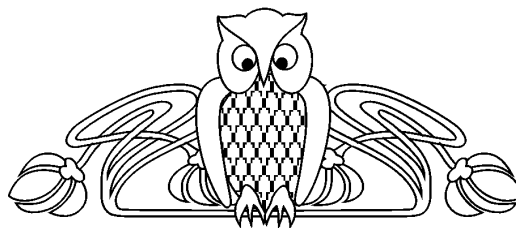
В статье¹ рассматривается вопрос о том, как чешский король и император Карл IV Люксембург (1346–1378) использовал кирилло-мефодиевскую традицию для укрепления своей власти.

Ключевые слова: Чехия, Карл IV Люксембург, Св. Кирилл, Св. Мефодий.

Tradition of St. Cyrill and St. Methody in States Conception by Karl IV Luxemburg's

A.N. Galyamichev

The author of this article examine the problem: how Bohemian king and imperator Karl IV Luxemburg (1346–1378) attempted

tradition of St. Cyrill and St. Methody for strengthening his rule.

Key words: Bohemia, Karl IV Luxemburg, St. Cyrill, St. Methody.

Время правления короля Карла IV из династии Люксембургов (1346–1378) занимает особое место в истории чешского средневековья, выступая в восприятии историков прошлого и настоящего в качестве её «золотого века».

Карл IV первым из чешских правителей, которые в 1158 г. приобрели передаваемый по наследству королевский титул, был избран в 1346 г. императором Священной Римской империи и при этом, в отличие от своих ближайших предшественников и преемников на императорском престоле, строил далеко идущие планы восстановления могущества империи.

В основе проводимой Карлом IV политики лежала разработанная им государственно-политическая концепция, в которой Чешскому королевству принадлежала исключительно важная роль².

Определив в качестве главного политического приоритета восстановление могущества императорской власти, Карл Люксембург решил пойти по пути французских Капетингов, то есть укреплять императорскую власть, опираясь на ресурсы собственных владений, постоянно заботясь об их хозяйственном и культурном процветании и территориальном расширении.

Чехии в государственно-политической концепции Карла IV уделялась роль имперского Иль-де-Франса, а её древней столице Праге – роль сердца империи, её подлинной и величественной столицы.

Поэтому Карл неустанно заботился о богатстве и процветании своего наследного королевства, на землю которого в течение всех 32 лет его правления ни разу не ступала нога чужеземного завоевателя.

Особое значение император придавал столице Чехии – «златой Праге», которая в годы его правления украсилась рядом прекрасных готических построек (таких, как Карлов мост через Влтаву, собор Святого Вита на Пражском граде, сказочно великолепный королевский замок Карлштейн), которые до сих пор определяют неповторимое очарование архитектурного облика Праги.

В 1348 г. в Праге был основан университет, до наших дней называемый Карловым – первый по времени основания университет на землях империи, расположенных к северу от Альп³.

По распоряжению Карла были начаты работы по сооружению системы судоходных каналов, призванной обеспечить водное сообщение между Эльбой и Дунаем, благодаря которому Прага, по его замыслу, должна была превратиться в крупнейший на континенте центр международной торговли⁴.

Придворные хронисты Карла IV немало потрудились над тем, чтобы история Чешского королевства была извлечена из мрака забвения и заблестала в ярком свете подвигов предков⁵, заслуги которых являлись основанием ведущей роли Чехии в империи, а в его знаменитой Золотой булле 1356 г. предписывалось, чтобы имперские курфюрсты обучали своих сыновей «славянской речи»⁶.

Одним из способов укрепления власти короля-императора являлось стремление придать чешской короне особый блеск за счёт обращения к наследию Великоморавской эпохи, предшествовавшей созданию Священной Римской империи и оставившей глубокий след в политической и духовной истории Европы.

Особо значимой составной частью великоморавского наследия являлась прошедшая сквозь века память о святых солунских братьях, славян-

ских апостолах Кирилле и Мефодии, почитаемых как восточной, так и западной церквями. Не случайно именно во время правления Карла – в 1349 г. – в Чехии был учреждён в их честь специальный церковный праздник⁷.

Помимо того, что миссия Кирилла и Мефодия напоминала о глубоких корнях чешской государственности, связанных с Великой Моравией – погибшим, но известным благодаря сочинению Константина Багрянородного государством, обращение к именам святых братьев имело и более узкое, вполне конкретное предназначение. Оно выступало в качестве одного из главных аргументов в борьбе за создание независимого Пражского архиепископства⁸. С его учреждением в 1344 г. (за два года до вступления Карла IV на королевский и императорский престолы) Чехия превратилась в самостоятельную церковную провинцию, границы которой совпадали с границами Чешского королевства, что не могло не сказаться на укреплении власти чешского короля, земли которого вышли, наконец, из-под власти Майнцского архиепископа.

Дело в том, что прибывшие в Великую Моравию из Византии славянские апостолы, столкнувшись с решительным противодействием немецкого духовенства, совершили в 869 г. путешествие в Рим и смогли убедить папу Адриана II в необходимости ради успеха проповеди слова Божьего учреждения нового архиепископства – Моравии и Паннонии, первым главой которого стал Мефодий⁹.

Моравское и Паннонское архиепископство погибло в начале X в., в огне венгерского нашествия в Центральную Европу, когда была буквально сметена с лица земли Великая Моравия со всеми её политическими, религиозными и культурными центрами.

Однако память о святых Кирилле и Мефодии, о созданном ими архиепископстве продолжала жить в течение столетий, прежде всего, в среде славянского духовенства.

В непосредственной связи с кирилло-мефодиевской традицией стоит такой акт, как основание на Новом Месте Пражском в 1347 г. бенедиктинского монастыря, получившего название «На Слованах»¹⁰.

Вновь основанный монастырь, собор которого до сих пор украшает один из уголков исторического центра Праги на площади имени Франтишка Палацкого, а настенные фрески (около восьмидесяти сцен, иллюстрирующих Ветхий и Новый Завет) продолжают восхищать поклонников средневековой живописи¹¹, получил своё название в силу особенностей своей внутренней жизни.

Во-первых, в него принимались исключительно выходцы из славянских земель, а первоначальное ядро братии составили хорваты. Во-вторых, святыми патронами монастыря были объявлены исключительно «славянские» (по

представлениям того времени) святые – Иероним, Адальберт, Прокон и, разумеется, Кирилл и Мефодий¹². В-третьих, – и это представляется самым главным – монастырь «На Слованах» стал очагом возрождения славянского языка в богослужении и славянской письменности.

Богослужение здесь велось по римскому образцу, но на церковно-славянском языке. При монастыре была основана мастерская письма, в которой создавались великолепные памятники глаголической письменности. Из мастерской письма монастыря «На Слованах» вышло, в частности, созданное здесь в 1395 г. знаменитое «Реймское евангелие», которое в 1574 г. было приобретено реймским епископом Карлом, затем стало частью регалий французских королей и служило им до 1782 г. для принесения присяги¹³.

Важно при этом отметить, что возрождение славянской письменности являлось не только одним из проявлений государственно-политической концепции Карла IV, но и отражало успехи начавшегося в чешских землях процесса становления славянского и чешского национального самосознания, которые не могли остаться незамеченными и неучтёнными самым знаменитым из представителей династии Люксембургов на чешском престоле.

То же обстоятельство, что славянские рукописи в Праге стали создаваться на глаголице, а не на более совершенной кириллице, было обусловлено продолжавшимся противостоянием католической и православной церквей: глаголица не получила широкого распространения в восточной церкви, вытесненная пришедшей ей на смену кириллицей. Последняя воспринималась на Западе как порождение «константинопольской ереси», в то время как созданная Кириллом глаголица непосредственно связывалась с именем святого, а в библиотеке Ватикана хранились составленные на ней рукописи.

Парадоксально, но факт: очаг славянской письменности в Праге стал жертвой гуситского движения, одним из источников мощнейшей взрывчатой силы которого являлось чешское национальное самосознание. В отличие от других пражских монастырей, он почти не пострадал от внешних разрушений, но к концу Гуситских войн утратил свой славянский характер, а также роль очага письменной культуры.

В охваченной бурей революционных потрясений Праге не нашлось места для бенедиктинской обители с неторопливой работой мастерской пись-

ма, и дух кирилло-мефодиевской традиции вновь ушёл из столицы Чехии, чтобы вернуться обратно в эпоху национального Возрождения.

Примечания

- 1 Статья написана на основе доклада, прочитанного автором на Международной научно-практической конференции «Славянский мир: общность и многообразие» в рамках Дня славянской письменности и культуры (май 2009, Саратов).
- 2 Подробный анализ государственно-политической концепции Карла IV см. в кн.: *Spěvaček J. Karel IV. Život a dílo [1316–1378]. Praha, 1979. S. 261–328.*
- 3 В учредительной грамоте Пражского университета Карл IV подчёркивал свою особую заботу о «чести и благе Чешского королевства». См.: *Čtení o Karlu IV a jeho době (Z pramenů). Praha, 1958. S. 187.*
- 4 См.: *Reincke H. Machtpolitik und Weltwirtschaftspläne Karls IV // Hansische Geschichtsblätter. Jahrgang 49, Bd. 29. Lübeck, 1924. S. 78–116.*
- 5 См.: *Лантева Л.П. Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848 года). М., 1985. С. 61–66.*
- 6 *Zeumer K. Die goldene Bulle Kaiser Karls IV. Weimar, 1908. Bd. 2. S. 47–48.*
- 7 См.: *Мельников Г.П. Этническое самосознание чехов во второй половине XIV в. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 210.*
- 8 См. об этом в кн.: *Turek R. Čechy na úsvitě dějin. Praha, 1963. S. 63.* Заметим, однако, что в тексте учредительной грамоты Пражского архиепископа, изданной папой Климентом VI, отмечалось лишь то, что «жители названного (Чешского) королевства говорят на славянском языке, совершенно отличном и непонятном для жителей других епископств названной провинции (Майнцского архиепископства), которые ... говорят на немецком языке» (*Čtení o Karlu IV a jeho době. S. 135.*)
- 9 См.: *Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 99, 152–156, 196–197.*
- 10 Серия учредительных грамот, сопровождавших акт основания монастыря, опубликована в кн.: *Čtení o Karlu IV a jeho době. S. 178–185.*
- 11 Об архитектуре монастыря, а также о сохранившихся в его стенах памятниках скульптуры и живописи см.: *Stejskal K. Klášter na Slovanech. Praha, 1974; České umění gotické. 1350–1420. Praha, 1970. S. 95, 191–194.*
- 12 См.: *Čtení o Karlu IV a jeho době. S. 180, 182, 183, 185.*
- 13 См.: *Георгиевская Е.Б. Прага. М., 1967. С. 139.*

УДК 94(420).07+929

«ВЕЛИЧАЙШИЙ ДЕНДИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ» ДЖ. Б. БРАММЕЛЛ НА СТРАНИЦАХ ВИКТОРИАНСКОЙ ПРЕССЫ

М.А. Карпухина

Саратовский государственный университет
E-mail: karpuhinama@inbox.ru

В статье рассматривается отражение жизненного пути известного английского денди начала XIX в. Дж. Браммелла в викторианских периодических изданиях. Работа построена на журнальных рецензиях в периодике разной направленности, опубликованных в связи с изданием полной биографии Дж. Браммелла в 1844 году.

Ключевые слова: история Великобритании, викторианская Англия, Дж. Браммелл, регентство, У. Джессе, периодика, денди, Блэквуд Эдинбург Мэгэзин, Дублин Ревью.

«The Greatest Dandy of his Times» G.B. Brummell in Victorian Periodicals

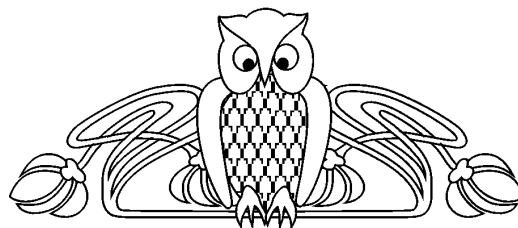
М.А. Карпухина

The author in the article explores the reflection of the course of life of famous English dandy in the beginning of the XIX century G. Brummell in Victorian periodicals. The article is based on the reviews in various periodicals, which were published after the full biography of G. Brummell had been printed in 1844.

Key words: history of Great Britain, Victorian England, Regency, G. Brummell, W. Jesse, periodicals, dandy, Blackwood's Edinburgh Magazine, Dublin Review.

Споры о роли и предназначении средств массовой информации в общественной и в политической жизни ведутся уже не первое столетие. И если в настоящее время основные страхи и опасения большей части человечества связаны с массовыми электронными СМИ, то в XIX в. примерно похожие чувства англичане испытывали по отношению к печатной продукции¹. Превращение периодической индустрии в «литературную Нижнюю империю»² в эпоху торжества печатного слова выразилось в колоссальном культурном влиянии, которое периодика имела и как основной источник научной, экономической и политической информации, и как арбитр литературного и художественного вкуса³.

В эпоху романтизма в Великобритании произошло распределение людей на сообщества, принадлежность к которым определялась религиозными, экономическими, идеологическими, интеллектуальными или эстетическими убеждениями. Для того чтобы эта система была жизнеспособна, должен был существовать механизм создания и поддержки энтузиазма в любой такой группе, объединенной общими идеалами, а также механизм демонизации их оппонентов⁴. Одним

из таких механизмов была периодическая печать. При этом, если периодика середины XVIII в. была в достаточной степени изысканной, эклектичной и ориентированной преимущественно на мужчин среднего и высшего класса, то к началу XIX в. ситуация в корне изменилась, и в Британии появилось то, что современные исследователи СМИ называют «нишами» в периодической печати. Это означало серьезную специализацию периодических изданий. В первой четверти XIX в. появились солидные обозрения, причем ведущие обозрения обладали явной партийной направленностью, а также несколько изданий, адресованных менее широким слоям общества, но также имеющие свою аудиторию. Далее речь пойдет о двух таких изданиях, которые, будучи ориентированы на абсолютно разных читателей, в одно и то же время опубликовали рецензии на только что вышедшую в свет биографию Дж. Б. Браммелла, «величайшего денди своего времени и всех других времен»⁵.

Плод долгого труда британского капитана в отставке Уильяма Джессе, «Жизнь Джорджа Браммелла, эсквайра»⁶, был издан в двух томах в 1844 г., спустя четыре года после смерти самого Браммелла во Франции. Джессе работал над этой книгой в течение долгого времени и был знаком с Браммеллом лично, правда, уже в то время, когда великосветский образ жизни блистательного денди был далеко в прошлом, и Браммелл жил в бедности во Франции. Книга написана с необыкновенной теплотой и восхищением, однако нельзя не заметить нравоучительные интонации в описаниях последних лет жизни Браммелла во Франции: все-таки его поведение и образ жизни в молодости не совсем соответствовали представлениям почтенного капитана о «соответствующем поведении». Нужно отметить, что смерть Браммелла в 1840 г. оказалась практически незамеченной в Англии – к этому времени он уже более тридцати лет жил фактически в изгнании на континенте – но издание его биографии тем не менее привлекло внимание общественности, и два британских периодических издания посчитали необходимым высказаться на этот счет. В 1844 г. в июньском выпуске журнала «Блэквудс Эдинбург Мэгэзин» появляется анонимная статья под названием «Красавчик Браммелл»⁷, а в октябре того же года в «Дублин Ревью» выходит также анонимная рецензия «“Жизнь Джорджа Браммелла, эсквайра”, написанная капитаном Джессе»⁸.

Перед тем как обратиться к тексту рецензий, необходимо сказать несколько слов о самих

журналах. «Блэквудс Эдинбург Мэгэзин» был одним из тех журналов, которые появлялись на базе книгоиздательского дела, и его создатель Уильям Блэквуд сумел привлечь к работе в журнале известнейших англоязычных писателей (в разное время в журнале публиковались сочинения В. Скотта, Дж. Элиота, Э. Треллопа, Т. Куинси и многих других). Журнал Блэквуда поддерживал партию тори, но при этом он был гораздо менее тяжеловесен и серьезен, чем торийское «Ежеквартальное обозрение», и имел очень широкий круг читателей, которые всегда знали, что на страницах журнала найдут статьи с консервативным оттенком и интересную художественную литературу. Очень быстро этот ежемесячный журнал обрел широкую, хотя и немного скандальную известность⁹. «Наш журнал на протяжении ста лет поддерживал два знамени: здоровую критику и политику тори»¹⁰, как было сказано в ретроспективной статье, посвященной столетию журнала, и, хотя первое утверждение часто становилось камнем преткновения, второе не вызывало у читающей публики ни малейших сомнений на протяжении всей истории существования журнала. Э.А. По в своих рассказах¹¹ откровенно пародировал эмоциональность и вычурность, которые вполне можно назвать отличительным стилем издания. Таким образом, выбор книги Джессе о «первом денди в истории» в качестве объекта рецензии был вполне в общем русле публикаций.

Совершенно иным по сути изданием было Дублинское обозрение. После того как католики приняли участие в парламентских выборах в 1832 г., католицизм сам по себе получил в Англии некий импульс к развитию, и в 1836 г. ректор Английского колледжа в Риме Николас Вайсмен основал новый католический журнал. Несмотря на то что в названии обозрения содержится слово «Дублин», оно издавалось в Лондоне и было ориентировано на английских читателей¹². Есть основания считать, что выбор такого названия обусловлен желанием создать противовес эдинбургским журналам. Вайсмен сознательно не стал включать в название прилагательное «католический», опасаясь как бурных общественных дебатов по этому поводу, так и обретения чересчур рьяных приверженцев¹³. У Дублинского обозрения не было определенной политической линии и богатых покровителей, кроме того, тот факт, что выходило оно раз в квартал не всегда позволял изданию своевременно давать характеристику актуальным событиям или явлениям. Тем не менее в 1830–1850-е гг. именно это издание было центральным голосом католицизма в Англии¹⁴.

Денди Дж. Браммелл был антигероем для викторианского католицизма, и как собственно «великосветский бездельник», и как один из наиболее ярких представителей высшего общества периода Регентства, который оценивался крайне отрицательно: «Строгие добродетели домашней жизни делали беззащитными тех, кто их при-

держивался, объектами для насмешек и издевок придворных, которые обладали нравами своего правителя. Небрежность в платье была непростительным проступком, в то время как своего рода добродетелью считался уход от жены; первое могло стать преградой к вступлению в общество, второе – достаточной рекомендацией»¹⁵.

В обеих статьях достаточно полно представлена линия жизни Дж. Браммелла: его незнатное происхождение, годы обучения в Итоне и несколько месяцев в Оксфорде, служба в Х Гвардейском полку, успех в лондонском великосветском обществе, дружба и ссора с принцем Уэльским Георгом, побег от кредиторов во Францию и довольно тяжелая жизнь в Кале, несостоявшаяся встреча с Георгом IV, который проездом был в Кале, и трагичные последние годы жизни, которые в итоге завершились сумасшедшим домом.

Однако стиль изложения материала абсолютно разный. В журнале Блэквуда общий тон статьи очень легкий, кроме того, в текст включены несколько интересных отступлений: рассказ о величайших щеголях предыдущих эпох, начиная с приближенных Карла II¹⁶, который отчасти повторяет вступление книги Джессе – Браммелл при этом является их логичным продолжением и также одним из тех людей, которые создавали свою эпоху¹⁷, рассуждения автора о природе моды: «Мода вступает в полную силу по мере того, как она становится более смехотворной. Люди держатся за моду по той же причине, по которой они держат ручных обезьянок – за обезображивание»¹⁸. Кроме того, автору статьи нельзя отказать в определенном чувстве юмора, когда он сравнивает вынужденное изгнание Браммелла с ссылкой Овидия во Фракию¹⁹. Но при этом автор касается и некоторых социальных проблем: «Если бы можно было перевести в денежный эквивалент те суммы, время и здоровье, которые англичане тратили на нюхательный табак, то итоговая цифра была бы равна национальному долгу Англии»²⁰.

Статья в Дублинском обозрении лишена стилистических украшений и дополнительный сведений, но при этом полна нравоучительных отступлений. Автор сравнил прошедшую эпоху с эпохой настоящей: «Во времена Браммелла одежда выравнивала различия происхождения, как сейчас это может сделать образование»²¹, дал некоторые наставления католической молодежи, читающей журнал: «Мораль, которую можно извлечь из этой истории, лежит на поверхности. <...> ... Множество молодых людей, вступающих в эту жизнь с хорошими перспективами, могут подвергнуться соблазну развлечений в светском обществе, как это случилось с Браммеллом. <...> Пусть эта страница попадет им на глаза, и они вспомнят жалкого и грязного человека, который когда-то был блистательным и остроумным Браммеллом, и к тому же пусть они вспомнят, что он умер в сумасшедшем доме»²². И даже тот факт, что после его смерти в свертке с письмами, аккуратно

перевязанными разноцветными лентами, нашли также множество локонов, расценивается как доказательство его тщеславия и глупости²³. Во время чтения этой статьи возникает ощущение, что автору хотелось как можно быстрее ее закончить, и его единственный мотив – это воспитательный эффект, который статья должна произвести на молодое поколение: «Сейчас мы быстро представим нашим читателям краткое описание жизни Браммелла. Если читать его в соответствующем настроении, оно послужит уроком для наиболее беспечных, и, вкуче с предложенными рассуждениями, несомненно, даст хороший результат»²⁴.

Следуя за событиями в жизни Браммелла, в обеих статьях авторы отметили тот факт, что после Итона Браммелл отправился в Оксфорд, и в 1793 году занял второе место в конкурсе стихов²⁵. Автор статьи в Дублинском обозрении оценивает это как один из серьезнейших факторов, повлиявших на всю дальнейшую жизнь Браммелла: «если бы его ждал успех, кто знает, как бы сложилась его дальнейшая судьба! <...> но он проиграл соревнование и обратился к пустячным знаниям, вместо того, чтобы ходить сложными путями науки и литературы»²⁶. В статье в журнале Блэквуда также отмечалось его участие в этом конкурсе, но при этом автор добавил, что «нарушение им правил колледжа было систематическим и циничным. Браммелл был автором половины эпиграмм, запустил дрессированную галку во двор, чтобы подразнить наставника, и относился ко всем вышестоящим с чрезвычайным презрением»²⁷, то есть никаких иллюзий на тот счет, что Браммелл мог стать в жизни «полезным членом общества», автор не испытывал.

Служба Браммелла в 10-м драгунском полку оценивалась одинаково – перед Браммеллом открывались великолепные возможности в силу его дружбы с принцем-регентом, в командовании которого находился этот полк, а также множества итонских, оксфордских и армейских знакомств. «За годы службы Браммелл поднялся до звания капитана, несомненно, через головы многих трудолюбивых и внимательных офицеров»²⁸, – действительно, небрежность Браммелла по отношению к своим служебным обязанностям стала предметом анекдотов, которые, однако, его приятели с удовольствием пересказывали друг другу (некоторые из них приводятся в статье в журнале Блэквуда). Особое расположение принца и в общем-то несложные обязанности делали службу необременительной для Браммелла, тем не менее в 1798 г. он подал в отставку, о чем также говорилось в обеих статьях: полк переводили в Манчестер, и Браммелл не захотел оставлять Лондон²⁹. В журнале Блэквуда его отставка объяснялась «абсолютным отвращением к любому виду деятельности, которое одно могло побудить его бросить примечательные преимущества своего положения»³⁰. Таким образом, к 21-му году жизни Браммелл, по мнению авторов обеих статей, со-

знательно лишил себя возможности сделать блестящую карьеру в армии, однако далее трактовка его жизненных достижений различается: по мнению автора статьи в Дублинском обозрении, «это была наивысшая точка карьеры Браммелла»³¹, и более он уже ничего не достиг, в то время как, исходя из текста статьи в журнале Блэквуда, все самое главное, благодаря чему Браммелл стал известен в истории, только начиналось.

«Известность может ждать кого-то в гекзаметре и пентаметре, может дожидаться других в гребле и крикете, в случае Браммелла цвет фрака и покрой жилета были предметом его славы»³², и действительно, платье Браммелла было темой отдельного разговора. Браммелл «шел впереди своего времени: он изобрел костюм, к которому еще не сделано ни одно современное улучшение»³³ – более того, как можно утверждать сейчас, Браммелл определил каноны мужского классического костюма на два века вперед³⁴. Хотя первым словом Браммелла в мире моды был шейный платок – и об этом тоже сказано в статье: «шейные платки, которые были в моде в то время, за день ношения скатывались в неопрятный валик у подбородка. <...> Браммелл отважно встретил эту катастрофу, и просто слегка подкрахмалил слишком мягкий материал»³⁵. Однако этот прием держался втайне, и только перед отъездом во Францию он оставил друзьям записку с одним только словом: «Крах-мал!»³⁶. В контексте повествования о неопрятных шейных платках автор упомянул в очень неслучайном ключе о вигах в начале XIX века: «Политика того времени была беспорядочна, и внешний вид политиков соответствовал их принципам. Удача вигов почти иссякла, и бархатные фраки и расшитые жилеты, дорогие пряжки и золотые пуговицы остались в лучших днях. <...> Фокс уже прослыл как неряха – за ним последовала целая фракция. <...> Все они были сбродом, и Фокс был представителем популяции банкротов»³⁷. Автор не преминул также вспомнить карикатуру Дж. Гилрея, на которой изображено, как на первом собрании после смерти Питта представители партии вигов переодевались в чистую одежду и приводили себя в порядок.

Автор статьи в Дублинском обозрении не коснулся вопросов политики вообще, однако достаточно негативно оценил фигуру принца Уэльского, которым Джессе, с его точки зрения, слишком восхищался: принц по утрам часто посещал дом Браммелла, чтобы «наблюдать процесс утреннего туалета своего друга, и оставался часто после <...> и настаивал на том, чтобы Браммелл накормил его обедом, который обычно заканчивал грандиозной попойкой»³⁸, соответственно принц никак не мог быть серьезным государственным деятелем, имея такие низменные интересы. Да и как было уже сказано выше, сама эпоха в глазах автора статьи выглядела не самым лучшим образом: «Дурная известность Браммелла, которую некоторые называют славой, представляет собой

достаточный показатель состояния английской морали в высших кругах общества в его дни. Мы можем печалиться, что в истории нашей страны был период, когда умение завязать галстук и пошить фрак создавало такую же славу их носителю, какой наслаждались военные и государственные деятели, поэты и философы³⁹. Совершенно неожиданно в Дублинском обозрении Браммелл безапелляционно назван «последним настоящим денди» (а вовсе не первым, как считал Джессе, и каким он известен в истории), и второго Браммелла в истории быть не может, поскольку «испорченное состояние общественной морали в Англии к концу правления Георга III и влияние, которое Регент оказывал на светское общество, которые создали возможности для такого человека, как Браммелл, никогда не повторятся снова»⁴⁰. Пояснения самого Джессе относительно применимости к Браммеллу слова «денди» названы автором статьи «неуместными и глупыми».

Ни слова автор статьи не говорит ни об исключительном изяществе и стиле Браммелла, хотя в журнале Блэквуда этому уделяется довольно большое внимание, так же как и многочисленным анекдотам, ходившим вокруг его персоны. Два из них повторяются в обеих статьях: первый – это рассказ о том, как герцог Бедфорд приехал показать Браммеллу свой новый фрак и в ответ услышал: «Мой дорогой Бедфорд, Вы это называете фракком?», причем герцог на это не обиделся, а беспрекословно уехал домой переодеваться. Второй касается приезда в Лондон старшего брата Браммелла, Уильяма: у Браммелла в клубе спросили, собирается ли он представить своего брата в обществе. «Непременно, – ответил Браммелл, – через день или два. Я посоветовал ему не появляться на улице, пока не прибудет его новое платье». В Дублинском обозрении эти два эпизода расценивались как проявление крайней наглости и невоспитанности, в журнале Блэквуда – как свидетельство его особенного положения в обществе и исключительного умения шутить достаточно злые шутки, никого при этом не обижая всерьез. «Браммелл хотя и не находился под покровительством премьер-министра, обладал необыкновенной властью над судьбами»⁴¹, и в доказательство автор статьи приводит пример диалога одной герцогини со своей дочерью на балу в Олмаксе: «Постарайся понравиться мистеру Браммеллу, от этого зависит твое положение в обществе».

Конечно, иногда и Браммелл несколько переигрывал, в подтверждение автор привел следующий эпизод: «Однажды в доме знатного человека Браммелл попросил хозяина о коротком разговоре в библиотеке и сообщил вызывающим опасения тоном, что «он должен немедленно покинуть этот дом – сегодня же. – Почему, Вы же собирались остаться на месяц? – сказал гостеприимный хозяин. – Говорю правду – я должен уехать, поскольку я влюбился в вашу графиню. – Ну, мой дорогой сэр, я не могу помочь. Я влюбился в нее

сам двадцать лет назад, – сказал добродушный муж. – Но влюблена ли она в вас? Красавчик потупил взгляд, и со скромностью, граничащей с нахальством, едва промолвил: – Я верю, что да. – О! это меняет дело. Я прикажу подать экипаж. Доброго утра Вам!»⁴². Этот разговор, с точки зрения автора статьи, лучше всего характеризовал отношения Браммелла с женщинами – «его жизнь была флиртом, материей, к которой не может быть снисхождения в браке, и поэтому он никогда не был женат»⁴³. Если учесть, что в журнале Блэквуда часто поднимались вопросы брака, и издание не то что бы позиционировало себя как журнал для холостяков, но частенько обыгрывало эту тему, неудивительно, что вопрос семейной жизни Браммелла был затронут в этой статье⁴⁴. В Дублинском обозрении тема личной жизни Браммелла не затронута вовсе.

Безусловное «правление» Браммелла в мире моды продолжалось примерно до 1813 г., когда произошла его ссора с принцем. Автор статьи в Дублинском обозрении приводит слова принца после ссоры, что его бывший друг «никто иной как болван для удобства работы портного»⁴⁵, кем, по мнению автора статьи, Браммелл на самом деле и являлся. После неудачи следовали за неудачами, и в 1816 г. Браммелл бежал во Францию от кредиторов.

«Маленькая рыбацкая деревушка», – порт Кале стал его домом на 14 лет, и великосветскому денди с отточенными манерами было довольно сложно адаптироваться к провинциальным нравам и обществу. Однако его «особое чувство юмора» не покинуло его и в добровольном изгнании: на вопрос одного из проезжавших мимо друзей: «И каково жить в таком месте?», он ответил: «О, разве это не общепринятое мнение, что настоящий джентльмен должен приятно проводить время между Лондоном и Парижем?»⁴⁶

В обеих статьях довольно много внимания уделяется визиту Георга IV в Кале в 1821 г. по пути в Ганновер. Георг и Браммелл не встретились, и если в Дублинском обозрении этот эпизод служит дополнительным примером человеческой гордыни и неблагодарности, то в журнале Блэквуда это повод сыграть на эмоциях читателей: и эпизод, когда король, случайно увидев Браммелла в толпе, не сдержался и воскликнул: «Святые небеса, Браммелл!», и рассказ о том, как английский консул занял у Браммелла немного нюхательного табака для короля, и Георг, отведав его, воскликнул: «Где вы взяли этот табак? Только один человек в мире может изготовить такую смесь!», и то, как на следующий день король сказал капитану яхты, на которой он отплывал: «Я покидаю Кале, так и не увидевшись с Браммеллом», и также описание браммелловского зонтика, с которым его часто видели на улицах Кана: «у него в руках часто видели коричневый шелковый зонт, который обычно был в шелковом чехле – с рукояткой из слоновой кости в виде головы Георга»⁴⁷. Естественно, жизнь

Браммелла во Франции не сводилась только к эмоциональным переживаниям по поводу ушедших дней, денег у него почти не было, и если сначала он жил на пожертвования друзей, то со временем этот источник дохода практически иссяк. После смерти Георга IV в 1830 г. Браммелл получил назначение на пост консула в Кане, «луч солнца, который засиял на его пути»⁴⁸ – возможность все-таки послужить на благо отечества, с точки зрения Дублинского обозрения, но и этот «луч» быстро исчез. Доход эта должность приносила небольшой, и основная часть шла на уплату уже новых, французских долгов, а через какое-то время была и вовсе упразднена.

Последние годы жизни Браммелла были омрачены бедностью, долговой тюрьмой и сумасшествием. Оба автора воздерживаются от подробного описания его бедствий (чего, однако, не стал делать Джессе в своей книге), и оба они подводят определенную черту, оценивают Браммелла: «письма, написанные им на закате жизни, отражали окружающую действительность и страдания гораздо сильнее <...>, мода и его собственные глупости скрывали незаурядный ум и настоящую нежность»⁴⁹. Удивительно, что достаточно агрессивное по настроению изложение жизни Браммелла в Дублинском обозрении заканчивается очень спокойным и умиротворяющим описанием приюта для умалишенных: розы в прохладном саду, большой камин, сестры милосердия и набожные дамы «которые избегали его, как чуму, когда он был в свете, сейчас заботились о нем с поистине сестринскими чувствами»⁵⁰.

Заключительные параграфы обеих рецензий содержат в себе мнение авторов о самом сочинении капитана Джессе. Журнал Блэквуда оценил работу определенно положительно: «книга исключительно легко читается, анекдоты пересказаны прекрасно, стиль изложения живой»⁵¹, точка зрения Дублинского обозрения была совершенно иной: «сожалеем, что не можем восхвалить предмет или манеру написания книги. Количество глупых писем и еще более глупых стихов, которые вполне можно было бы опустить, были включены с очевидной целью раздуть сочинение до двух томов. <...> Видимо, Браммелл хорошо знал этого человека, когда сказал ему: “Мой дорогой Джессе, простите меня, но вы очень похожи на сороку”»⁵². Такие выводы в принципе достаточно предсказуемы по выбранному материалу и стилю его подачи в рецензиях.

В последнее время имя Дж. Браммелла часто связывают с понятием «знаменитость» – сам Браммелл знал это слово и употреблял его в значении почти современного⁵³, кроме того, он сам и его жизнь были предметом интереса многих людей в Лондоне, его шутки люди пересказывали друг другу, одежду копировали, а его мнение ценили подчас больше мнения принца (особенно в вопросах светской жизни и моды). Книга Джессе разбудила воспоминания – тридцать лет не настолько боль-

шой срок, чтобы память о человеке, занимавшем ума и сердца многих его современников, успела рассеяться. Этим также и объясняется то, что появилась посвященная ему статья в Дублинском обозрении – молодые католики ни в коем случае не должны были составить себе представление о Браммелле как о легенде, а иметь в виду, что это был всего только бездельник, который впоследствии получил по заслугам. Но легендарный ореол вокруг Браммелла существовал почти с самого начала его светской лондонской жизни. Таким образом, представляется, что книга Джессе для большей части читающих англичан выглядела так, как представлял ее в своем обозрении журнал Блэквуда: «Во всех событиях Джессе дает нам детали жизни и характера того человека, о котором каждый из нас что-то слышал и каждый хотел узнать побольше»⁵⁴.

Примечания

- 1 См.: *Romantic Periodicals and Print Culture* / Ed. by K. Wheatley. L.: Frank Cass, 2003. P. 7.
- 2 Впервые этот термин употребил Дж. Г. Байрон, имея в виду Византийскую «Нижнюю» империю.
- 3 См.: *Shoenfield M. British Periodicals and Romantic Identity. The “Literary Lower Empire”*. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2009. P. 1.
- 4 См.: *Romantic Periodicals and Print Culture*. P. 8.
- 5 *Д’Оревильи Б.* О дендизме и Джордже Браммелле. М.: Независимая газета, 2000. С. 67.
- 6 *Jesse W. The Life of George Brummell, Esq.*: In 2 Vol. L.: Saunders and Otley, 1844.
- 7 *Beau Brummell* // *Blackwood’s Edinburgh Magazine*. 1844. Vol. 55, № 344. P. 769–784.
- 8 *Life of George Brummell, Esq. By Captain Jesse*. London: 1844 // *The Dublin Review*. 1844. Vol. 17. P. 92–105.
- 9 *Finkelmann D. The Rise and Fall of the House of Blackwood’s Magazine* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.qmu.ac.uk/mcs/mcc/Blackwoods/blackhist.html> (дата обращения: 14.10.2010).
- 10 *Ibid.*
- 11 См.: *По Э.А.* Без дыхания. Как написать рассказ для «Блэквуда». СПб.: Кристалл, 1999.
- 12 *The Wellesley Index to Victorian Periodicals. 1824–1900*. Vol. II. Toronto: University of Toronto Press, 1972. P. 9.
- 13 Кроме того, Вайсмен весьма возможно желал избежать путаницы с Католическим журналом.
- 14 *The Wellesley Index to Victorian Periodicals*. P. 16.
- 15 *Life of George Brummell*. P. 93.
- 16 *Beau Brummell*. P. 76.
- 17 В статье в журнале Блэквуда также можно увидеть противопоставление эпох: «Все изменяется, и если наш век – это век масс и классов, то прошлая эпоха – это эпоха индивидуальностей. Полдюжины примечательных людей представляли лондонский мир», и Браммелл определенно входил в эти полдюжины (*Beau Brummell*. P. 769).
- 18 *Ibid.* P. 775.

- ¹⁹ Beau Brummell. P. 784.
²⁰ Ibid. P. 775.
²¹ Life of George Brummell. P. 94.
²² Ibid. P. 104.
²³ Ibid. P. 103.
²⁴ Ibid. P. 94.
²⁵ В статьях идет речь о Ньюдигейтской премии, однако эта премия была учреждена сэром Р. Ньюдигейтом только в 1805 году. Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/1080843/Newdigate-Prize> (дата обращения 10.11.2010).
²⁶ Life of George Brummell. P. 95.
²⁷ Beau Brummell. P. 775.
²⁸ Life of George Brummell. P. 95.
²⁹ Ibid. P. 95; Beau Brummell. P. 773.
³⁰ Beau Brummell. P. 772.
³¹ Life of George Brummell. P. 95.
³² Beau Brummell. P. 771.
³³ Ibid. P. 773.
³⁴ См.: *Вайнштейн О.Б.* Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: НЛЮ, 2006. С. 58.
³⁵ Beau Brummell. P. 777.
³⁶ *Вайнштейн О.Б.* Указ. соч. С. 59.
³⁷ Beau Brummell. P. 777.
³⁸ Life of George Brummell. P. 97.
³⁹ Ibid. P. 93.
⁴⁰ Ibid. P. 92.
⁴¹ Beau Brummell. P. 773.
⁴² Ibid. P. 778.
⁴³ Ibid. P. 780.
⁴⁴ *Niles L.* May the married be single, and the single happy: Blackwood's, the Maga for the Single Man // *Romantic Periodicals and Print Culture*. P. 101.
⁴⁵ Life of George Brummell. P. 97.
⁴⁶ Beau Brummell. P. 782.
⁴⁷ Ibid. P. 783.
⁴⁸ Life of George Brummell. P. 101.
⁴⁹ Beau Brummell. P. 784.
⁵⁰ Life of George Brummell. P. 103.
⁵¹ Beau Brummell. P. 784.
⁵² Life of George Brummell. P. 105.
⁵³ *Kelly I.* Beau Brummell: The Ultimate Man of Style. L.: Free Press, 2006. P. 1.
⁵⁴ Beau Brummell. P. 784.

УДК 75(410)+008(410)(09)+929

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПРЕРАФАЭЛИТОВ

М.А. Чичкова

Саратовский государственный университет
E-mail: raingirl-86@mail.ru

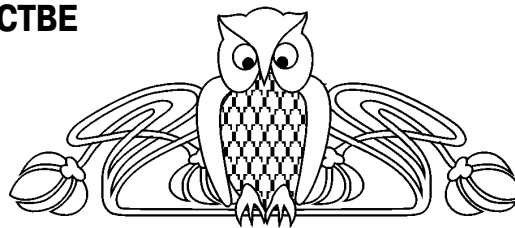
Данная статья посвящена творчеству представителей английского искусства середины XIX в., входивших в так называемое «Братство прерафаэлитов». Особое внимание уделяется их интересу к отображению острых социальных реалий, характерных для викторианского общества того времени. Путем анализа картин прерафаэлитов рассматриваются затронутые ими проблемы трудовой эмиграции, проституции, незаконнорожденных детей, положения женщины и т.д. Данный интерес объясняется тем, какое гипертрофированное значение в викторианском обществе, протестантскому в основной своей массе, придавалось морали и труду.

Ключевые слова: прерафаэлитизм, академизм, викторианство, викторианская мораль, Возрождение, протестантская трудовая этика, назарейцы, «голодные сороковые».

The Problems of the Contemporaneity the Creativity of the Pre-Raphaelites

М.А. Chichkova

The article is devoted to creativity of the Pre-Raphaelite Brotherhood who represented the English art of the middle of the XIX century. Particular attention is paid to their interest in the representation of acute social realities of the Victorian society at that time. The problems of labor emigration, prostitution, illegitimate children, position of women and so on are considered by an analysis of the Pre-Raphaelite paint-

ings. This interest is explained by a hypertrophied significance of the morals and work in the Victorian society that was Protestant in its basic mass.

Key words: Pre-Raphaelitism, academic art, Victorian era, Victorian morality, Renaissance, Protestant work ethic, Nazarenes, Hungry Forties.

Движение прерафаэлитов стало одним из самых ярких явлений в культурной жизни Англии XIX века. Его изучение началось практически со времени его возникновения. Свой вклад в это внес современник и в определенном смысле наставник прерафаэлитов Д. Рескин¹, а позднее и сами представители этого движения². На рубеже XIX и XX вв. прерафаэлиты привлекали внимание русских исследователей³. Потом наступило время полузабвения. Заметным явлением в изучении этого культурно-исторического явления стало появление монографии Некрасовой, в которой прерафаэлитизм рассматривался в контексте развития романтической традиции⁴. В последние десятилетия прошлого века прерафаэлиты вновь заинтересовали исследователей⁵.

Становление этого движения берет свое начало в деятельности молодых студентов Ко-

ролевской Академии в Лондоне (Д.Э. Миллес, Д.Г. Россетти, У.Х. Хант, У.М. Россетти, Ф. Стивенс, Т. Вулнер, Д. Коллинсон), объединившихся в сентябре 1848 г. в «Братство прерафаэлитов» и поставивших перед собой цель обновить современное им английское искусство. Последнее развивалось практически полностью в рамках академизма с его искусственностью, преобладанием «образцово-идеальных» мифологических, исторических и религиозных сюжетов. Молодые художники связывали торжество «образцово-идеального» искусства с творчеством Рафаэля и его последователей, подчинивших европейскую живопись системе устоявшихся условных приемов в композиционном и колористическом отношении. Им не нравилась условность предлагаемых трактовок. Они стали проповедовать необходимость искренности в искусстве. Образец живописи такого рода они усмотрели в итальянской живописи XIV–XV вв. (дорафаэлевского, прерафаэлевского периода) – отсюда, и название течения – прерафаэлиты.

Они жили в быстро меняющемся мире викторианской Англии. Как писал Фредерик Стивенс в майском номере журнала «Росток» («The Germ»), печатный орган прерафаэлитов, выходящий с января по май 1850 г.) под псевдонимом Лауры Саваж: «От нас ускользает поэзия мира – виной тому наши железные дороги, фабрики, шахты, шумные города, пароходы и бесконечные новшества, изобретаемые каждый день...»⁶. Своим искусством они постарались отыскать «поэзию мира» в окружающей жизни, утвердить ее, невзирая на всю прозаичность, прагматичность индустриализирующегося викторианского общества.

Викторианское общество не сразу приняло «бунтарей от искусства» и на первых порах (в начале 50-х гг.) даже организовало сильный отпор в лице консервативных критиков, среди которых был, в частности, известный английский писатель Чарльз Диккенс. Показательно, что в работах Д. Миллеса «Христос в родительском доме» и Д.Г. Россети «Благовещение» (другое название «Се раба Божья») «зрителей оскорбило нарушение некоторых иконографических постулатов...»⁷, отказ от идеализации образов и ритуальной жестюкюляции. Такой подход к трактовке евангельских сюжетов характеризовал свойственную прерафаэлитам установку на естественность и искренность в изображении. Этой установке молодые бунтари старались следовать при передаче любых тем, к которым они обращались. Суть новаторства заключалась в свежести взгляда, новизне, иногда неожиданности трактовки. Общность подхода хорошо сформулирована в работе искусствоведа Т. Верижниковой: «Пожалуй, ни одно направление в европейском искусстве Нового времени не было столь предано исповеданию любви, этого великого и сокровенного чувства, во всем разнообразии его проявлений и оттенков»⁸. Что касается тематики их картин, она охватывала три аспекта:

религиозный, светский, литературный. Светский аспект предполагал изображение на исторические и современные сюжеты, причем интерпретация современных сюжетов преподносилась через призму социальности.

Необходимо признать, что творчество прерафаэлитов не стало примером эскапизма, когда под воздействием кризисных ситуаций человек полностью уходит в мир иллюзий. Несмотря на то, что большинство их работ создано на сюжеты средневековых преданий, легенд, прерафаэлиты, по сути, первыми в английской живописи обратили серьезное внимание на проблемы современности, посвящая им свои произведения. Как пишет исследователь прерафаэлитов Кристофер Вуд, «прерафаэлиты были чрезвычайно чувствительны к социальному злу и несправедливости своего времени... Хотя количество картин на эти темы сравнительно невелико, тем не менее прерафаэлиты внесли серьезный вклад в живопись на современную тематику»⁹.

Формирование их личностей пришлось на «голодные сороковые», время трудное в плане социально-экономическом для всей Европы. Не случайно на эти годы приходится распространение теорий о двух враждующих нациях в рамках одного общества (Б. Дизраэли), о расовой или классовой борьбе (О. Тьерри, К. Маркс), определяющих жизнь общества. Общество переживало болезненный процесс трансформации, складывалась новая система социальных отношений. Не случайно «голодные сороковые» для большей части европейских стран завершились революционными выступлениями 1848–1849 годов. В пределах Соединенного Королевства до революции дело не дошло, недовольство вылилось в движение за дальнейшее реформирование избирательной системы, завершившееся грандиозными демонстрациями чартистов, участниками одной из которых (10 апреля 1848 г.) стали Миллес и Хант.

Все эти события не могли не оказать влияния на романтически настроенных идеалистов из числа студентов Королевской Академии, составивших ядро «Братства». В своей первой чисто прерафаэлитской картине «Риенци» (полное название – «Риенци клянется отомстить за смерть своего младшего брата, убитого в схватке между кланами Орсини и Колонна», 1849 г.) Хант использовал сюжет из исторического романа Эдварда Бульвер-Литтона «Кола ди Риенци, последний римский трибун» (1835). В первой главе романа враги К. ди Риенци из клана Колонна убивают его младшего брата Адриана, и именно эта сюжетная линия отображена на картине. Чтобы отомстить за убитого брата, а также освободить римский народ от притеснений аристократов, Кола организует восстание. Личное и общественно значимое присутствуют в этой завязке. Подлинный государственный деятель XIV в. К. Риенци, мечтавший преобразовать Рим в духе республиканизма, возглавил народное восстание

и сместил в 1347 г. сенаторов, объявив себя народным трибуном. Следуя традиции, идущей от английского Просвещения, художник XIX в. видит в сюжете (литературном или живописном), прежде всего, морально-этический срез, проблему частной жизни. Фактически под покровом средневековой истории автор отражает современные ему политические события. «Как большинство молодых людей, я был потрясен свободным духом революционных событий, которые тогда происходили. Воззвание к небу против тирании по отношению к бедным и беззащитным, естественно, нашло художественный отклик»¹⁰, – писал Хант о своей картине.

Не только общая атмосфера неопределенности и неустойчивости оказала влияние на молодых художников, но и, пожалуй, пример их старшего товарища Ф.М. Брауна (1821–1893). Официально Браун не входил в «Братство прерафаэлитов», но всегда был им близок. Именно он, побывав в 1845 г. в Риме и сблизившись с назарейцами, познакомил англичан и, в частности, будущих прерафаэлитов с идеями этой организации художников. Назарейцы (официальное их название – «Союз святого Луки») – объединение немецких и австрийских художников XIX в. (Йоганн Фридрих Овербек, Франц Пфорт, Петер Йозеф фон Корнелиус, Фридрих Вильгельм фон Шадов, Юлиус Шнорр фон Карольсфельд и другие), ставшее, по сути, предвестником прерафаэлитизма. В своем творчестве назарейцы, поклявшись хранить верность истине, возродить пришедшее в упадок искусство и бороться против академической манеры письма, ориентировались на средневековую и ранневозрожденческую живопись, воплощавшую, по их мнению, идеалы духовности. И все же, находясь под определенным впечатлением от назарейцев, Браун писал работы в основном на исторические и социальные темы, как того требовал дух времени.

Его картина «Труд» стала по-настоящему программным произведением, которому автор посвятил тринадцать лет (1852–1865). На полотне изображены люди, занятые работой самого разного характера. Художник попытался изобразить не условную аллегорическую композицию, на которой отдельные фигуры замерли, олицетворяя и символизируя тот или иной вид человеческой деятельности, а выхваченную из жизни сцену повседневности. Городская улица, в центре – землекопы копают траншею, по сторонам, обходя их, движутся люди, занятые своим делом. Чуть в стороне стоят два беседующих джентльмена, что-то серьезно обсуждающие между собой. В каталоге для своей персональной ретроспективной выставки 1865 г. Браун так характеризовал отдельные фигуры на картине: «Это – люди умственного труда. Они лишь кажутся бездельниками, работают и стараются организовать работу и счастье других...»¹¹.

Художник постарался запечатлеть тему труда, как главной и наиболее результативной формы

богослужения. Главный лейтмотив картины заключается в обосновании моральной ценности труда: как бы труд не был тяжел, он все-таки является высшей добродетелью, и кем бы ты ни был, ты обязан трудиться.

Тема этого полотна была подсказана Брауну сочинением Томаса Карлейля (1795–1881) «Прошлое и настоящее» (1843). «Лишь подлинный труд, который ты добросовестно выполняешь, лишь он – вечен, как Сам Всемогущий Основатель и Зодчий Мира»,¹² – писал Карлейль. Сам историк и философ изображен на картине в правом углу вместе с англиканским священником Ф.Д. Моррисом. Ф.Д. Моррис был христианским социалистом, основавшим в 1854 г. колледж для рабочих, который готовил представителей разных ремесленных специальностей. Прерафаэлиты и близкие к ним деятели искусства чувствовали свою социальную ответственность и приняли участие в работе колледжа. В разное время рисование в колледже преподавали и сам Ф. Браун, и Д.Г. Россетти, и поддержавший прерафаэлитов критик Д. Рескин¹³.

Другая работа Брауна «Прощание с Англией» посвящена такому явлению английской жизни середины XIX в., как массовая эмиграция населения. Не случайно это время названо «голодными годами»: многие англичане для того, чтобы найти работу и средства к существованию, уезжали, например, в Австралию или Америку. Подобное положение было вызвано влиянием «хлебных законов» на экономику страны. Данное законодательство действовало с 1815 по 1846 г. и подразумевало высокие тарифы на импорт зерна, что было выгодно английским лендлордам. Однако это вызывало рост цен на продовольствие и серьезное расстройство внутреннего рынка и промышленного производства: и в городах, и в сельской местности большую часть заработка население тратило на продукты питания, а не на промышленные товары. Естественным результатом такой экономической политики стал значительный рост числа бедняков, которые в поисках лучшей жизни покидали пределы страны. Английское правительство даже поощряло данную эмиграцию, особенно под влиянием пропаганды Эдварда Гиббона Уэйкфилда (1796–1862) – экономиста и политического деятеля, сторонника колонизации. Он убеждал англичан, что «эмиграция является истинным облегчением их экономических бедствий и что колонии вовсе не должны быть просто гаванями для кораблей или местом торговли, что они могут стать местом создания новой британской нации»¹⁴. Для эмигрантов английское правительство даже организовывает курсы по подготовке инженеров, механиков, фермеров.

«Братство прерафаэлитов» напрямую испытало на себе влияние «голодных сороковых»: в 1852 г. в Австралию на золотые рудники уехал один из членов братства скульптор Томас Вулнер. Это стало первым шагом к распаду первого объ-

единения прерафаэлитов. Под влиянием отъезда Вулнера Браун и создал картину «Прощание с Англией» (1855). На переднем плане изображены две полуфигуры – мужчина и женщина, тесно прижавшиеся друг к другу они сидят на палубе корабля, отплывающего в дальние края. Их невидящие взгляды обращены к удаляющемуся от них родному берегу. Жест переплетенных рук подчеркивает общность их нерадостных чувств. Картина имеет форму тондо (круга), что позволяет показать изолированность главных персонажей, их замкнутость в своей печали и тревоге. За их спиной видны другие люди, но они написаны как бы в тумане, их присутствие главные герои не замечают. Зато облик, одежда пары на переднем плане тщательно выписаны. Думается, специалисты по деталям одежды могут точно определить время создания картины.

Такая скрупулезность была характерна для первого поколения прерафаэлитов. Они стремились рассказать как можно больше и точнее обо всем, что изображали. В качестве моделей автор изобразил конкретных людей, себя и свою жену Эмму, в виде семьи эмигрантов¹⁵. Члены прерафаэлитского братства всегда писали с натуры, а в качестве натурщиков использовали своих родных и близких, но не из тщеславия, а по причине скромности материального достатка. Мы понимаем, что в данном сюжете запечатлен социальный феномен того времени. Сам Браун, также находясь в затрудненном материальном положении, задумывался об эмиграции в Индию.

Еще одной социальной темой, которая присутствует в картинах прерафаэлитов «первого поколения» стала тема «падших женщин», тех, кто в силу определенных обстоятельств стали содержанками или проститутками. Викторианское общество было зафиксировано на проблемах морали, постоянно обращаясь к теме нравственного падения в таких формах, как внебрачные связи, проституция, незаконнорожденные дети. Прерафаэлиты, как люди своего времени, также не могли обойти в своем творчестве данную проблему. И хотя они были неотъемлемой и значительной частью английского социума, викторианское искусство упорно обходило их вниманием, делая вид, что таких женщин не существовало вообще. Английское искусство в этом смысле соответствовало основному принципу викторианского общества: не быть, а казаться, главное – респектабельность. Прерафаэлиты стали одними из первых, кто затронул в своем творчестве тему «падшей женщины» без морализаторства.

Работа Ханта «Пробудившийся стыд» (1853) затрагивает тему женщины, находящейся на содержании у богатого мужчины. В тесно заставленной (для того времени обилие обстановки – признак благополучия) комнате у фортепьяно сидит молодая пара. Женщина на викторианский

лад полуодета (на ней просторная ночная одежда с длинными рукавами, под горлышко, она укутала в пеструю шаль), она уютно сидела на коленях своего партнера, вместе они что-то наигрывали и напевали. Слова ли, мелодия ли вызвали у женщины какие-то ассоциации, и она внезапно вскочила и пытается освободиться из объятий удивленного такой вспышкой мужчины.

Картина наполнена множеством деталей-символов, которые должны свидетельствовать о положении героини. К числу таковых могут быть отнесены: скомканная перчатка у ног, играющий с птичкой кот, лежащая на полу партитура романса «Бесполезные слезы» на стихи Теннисона, картина над камином, изображающая женщину, застигнутую в прелюбодеянии, кольца на всех пальцах у героини, кроме обручального. Обстановка имеет вид, по выражению Рескина, «фатальной новизны»¹⁶, чтобы подчеркнуть, что женщина живет на содержании. В своей «социальной» живописи Хант сохранил присущее ему стремление трактовать сюжет в символическом ключе.

Много позднее Хант в своей работе «Прерафаэлитизм и “Братство прерафаэлитов”»¹⁷ привел отрывки из ряда статей по поводу данной картины, свидетельствующие о том, что респектабельная викторианская публика предпочла сделать вид, что не поняла истинный смысл сюжета¹⁸, либо просто не одобрила этой картины¹⁹.

Браун развил тему нравственного падения в незаконченной работе «Возьмите Вашего сына, сэр» (1851–1857). Художник обратил внимание на то, что в данном комплексе проблем есть именно два «действующих лица», а не одно: не только «падшая женщина», которая стала объектом осуждения со стороны общества, но и мужчина, который наравне с ней «участвовал» в грехопадении и должен был нести за это ответственность. На картине изображена женщина, протягивающая младенца. Она смотрит вперед, по направлению к зрителю. Круглое зеркало над ее головой напоминает нимб. Тем самым художник дает свою оправдательную оценку героине. В зеркале смутно видно отражение мужчины, к которому обращается героиня, прося признать свое отцовство и нести ответственность за судьбу ребенка. Картина несет на себе отпечаток личных переживаний художника. В то время, когда Браун начинал работу над этим произведением, его отношения с женой Эммой не были узаконены, и их дочь Кэтрин родилась вне брака.

Творчество Россетти отмечено всего одной картиной, написанной на сюжет из современной жизни, – «Найдена» (данная работа не окончена). Возможно, на решение художника обратиться все-таки к проблемам повседневности повлиял Рескин. В письме Рескина к Россетти (15 июня 1854 г.) говорится о силе сюжетов, посвященных современной жизни, о том, что

Хант и Миллес уже внесли свой вклад в развитие данной тематики²⁰. На полотне изображен крестьянин, бросивший телегу с теленком посреди улицы, так как встретил свою бывшую возлюбленную, ставшую проституткой. Облик девушки (непокрытая голова, светлое, открытое с претензией на нарядность платье) совершенно очевидно для современников указывал на род ее занятий. Девушка от стыда упала на колени и, в отчаянии закрыв глаза, отвернулась к стене. В картине присутствует глубокий подтекст: на заднем плане изображен теленок, накрытый сетью. Он привезен на продажу и убой, символизирует будущее девушки, которой суждено погибнуть; пустынность улицы – одиночество людей в урбанистическом обществе. Сохранившиеся наброски к картине хранят в себе еще больше скрытого смысла: смятая роза у канализационной решетки говорит о нравственном падении женщины.

Одинокая фигура на мосту служит напоминанием о том, что многие проститутки, не выдержав своей участи, заканчивали жизнь самоубийством, бросаясь в Темзу с Моста черных братьев. Стена, к которой прислонилась девушка, является частью церковной ограды, за которой виднеется надгробный камень. В картине можно увидеть и иной смысл. На лице погонщика – жалость и сострадание, и все-таки девушка сопротивляется тому, чтобы ее подняли с колен. Возможно, она предпочитает жить в пороке, нежели выйти замуж и опутать себя сетью (аналогия с теленком) тягостных брачных уз, где женщине отводится подчиненная роль.

Можно вспомнить и другие работы прерафаэлитов, где поднимаются проблемы современности: например, «Маленькая слепая» (проблема детей-бродяг и инвалидов) и «Дочь дровосека» (проблема незаконнорожденных детей) Миллеса, «Нерадивый пастух» (отражение английских дебатов по вопросам религии того времени). Стоит согласиться с мнением, что «в эпоху правления королевы Виктории регламентация эмоциональных импульсов социальными нормами, державшая на протяжении многих веков в повиновении Великобританию (и не только Великобританию), развилась с особой интенсивностью»²¹.

Таким образом, несмотря на то что такие сюжеты в творчестве прерафаэлитов, были, скорее, эпизодами, «викторианские бунтари» продемонстрировали свое желание и умение привлечь внимание общества к реалиям общественной жизни. Делали они это без назидательности, «бережно приподнимая завесу над скрытыми коллизиями современной жизни»²².

Примечания

- ¹ См.: *Ruskin J. Arrows of the chace being a Collection of Scattered Letters published chiefly in the Daily Newspapers.* N.Y.; L., 1881.
- ² См.: *Hunt W.H. Pre-Raphaelitism and the Pre-Raphaelite Brotherhood.* Vol. 1. L., 1905; *Preraphaelite Diaries and Letters / Ed. by W.M. Rossetti.* L., 1900; *Ruskin-Rossetti-Preraphaelitism. Papers 1854 to 1862 / Arranged and ed. by W.M. Rossetti.* L., 1899; *Stephens F.G. Modern Giants // The Germ: Thoughts towards Nature in Poetry, Literature and Art (A Facsimile Reprint).* L., 1901.
- ³ См., например: *Бенуа А.Н. Мои воспоминания: В 2 т.* Т. 1. М., 1993; *Венгерова З.Ф. Литературные характеристики.* СПб., 1897.
- ⁴ См.: *Некрасова Е.А. Романтизм в английском искусстве.* М., 1975.
- ⁵ См., например: *Швингхурст Э. Прерафаэлиты.* М., 1995; *Кар Л. де. Прерафаэлиты. Модернизм по-английски.* М., 2003. *Мосин И. Прерафаэлизм: иллюстрированная энциклопедия.* СПб.; М., 2006; *Ципоркина И. Прерафаэлиты: от старых игр к новым идеям // Историк и художник.* 2006. № 1; *Wood C. The Pre-Raphaelites.* L., 1994.
- ⁶ *Stephens F.G. Op. cit.* P. 171.
- ⁷ *Ципоркина И. Указ. соч.* С. 83.
- ⁸ *Верижникова Т. Английская живопись.* СПб., 2009. С. 224.
- ⁹ *Wood C. Op. cit.* P. 12.
- ¹⁰ *Hunt W.H. Op. cit.* P. 114.
- ¹¹ Цит. по: *Некрасова Е.А. Указ. соч.* С. 180.
- ¹² *Карлейль Т. Теперь и прежде.* М., 1994. С. 243.
- ¹³ См.: *Кар Л. де. Указ. соч.* С. 50–51.
- ¹⁴ *Тревелиян Дж.М. Социальная история Англии.* М., 1959. С. 547.
- ¹⁵ Об этом можно узнать из дневника Ф.М. Брауна: *F.M. Brown. Dairy 1844–56 // Preraphaelite Diaries and Letters / Ed. by W.M. Rossetti.* L., 1900. P. 168–177.
- ¹⁶ Из письма Д. Рескина в «Times» за 25 мая 1854 г.: *Ruskin J. Op. cit.* P. 72.
- ¹⁷ *Hunt W.H. Op. cit.*
- ¹⁸ В журнале «Атенеум» было написано, что «простодушные и неосведомленные» зрители приняли сюжет картины за сцену ссоры между братом и сестрой (См.: *Hunt W.H. Op. cit.* P. 405).
- ¹⁹ В газете «Morning Chronicle» за 29 апреля 1854 г. о полотне «Пробудивший стыд» было сказано как об «абсолютно неприятной картине» (См.: *Hunt W.H. Op. cit.* P. 406).
- ²⁰ См.: *Ruskin-Rossetti-Preraphaelitism. Papers 1854 to 1862.* P. 11–12.
- ²¹ *Ципоркина И. Указ. соч.* С. 88.
- ²² *Верижникова Т. Указ. соч.* С. 230.

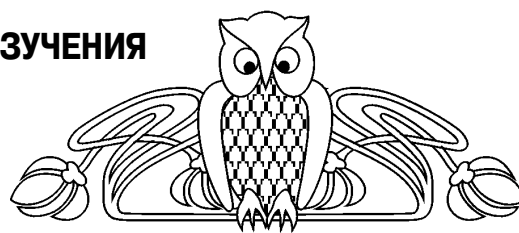

УДК 94 (73)

ОПРОСЫ ГРАЖДАН США КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ НАПАДЕНИЯ НА ПЁРЛ-ХАРБОР

С.О. Буранок

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара
E-mail: witch-king-1@mail.ru

В статье проанализированы оценки граждан США нападения на Пёрл-Харбор. Рассмотрена специфика их мнений и выявлены источники формирования взглядов общества.

Ключевые слова: Пёрл-Харбор, общественное мнение, Тихоокеанская война.

Opinion Poll of U.S. Citizens as Source Studying of Pearl Harbor Attack

S.O. Buranok

In article of an estimation of citizens of the USA of an attack Pearl Harbor are analyzed. Specificity of these opinions is revealed. Sources of formation of opinions and estimations are considered.

Key words: Pearl Harbor, public opinion, Pacific War.

Особенности восприятия общественностью США нападения на Пёрл-Харбор – малоизученная проблема в истории Второй мировой войны на Тихом океане. Между тем её разработка позволит установить специфические черты представлений американских граждан об атаке, проследить влияние на общественное сознание выступлений политических лидеров, выяснить роль прессы и радио в формировании оценок нападения. На примере Пёрл-Харбора можно рассмотреть процесс создания информационного обеспечения исторического события в контексте внутривнутриполитической жизни США 1941–1945 гг.

В данной работе нас интересует специфика такого источника, как опросы «людей с улицы». Это важнейший источник по проблеме, наряду с отчётами военных о нападении, заявлениями общественно-политических деятелей, материалами прессы. Опросы интересны тем, что позволяют увидеть непосредственные результаты информационной политики правительства, проследить степень воздействия СМИ на представления граждан об атаке, установить различия между «навязываемыми» прессой оценками и индивидуальным восприятием граждан.

Необходимый комплекс источников хранится в Библиотеке Конгресса США¹. Ценнейшие фонодокументы появились благодаря инициативе работника Архива фолк-песни (Библиотеки Конгресса) Алана Ломакса², который сразу после атаки разослал в 10 различных городов просьбы к сотрудникам библиотек и архивов записать впечатления граждан о нападении. В результате был создан комплекс записей, содержащий ин-

тервью более чем 200 человек общей продолжительностью 12 часов. Первые записи интервью были сделаны самим А. Ломаксом вместе с его помощником Филиппом Коэном в Вашингтоне 8 декабря 1941 г. в период с 20.30 до 21.30. Имена опрашиваемых из записей удалены, оставлены только некоторые сведения (пол, род деятельности, иногда возраст).

Стандартных вопросов А. Ломакс не задаёт, а по-новому подходит к каждому конкретному человеку, но общая цель интервью чётко видна – узнать мнения людей об атаке и войне; как пояснил на записи Ф. Коэн: «Мы хотим знать, что люди думают»³.

Первые опросы граждан были проведены на 9-й улице Вашингтона. Мнения и оценки людей имеют ряд общих моментов. Во-первых, большинство опрошенных в начале интервью не понимало, что требуется от них и на какие вопросы следует давать ответы. Только по мере возрастания интереса к происходящему со стороны прохожих зарождалась дискуссия. Во-вторых, практически все респонденты на момент опроса уже имели сложившееся мнение об атаке и войне, не разграничивая их, как правило. В-третьих, по ключевым моментам оценки нападения на Пёрл-Харбор граждане США показали интересное единодушие.

Также к общим моментам данных интервью следует отнести и то обстоятельство, что большинство людей заявило: о войне узнали из экстренного радиосообщения, т.е. первая информация об атаке была почерпнута не из газет. Так, в 20.30 на соответствующий вопрос Ф. Коэна один призывник ответил: «Услышал по радио, когда возвращался с футбола». Другой призывник согласился, сказав, что тоже услышал по радио, когда был в лагере⁴. На дополнительный вопрос А. Ломакса: «Все ли узнали о войне из радиосообщения?» – последовал единогласный утверждающий ответ окружающих. Именно такой вариант распространения новости о войне и атаке Пёрл-Харбора подтверждают и американские газеты. 7 декабря 1941 г. радиотрансляция футбольного матча в США была прервана экстренным сообщением Джона Дэли: «Белый Дом сообщает, что японцы напали на Пёрл-Харбор»⁵. Футбольный комментатор от себя добавил: «Это не шутка. Это война»⁶. Видно, что в случае с началом войны большую роль в информационном обеспечении

сыграло радио, а не пресса, так как имело лучшие возможности для оперативной подачи материала.

При этом необходимо учитывать, что в первые два дня после нападения сведения, передававшиеся по радио и печатавшиеся в газетах, были практически идентичны, т.е. граждане из двух наиболее развитых и доступных СМИ получали одинаковые сведения, что напрямую определяло специфику оценок нападения на Пёрл-Харбор. Это ярко видно на следующем примере. Пекарь из Вашингтона весьма точно описал свои впечатления: «Так... вчера днём, где-то без двадцати два я был здесь, напротив театра. По радио передали, что Япония напала. Напала на Гавайи, что убито около 350 человек»⁷. Эта же информация доминировала и в прессе 7–8 декабря.

Практически все американские газеты опубликовали официальные заявления о 350 убитых и повреждённом линкоре «Оклахома»⁸. При этом последний считается сильно пострадавшим от пожара в результате попадания японских бомб⁹. Первая полоса «Лос Анджелес Таймс» информировала о 350 убитых и трёх потерянных кораблях, плюс о нескольких сбитых самолётах противника¹⁰, т.е. газета ограничилась повторением официальных данных. Кроме того, «Нью Йорк Таймс» и «Лос Анджелес Таймс» повествуют о потере линкора «Оклахома», при этом первая именует его «почётным ветераном», «сторожевым псом Дяди Сэма»¹¹. Но наравне с этой информацией публикуется и другая: «Дерзкое японское нападение покалечило американский флот»¹²; «Первые официальные данные о войне обман – уверено американское общество»¹³. В статьях говорится, что истинные последствия нападения настолько ужасны, что правительство опасается придать факты огласке. Всё это способствует распространению слухов: потери приуменьшены, а на самом деле произошла катастрофа, и за ней последуют другие. Косвенно подобные мнения подтверждены в «Нью Йорк Таймс», где сообщается, что Гавайи готовятся к обороне от новых атак¹⁴. Первоначальная неясность с потерями создавала лишнее напряжение и без того в остром для американского общества вопросе. Такие выводы можно сделать из передовых статей и заголовков газет США. Однако материалы опросов позволяют усомниться в справедливости данных предположений.

Из всех граждан, опрошенных А. Ломаксом и Ф. Коэном 8 декабря, ни один не высказал беспокойства насчёт неясной ситуации с потерями, никто не выразил мнения, что правительство скрывает масштабы поражения в Пёрл-Харборе. Более того, не многие люди вообще отмечали, что атакована была именно данная база, ограничиваясь в лучшем случае Гавайями. Отсюда можно заключить, что только непосредственно прессе было необходимо «создавать напряжённость в вопросе о потерях», ссылаясь на мнения общественности. Тогда как большинство граждан подобной информацией интересовалось слабо –

общественное сознание было под впечатлением новостей о начале войны, при этом детали первых операций, даже самые существенные, для рядовых граждан отходили на второй план. Следовательно, можно предположить, что в вопросе о потерях американские газеты не выражали мнения общества, а пытались его создать.

Ещё один фактор, подтверждающий версию о невнимании большинства граждан США к прессе о Пёрл-Харборе, – это отсутствие упоминаний о пресс-конференции Стива Эрли. Пересказ и цитаты пресс-секретаря Белого дома доминировали на первых полосах как центральных, так и местных газет¹⁵. Но люди описывали свои впечатления, не используя материалы заявления С. Эрли, основываясь в массе своей на радиосообщениях.

Другой важной особенностью восприятия атаки гражданами США была одинаковая первоначальная реакция на новость: «Я не был удивлён»; «Многие люди ожидали подобного уже в течение 6 месяцев»; «Я ожидал этого»; «Я думал, что война начнётся на этой неделе. Япония нападёт первой»¹⁶. Только четыре респондента поведали о нескольких других впечатлениях. Анонимный мужчина из Нью-Йорка откровенно заявил: «Я ожидал, что что-то должно случиться, но меня удивило, как скоро это произошло». Похожие чувства описал и работник правительства из Вашингтона: «Я был поражён. Это так неожиданно»¹⁷. Представляется, что эти люди честно описали свою реакцию, но они солидарны с большинством – война ожидалась, хотя и не так быстро. И только двое из опрошенных чётко обозначили свои впечатления от атаки как шокирующие. Причём подобный ответ вызвал недоумение Ф. Коэна: «Вы были поражены?! Везде же писали и говорили, что война начнётся!»

Но самым неожиданным образом отреагировала на новость жительница Вашингтона: «Меня сильно удивило японское нападение. Я была уверена – это сделает Германия». На дополнительные вопросы работников Библиотеки Конгресса женщина ничего не смогла ответить и честно призналась: «Я мало что слышала, газет я не читаю, радио не слушаю»¹⁸. Подобная неинформированность наблюдается только у одного опрошенного, но мнение данной леди поддержали ещё несколько человек. Так, один из респондентов воодушевлённо доказывал Ф. Коэну, что «Германия стоит за японским нападением. Это Германия подтолкнула Японию к действию». Когда Ф. Коэн спросил: «Многие ли люди считают также?» – данный респондент авторитетно заявил, что «все его друзья считают так, это же очевидно»¹⁹. Такое восприятие японского нападения может быть следствием информационной политики США в предвоенные годы, а точнее, следствием освещения событий в Европе и американо-германских отношений в 1939–1941 годы²⁰.

Утверждения, что Япония напала на США только из-за политики Германии, были далеко не

единичны в первый год войны. В течение первой недели после атаки они окрепли, и люди стали верить, что именно пилоты Люфтваффе разгромили Пёрл-Харбор²¹. Даже по прошествии нескольких месяцев находились журналисты, которые продолжали развивать данную тему, уверяя, что Германия подтолкнула Японию к атаке Гавайев, «подарив» Императорскому флоту линкор «Тирпиц». Так, Уилбур Уайт на страницах журнала «Каррент Хистори» пишет, что «японский флот был усилен германскими кораблями, и линкор “Тирпиц” возглавил атаку на Пёрл-Харбор»²². Похожее невероятное, фантастическое мнение приводит в своей работе современный американский историк Михаэль Слэкман: «Многие американцы верили, что японские самолёты пилотировали немецкие лётчики»²³. Весьма характерно, что сразу после атаки такая точка зрения доминировала: во время опросов жителей Вашингтона работниками Библиотеки Конгресса представитель Национальной гвардии согласился с другими гражданами, добавив, что Гитлер направил, даже спланировал японскую агрессию, что бы отвлечь внимание США от Германии. А безработный Вашингтонец так охарактеризовал события 7 декабря: «Япошки использовали грязный трюк. И за всем этим, без сомнения, стоит Гитлер»²⁴. Данные устных интервью подтверждаются опросами общественного мнения. 10 декабря 1941 г. 48% опрошенных уверенно ответили, что за нападением стоит Гитлер, а на вопрос: «Необходимо ли и Германии объявить войну?» – 90% граждан дали утвердительный ответ²⁵.

В итоге можно с уверенностью предположить, что подобная черта оценки нападения не была сформирована СМИ, а сложилась у большого числа граждан под влиянием событий прошлых лет и их освещения прессой и радио.

Другим важным общим моментом оценок граждан была уверенность в «подлости» японского нападения. Основным аргументом в пользу этой версии американцы приводили тот факт, что Япония атаковала Пёрл-Харбор без объявления войны²⁶. Здесь мнение граждан полностью совпало как с официальными заявлениями, так и с точкой зрения прессы. Президент Рузвельт в своём обращении к Конгрессу от 8 декабря 1941 г. не менее 7 раз акцентировал на этом внимание слушателей, употребляя выражения: «неспровоцированная и подлая атака», «неожиданное, вероломное нападение», «внезапное и спланированное вторжение» и т.д.²⁷ Пресса 7–8 декабря постоянно подчёркивала факт «подлой, предательской атаки». Большинство заголовков говорило о войне и «о внезапном и беспричинном нападении японцев». Это даже не обсуждалось. Это воспринималось как истина: «Японцы сначала бомбят, а потом объявляют США и Британии войну», – писала «Чикаго Дэйли Трибьюн»²⁸. То же повторяли «Лос Анджелес Таймс» и «Нью Йорк Таймс»: «Атаки предшествовали декларации об объяв-

нии войны»; «Гавайи подверглись нападению без формального объявления войны»²⁹. Однако здесь ярко видно, как на общественное сознание повлияли события 7 декабря³⁰. Президент это учтёт в своей речи и верно заметит: «Факты вчерашнего дня говорят сами за себя»³¹. Значит, подобное восприятие нападения независимо сформировалось и у политического руководства США, и у СМИ, и у рядовых граждан, даже не знакомых с официальными заявлениями и материалами прессы.

Рассуждения респондентов показывают не только источники информированности рядовых граждан США, но и самую первую реакцию населения на войну, на атаку Пёрл-Харбора. И здесь можно поставить под сомнение традиционные формулировки историографии, где значится, что атака 7 декабря незамедлительно вызвала шок в США³². Как видно из опросов, подобная реакция наблюдается лишь у 25% интервьюируемых 8 декабря.

В американской прессе этого периода также не прослеживаются подобные настроения, отмечаемые историками. В газетах видно возмущение из-за нападения, но Пёрл-Харбор не воспринимается как катастрофа, даже несмотря на туманные сообщения о «тяжёлых потерях». Официально заявлено о 350 убитых и трёх повреждённых кораблях³³. Сами журналисты установили, что серьёзный ущерб нанесён «Оклахоме». Но всё это не воспринимается как крупное поражение, более того, из-за распространения информации об уничтожении «японского авианосца и множества самолётов»³⁴ атака выглядела как бой, в котором обе стороны понесли существенные, однако примерно равные потери³⁵. Исходя из анализа как центральных, так и местных газет, можно заключить, что 7 декабря американское общество было возмущено неожиданной войной, но не шокировано Пёрл-Харбором. А опросы граждан, как мы показали выше, позволяют определить степень данного возмущения.

Установив особенности первой реакции жителей Вашингтона на атаку 7 декабря, необходимо скорректировать полученные данные с учётом записей второго интервью. Оно было проведено Ф. Коэном и А. Ломаксом в Вашингтоне в период с 21.00 до 21.30; за это время опросили 15 человек³⁶. Круг вопросов был тот же: впечатление от новости, прогнозы развития войны; шансы США на победу. Ответы граждан по многим ключевым моментам совпадают с мнением первых интервьюируемых.

Прежде всего налицо уверенность в конечной победе США. Когда Ф. Коэн задал соответствующий вопрос, неизвестный мужчина решительно заявил: «Я не вижу причин, по которым США не может победить». А одна женщина рассмеялась: «Я надеюсь, мы отправим их в ад!»³⁷ Леди аргументировала свою позицию тем, что «наши ВВС сильнее их всех вместе взятых». Такое мнение поддержал член Национальной гвардии, уверен-

ный в неминуемой конечной победе. На дополнительный вопрос Ф. Коэна: «Каков ваш моральный дух?» – он ответил: «Очень, очень хороший. Он очень высок»³⁸. Материалы прессы первых дней служат подтверждением данных слов. Но газеты не констатируют наличие высокого морального духа у населения, а пытаются его поднять патриотическими сообщениями о гибели кораблей противника, об отражении налёта японской авиации, о сопротивлении других военных баз³⁹.

О наличии оптимистического настроения у американских граждан свидетельствует комплекс источников «Дорогой мистер президент...», включающий в себя записи обращений рядовых жителей к Ф. Рузвельту⁴⁰. Почти все записи оканчиваются словами поддержки и заверениями в решимости, мужестве и стойкости. Так, рабочий Тед Вернаско 8 января 1942 г. сообщил: «В настоящее время мы рука об руку с Дядей Сэмом идём к окончательной победе»; а учитель Кеннет Трустон сказал, что верит – работа, которую он выполняет, поможет победить⁴¹. Примеры таких слов поддержки в данных источниках далеко не единичны.

Здесь обнаруживается тенденция оценки 7 декабря, не свойственная опросам 20.30–21.00 и слабо отмеченная историографией: наблюдается не просто патриотический подъём, а одобрение войны, желание воевать, ибо только «война решит все проблемы» (как заявил Ф. Коэну один из Вашингтонцев)⁴². Тот же представитель Национальной гвардии на вопрос интервьюера: «Готовы ли вы сражаться?» – решительно ответил: «Да я желаю сражаться!». Другой гражданин согласился с его настроением, заявив, что он и ряд его друзей на 100% за Рузвельта и желают разбить как Японию, так и Германию⁴³.

В итоге можно утверждать, что для части населения США события 7 декабря не стали шокирующими, наоборот, вызвали положительные эмоции. Подобная реакция на японское нападение не может быть объяснена грамотной информационной политикой властей, так как обозначенные оценки не были ещё изложены в прессе, не звучали по радио или в выступлениях политиков. Следовательно, такая оценка сформировалась под воздействием информационной политики предвоенных лет.

Совершенно иначе оценивали атаку американские военные и отчасти политики. Для них Пёрл-Харбор уже в первые минуты после нападения стал крупнейшим поражением.

Примечания

- 1 Library of Congress. American Folklife Center. After the Day of Infamy: «Man-on-the-Street» Interviews Following the Attack on Pearl Harbor.
- 2 А. Ломакс (1915–2002) – известный исследователь фолк-музыки США. Alan Lomax: Selected Writings, 1934–1997 / Ed. Ronald D. Cohen. N.Y., 2005. P. IX–X.

- 3 Library of Congress. American Folklife Center. After the Day of Infamy: «Man-on-the-Street» Interviews Following the Attack on Pearl Harbor. LWO 4872, Reel 406, Side B, AFS 6358 (далее – Interviews).
- 4 Ibid.
- 5 Лучинский Ю.В. Очерки истории зарубежной журналистики. Краснодар, 1996. С. 153.
- 6 The Lowell Sun. 1941. 7 Dec. P. 1.
- 7 Interviews.
- 8 Cumberland Times. 1941. 7 Dec. P. 1; The Helena Independent. 1941. 7 Dec. P. 1; Galveston Daily News. 1941. 7 Dec. P. 1; The Lowell Sun. 1941. 7 Dec. P. 1; Nevada State Journal. 1941. 7 Dec. P. 1; The Lawton Constitution. 1941. 7 Dec. P. 1; Oakland Tribune. 1941. 7 Dec. P. 1; The Fresno Bee Republican. 1941. 7 Dec. P. 1.
- 9 The Anniston Star. 1941. 7 Dec. P. 1.
- 10 Los Angeles Times. 1941. 8 Dec. P. 1. Эти же данные воспроизводят и другие периодические издания в выпусках от 8 декабря: The Searchlight. 1941. 8 Dec. P. 1. The Chicago Sun. 1941. 8 Dec. P. 1.
- 11 Los Angeles Times. 1941. 8 Dec. P. 1; New York Times. 1941. 8 Dec. P. 2.
- 12 Los Angeles Times. 1941. 8 Dec. P. 1.
- 13 Ibid. P. 2.
- 14 New York Times. 1941. 8 Dec. P. 16. Ожидание нового нападения на Гавайи или высадки японского десанта после 7 декабря – важная деталь в настроении американского общества, тем более что это имело под собой определённые основания: захват о. Оаху обсуждался командованием Императорского флота в процессе подготовки как Гавайской операции, так и последующих. См.: *Stephan J. Hawaii Under the Rising Sun*. Honolulu, 1989. P. 169–176. Та же концепция доказывается в книге американского историка Стива Хорна: *Horn S. The Second Attack on Pearl Harbor*. Annapolis, 2005. P. 310–313.
- 15 Van Wert Times-Bulletin. 1941. 7 Dec. P. 1; «Фицбург Сентинл»: Fitchburg Sentinel. 1941. 7 Dec. P. 1; The Washington Post. 1941. 7 Dec. P. 1; The Lawton Constitution. 1941. 7 Dec. P. 1; Fitchburg Sentinel. 1941. 7 Dec. P. 1; Cumberland Times. 1941. 7 Dec. P. 1; Tribune. 1941. 7 Dec. P. 1.
- 16 Interviews.
- 17 Ibid.
- 18 Ibid.
- 19 Ibid.
- 20 Подробно настроения общественно-политических кругов США перед войной описаны в кн.: *Наджафов Д.Г. Нейтралитет США 1935–1941*. М., 1990. С. 156; *Иноземцев Н.Н. Внешняя политика США в эпоху империализма*. М., 1960. С. 350–351; *Родов Б. Роль США и Японии в подготовке и развязывании войны на Тихом океане в 1938–1941 гг.* М., 1951. С. 140–141; *Иванов Р.Ф., Петрова Н.К. Общественно-политические силы СССР и США в годы войны*. Воронеж, 1995.
- 21 Maryville Daily Forum. 1941. 15 Dec. P. 1. На первой полосе данной газеты сообщается, что на пресс-конференции военно-морской министр Ф. Нокс опроверг эти слухи.

- ²² White W. On the Battle Fronts // Current History. 1942. Jan. P. 425.
- ²³ Slackman M. Target Pearl Harbor. Honolulu, 1990. P. 272.
- ²⁴ Interviews.
- ²⁵ Hill R. Hitler Attacks Pearl Harbor. N.Y., 2003. P. 214.
- ²⁶ Interviews.
- ²⁷ Addresses and Messages of Franklin D. Roosevelt. Washington, 1942. P. 125–126.
- ²⁸ Chicago Daily Tribune. 1941. 8 Dec. P. 1.
- ²⁹ Los Angeles Times. 1941. 8 Dec. P. 7; New York Times. 1941. 8 Dec. P. 1.
- ³⁰ Журнал «Тайм» назвал воскресенье 7 декабря «днём, когда пришла беда»: Time. 1941. Vol. XXXVIII, № 24. 15 Dec.
- ³¹ Addresses and Messages of Franklin D. Roosevelt. P. 126.
- ³² Slackman M. Op. cit. P. 271–273; Мировые войны XX века / Рук. проекта О.А. Ржешевский: В 4 кн. М., 2002. Кн. 3. С. 469; Иванян Э.А. От Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша: Белый Дом и пресса. М., 1991. С. 141; Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. М., 1978. С. 51; Очерки новой и новейшей

- истории США: В 2 т. Т. 2 / Ред. Г.Н. Севостьянов. М., 1960. С. 272; Иванов Р.Ф., Петрова Н.К. Указ. соч. С. 83–87.
- ³³ The Anniston Star. 1941. 7 Dec. P. 1; Los Angeles Times. 1941. 8 Dec. P. 1. Эти же данные воспроизводят и другие периодические издания в выпусках от 8 декабря: The Searchlight. 1941. 8 Dec. P. 1. The Chicago Sun. 1941. 8 Dec. P. 1; Los Angeles Times. 1941. 8 Dec. P. 1; New York Times. 1941. 8 Dec. P. 2.
- ³⁴ Nevada State Journal. 1941. 7 Dec. P. 1.
- ³⁵ The Lowell Sun. 1941. 7 Dec. P. 1.
- ³⁶ Interviews. LWO 4872, Reel 406, AFS 6358.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ Nevada State Journal. 1941. 7 Dec. P. 1; The Lowell Sun. 1941. 7 Dec. P. 1; Fitchburg Sentinel. 1941. 7 Dec. P. 8.
- ⁴⁰ Library of Congress. American Folklife Center. «Dear Mr. President», Bloomington and Mishawaka, Indiana, January 8, 1942. LWO 3493, Reel 45, Side A.
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² Interviews. LWO 4872, Reel 406, AFS 6358.
- ⁴³ Ibid.

УДК 94(73)|1953/...

УОРРЕН КРИСТОФЕР И МАДЛЕН ОЛБРАЙТ О ПРОБЛЕМЕ РАСШИРЕНИЯ НАТО

Н.Е. Клименков

Саратовский государственный университет
E-mail: EtoMoiYaschik@yandex.ru

Данная статья посвящена сравнительному изучению взглядов на расширение НАТО двух государственных секретарей в администрации Б. Клинтона – Уоррена Кристофера и Мадлен Олбрайт. Особое внимание в статье уделяется аргументации госсекретарей в пользу необходимости расширения НАТО. Автор делает акцент на том, что позиции У. Кристофера и М. Олбрайт несколько отличались, хотя серьезных расхождений по этой проблеме у них не было.

Ключевые слова: Уоррен Кристофер, Мадлен Олбрайт, российская политика США, расширение НАТО.

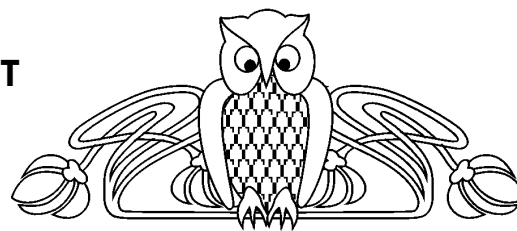
Warren Christopher and Madeleine Albright about the NATO Enlargement Issue

N.E. Klimenkov

This article deals with comparison of views on the NATO enlargement of two Secretaries of State in Bill Clinton's administration – Warren Christopher's and Madeleine Albright's ones. Special attention is given to the secretaries' argumentation of the necessity of the NATO enlargement. The author believes that Christopher's and Albright's positions had a bit of differences, but there were not radical divergences on that problem between them.

Key words: Warren Christopher, Madeleine Albright, U.S.–Russian policy, NATO enlargement.

Как известно, проблема расширения НАТО является одной из ключевых в отношениях между

США и Россией после окончания холодной войны и распада СССР. В 90-е гг. XX в. процесс расширения за счет бывших социалистических стран и постсоветских республик был инициирован администрацией Б. Клинтона. Однако поскольку Россия занимала важнейшее место в американской внешней политике, американское руководство не могло не учитывать мнение Москвы по этому вопросу, которая, в свою очередь, воспринимала указанный процесс как угрозу своей безопасности.

Разрешение этой дилеммы последовательно ложилось на плечи двух госсекретарей администрации Клинтона – У. Кристофера и М. Олбрайт. Их отношение к расширению НАТО заметно отличалось. Кристофер, хоть и был изначально сторонником процесса, готов был идти на уступки и изменить своё мнение в угоду другим целям внешней политики. Мадлен Олбрайт, которая родилась в Чехословакии – в одной из стран «первого эшелона» расширения – и стремилась иметь своё мнение по всем вопросам, настаивала на обязательности этого процесса (хотя стоит отметить, что к тому моменту, когда она стала государственным секретарём, соответствующее стратегическое решение было уже принято).

Кристофера вообще часто критиковали за нерешительность и неспособность самостоя-

тельно выработать важнейшие решения. По сути, вместо того чтобы формулировать и двигать внешнюю политику, Кристофер занял позицию реагирования на приоритеты других официальных лиц¹. Так, в самом начале своего пребывания на посту госсекретаря Кристофер активно высказывался за расширение, однако в октябре 1993 г. он резко изменил свою точку зрения, после того как С. Тэлбот, близкий друг президента, на тот момент уже названный в качестве будущего заместителя государственного секретаря, написал меморандум, денонсирующий процесс расширения. Парламентские выборы в России 12 декабря 1993 г., на которых победили партии Г. Зюганова и В. Жириновского, усугубили раскол в американской администрации по данному вопросу².

Временным решением вопроса на тот момент могла стать программа «Партнёрство ради мира», заморозившая вопрос о расширении. Эта программа на время успокоила российское руководство. «Нью-Йорк Таймс» в этой связи отмечала, что Б. Ельцин сиял, когда Кристофер подтвердил, что программа «Партнёрство ради мира» подразумевает партнёрство, а не членство стран бывшего советского блока в НАТО³. Что касается стран Восточной Европы, то они были разочарованы перспективами реализации подобного проекта⁴. Правда, впоследствии Кристофер стал настаивать на том, что Б. Ельцин неправильно его понял и что эта программа не отменяла расширения Североатлантического Альянса. В свете дальнейшей деятельности Кристофера в вопросе НАТО вряд ли можно говорить об изменении его позиции относительно расширения, скорее, это была тактическая временная уступка Москве.

В 1994–1995 гг. в американских верхах начинается обсуждение конкретных планов расширения НАТО. В мае 1995 г. Кристофер отмечал, что Б. Клинтон дал знать Б. Ельцину, что американская стратегия безопасности в Европе включает в себя постоянный процесс вхождения новых членов в НАТО⁵. В поддержку процесса Кристофер уже в 1995 г. указывал, что с момента своего создания НАТО всегда было открыто для вступления новых членов, что процесс расширения продвигается вперёд тем же неуклонным, прозрачным курсом, заложенным союзниками в прошлом, и что началось изучение того, как расширение будет происходить, а также его значения для европейской безопасности, причём выводы будут представлены заинтересованным партнёрам в ближайшем будущем⁶.

Кристофер считал, что расширение НАТО должно развиваться медленным, взвешенным путём, ориентировочно параллельно с расширением Европейского Союза, что, по мнению критиков, означало в действительности очень медленно⁷.

Одним из главных аргументов в пользу расширения НАТО для обоих государственных секретарей было то, что НАТО не угрожает России. Кристофер подчеркивал, что НАТО не

угрожает ни одной стране, а, напротив, является гарантом безопасности в Европе⁸. М. Олбрайт также отмечала, что, во-первых, расширенная НАТО не несёт угрозы для России, напротив, с 1991 г. оборонные бюджеты членов альянса снизились на 30%, сухопутные войска сократились на 25%, американское ядерное вооружение в Европе сократилось на 90%. Во-вторых, следует рассматривать расширение НАТО как часть более широких усилий построить мирную Европу, где Россия должна играть важную роль. В-третьих, расширение является неотъемлемой частью усилий построения новой НАТО для периода после «холодной войны». Она также высказывала мысль о том, что если НАТО откажется от расширения, новые разделительные линии возродятся в Европе, жители Центральной Европы будут бояться России, невозможно будет обсуждать важный договор об обычных вооруженных силах в Европе и т.д.⁹

Заявления о необходимости расширения в целях безопасности Европы не устраивали российское руководство, подчас вызывая негативную реакцию с его стороны. Когда 21–23 мая 1996 г. Кристофер в последний раз приезжал в Россию в роли государственного секретаря США, Е. Примаков сообщил ему, что Президент России высказал резкое неудовлетворение выступлением Кристофера в Праге накануне приезда в Москву. Смысл этого выступления сводился к тому, что для стран Центральной и Восточной Европы существует угроза, а Украина может присутствовать во втором эшелоне кандидатов на вступление в НАТО. Кристофер стал оправдываться, что речь имела другой смысл, и попросил подготовить встречу с Б. Ельциным, на которой, однако, российский президент был благожелателен¹⁰.

Кристоферу, очевидно, была неприятна и неудобна российская оппозиция расширению. Видимо поэтому, встретив Е. Примакова 23 июля 1996 г. в период заседания форума АСЕАН по проблемам безопасности, он сказал: «Вопрос о расширении НАТО с третьими странами мы не обсуждаем, равно как и предоставление разных классов членства в НАТО»¹¹. На это российский министр иностранных дел заметил, что не стоит говорить с российской стороной в ультимативной форме, так как Россия вынуждена будет сделать больший акцент на обеспечение своей безопасности, в частности, пересмотрев некоторые уже подписанные договоры по сокращению вооружений. На это государственный секретарь ответил, что он не выдвигал ультиматумов, а просто разъяснял ситуацию.

Важнейшим вопросом, касавшимся расширения, был вопрос о размещении оружия, в том числе ядерного, на территории новых членов Альянса. Особое звучание он имел уже при М. Олбрайт, когда российской стороне уже было понятно, что расширение не удастся предотвратить и приходилось пытаться добиться нужных

России обещаний, в ответ на что можно было получить не столь резкую реакцию со стороны российского руководства на принятие новых членов. Кристофер говорил о том, что у НАТО нет ни намерений, ни планов, ни причин для размещения ядерного оружия на территории будущих членов Альянса¹². М. Олбрайт также отмечала, что президент Б. Клинтон подтверждает обязательство НАТО не размещать ядерное оружие на территории новых членов¹³.

М. Олбрайт вообще часто говорила, что те, кто утверждал, что с расширением НАТО можно подождать, пока не возникнет военная угроза, упускают главную суть процесса, ибо НАТО – это постоянный альянс, предназначенный для предотвращения серьёзных угроз, возникающих откуда бы то ни было¹⁴. Обновленная НАТО не настроена против какой бы то ни было страны, и российская безопасность только усилится в Европе, в которой не будет разделительных перегородок, а НАТО станет партнёром Москвы¹⁵. Кстати, последующие натовские бомбардировки Югославии серьёзно ударили по утверждениям Олбрайт, что НАТО – это оборонительный альянс.

В ответ на критику многих экспертов, в том числе Дж. Кеннана, заключавшуюся в том, что идея расширения НАТО является очень опасной ввиду того, что Россия – это ослабленное государство и в результате можно перезапустить «холодную войну». М. Олбрайт говорила, что нужно мыслить по-новому, россияне стремятся быть частью системы европейской безопасности и участвовать в обсуждении будущего Европы и что Б. Ельцин сильный и динамичный лидер России. Когда же госсекретарь заметила, что президент Клинтон дал понять, что НАТО открыта для всех демократий, и её спросили: «Включая Россию?», она ответила: «Да, президент так сказал. Они сказали, что не хотят быть её частью, но президент сказал, что включая Россию»¹⁶.

В апреле 1997 г. М. Олбрайт отмечала, что расширение не будет откладываться и что ни одна европейская нация не будет исключена из обсуждения. Она заметила, что новые члены альянса будут «наслаждаться» всеми преимуществами членства, а также, что новый совместный совет НАТО–Россия не будет напрямую влиять на решения альянса. Кроме того, М. Олбрайт отметила, что Россия хочет, чтобы альянс в своем уставе зафиксировал обязательства по недопущению развёртывания ядерных и обычных сил на территории новых членов, но НАТО не пойдёт на компромисс в этом вопросе¹⁷.

Несмотря на то, что решение о расширении было принято ещё при Кристофере, именно при М. Олбрайт в НАТО были приглашены и приняты новые члены из стран бывшего социалистического лагеря. Говоря о планируемом принятии Польши, Венгрии и Чехии в НАТО М. Олбрайт отмечала, что таким образом будет расширена территория внутри Европы, где войны просто невозможны¹⁸.

При этом она подчеркивала, что расширение НАТО может быть выгодно и России. Ведь если расширения НАТО не будет, центрально-европейские народы будут чувствовать себя в опасности. Они будут тратить больше на оборону и могут отказаться от контроля за вооружениями в регионе. Более того, они могут достичь совместных договорённостей по безопасности, которые будут антироссийскими по характеру. И таким образом, Россия может получить большие проблемы, чем от расширения НАТО.

Олбрайт очень беспокоилась, что российская оппозиция расширению, обоснованная или нет, вредит американским отношениям с Москвой. При этом она поясняла, что это большая ошибка думать, что каждый раз, когда Россия делает то, что не нравится Соединённым Штатам, она «наказывает их» за включение Венгрии или Польши в НАТО. Отказавшись от расширения, США повернулись бы спиной к трём нациям, которые стоят на одних позициях с Америкой по Ираку, Ирану и ряду других вопросов безопасности. Госсекретарь заявляла, что она уверена в том, что Америка может построить настоящее партнёрство с новой Россией, но отмечала, что не стоит покупать это партнёрство за счёт тех стран, которые стремятся вступить в НАТО¹⁹.

Выступая по поводу принятия в 1999 г. Чехии, Польши и Венгрии в Североатлантический альянс, М. Олбрайт говорила много патетических слов, например, о том, что НАТО вступает в новую эру и её энергия и взгляды направлены в будущее, что НАТО – это оборонительный альянс, а не мировой полицейский²⁰. Более того, рассуждая 6 апреля 1999 г. о новой НАТО, Олбрайт ставила уже вопросы о будущей конфигурации Североатлантического блока и отмечала, что три новых члена не будут последними²¹.

Несмотря на то, что оба госсекретаря говорили о важности этого шага для центрально-европейских стран, очевидно, что центральным вопросом в расширении было решение противоречий между Россией и НАТО. Если при Кристофере российская сторона ещё пыталась договориться об отмене расширения (хотя уже в 1996 г. Кристофер ясно давал понять о том, что решение уже принято окончательно), то при М. Олбрайт это делалось уже, скорее, по инерции, и важнейшим достижением российской дипломатии стало заключение основополагающего акта между Россией и НАТО и достижение соглашения о размещении дополнительно на постоянной основе «существенных» боевых сил альянса на территории новых членов.

Примечания

- 1 См.: *Kondracke M.* Christopher Should Be Dumped // *San Francisco Chronicle*. 1994. March 24. P. A23.
- 2 См.: *Haslam J.* Russia's Seat at the Table: A Place Denied or a Place Delayed? // *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs 1944-). 1998. Vol. 74, № 1. P. 124.

- ³ См.: *Whitney C.R.* THE WORLD; Yeltsin Gets Some Comfort From Clinton // *The New York Times*. 1993. November 24. P. A.3.
- ⁴ См.: *Robbins C.R., Rosewicz B.* Reaching Out: U.S. Hopes to Move Moscow Into the West Through Deeper Ties – But Courting Russia’s Elites In Military... // *Wall Street Journal*. 1993. December 21. P. A.1.
- ⁵ См.: *Christopher W.* American leadership at stake // *U.S. Department of State Dispatch*. 1995. Vol. 6, Iss. 21. P. 411–416.
- ⁶ См.: *Christopher W.* Reinforcing NATO’s strength in the West and deepening cooperation with the East // *U.S. Department of State Dispatch*. 1995. Vol. 6, Iss. 23. P. 471–474.
- ⁷ См.: The bear-tamer’s next problem. (American relations with Russia after communist gains in the last elections) // *The Economist*. 1996. February 3. P. 19–20.
- ⁸ См.: *Christopher W., Primakov Y.* U.S.–Russian relations: Principles and benefits // *U.S. Department of State Dispatch*. 1996. Vol. 7, Iss. 7. P. 40–41.
- ⁹ См.: *Albright M.* Speaking to Russian opinion leaders about NATO enlargement // *U.S. Department of State Dispatch*. 1997. May. P. 16–17.
- ¹⁰ См.: *Примаков Е.* Годы в большой политике. М.: Совершенно секретно, 1999. С. 247–248.
- ¹¹ Там же. С. 248.
- ¹² См.: *Branagan J., Fischer D., Sancton T.* Europe: Ready to open the door NATO’s plan to embrace some former foes takes firmer shape as Russia’s stone wall begins to crack // *Time International*. 1996. December 23. P. 26.
- ¹³ См.: *Albright M., Berger S.* Press Briefing on Summit of Presidents Clinton and Yeltsin. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.state.gov/www/statements/970318.html> (дата обращения: 09.01.10).
- ¹⁴ См.: *Albright M.* Confirmation hearing // *U.S. Department of State Dispatch*. 1997. January. P. 8–11.
- ¹⁵ См.: *Albright M.* Maintaining America’s strategic interests // *U.S. Department of State Dispatch*. 1997. March–April. P. 9–10.
- ¹⁶ См.: *Albright M.* Interview on CBS-TV «Face the Nation» with Bob Schieffer and Tom Friedman. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.state.gov/www/statements/970323.html> (дата обращения: 09.01.10).
- ¹⁷ См.: *Albright M.* The Transatlantic community: Peaceful, democratic, and undivided // *U.S. Department of State Dispatch*. 1997. March–April. P. 19–20.
- ¹⁸ См.: *Albright M.* 1998: A Year of Decision in American Foreign Policy // *U.S. Department of State Dispatch*. 1998. January–February. P. 5–8.
- ¹⁹ См.: *Albright M.* NATO Enlargement: Advancing America’s Strategic Interests // *U.S. Department of State Dispatch*. 1998. March. P. 16–17.
- ²⁰ См.: *Albright M.* NATO welcomes three new members // *U.S. Department of State Dispatch*. 1999. March. P. 1–4.
- ²¹ См.: *Albright M.* A New NATO for a New century // *U.S. Department of State Dispatch*. 1999. April. P. 6–9.

УДК 327

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ТУРЦИИ, ИРАНА И ЕС: СПЕЦИФИКА И ПРОБЛЕМЫ

А.В. Сулейманов

Нижегородский государственный университет
E-mail: alim-suleymanov@mail.ru

В статье анализируются современные политические отношения, существующие между двумя влиятельными мусульманскими государствами Ближнего Востока (Турцией и Ираном) и Европейским Союзом. Автор рассматривает наиболее важные региональные проблемы, непосредственно затрагивающие эти страны.

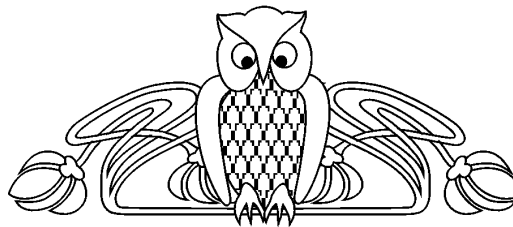
Ключевые слова: внешняя политика Турции, Ирана и ЕС; вступление Турции в ЕС, армянский вопрос и кипрская проблема.

The Political Relations of Turkey, Iran and EU: Specificity and Problems

A.V. Suleymanov

In article are analyzed the modern political relations existing between two influential Muslim states of the Middle East (Turkey and Iran) and by the European Union. Author considers the most important regional problems directly touching these countries.

Key words: Foreign policy of Turkey, Iran and EU; the joining of Turkey into EU, the Armenian question and the Cyprian problem.

Современные политические контакты двух крупных мусульманских государств – Турции и Ирана, как с ЕС, так и между собой, вызывают устойчивый интерес в отечественной науке. Специфика данных отношений отражается наиболее полно не только через «призму» взаимодействий этих стран, но и обуславливается взаимными оценками государств в адрес важных региональных проблем, непосредственно затрагивающих их: кипрский, армянский и курдский вопросы, иранская ядерная программа и иракский кризис.

Турция сегодня, как одно из ключевых государств Большого Ближнего Востока, находится в парадоксальной внешнеполитической ситуации, связанной со стремлением этой страны в течение долгого времени стать полноправным членом ЕС, преследуя при этом и другую внешнеполитическую цель – развитие двусторонних отношений с

исламским миром, и сегодня, прежде всего с Ираном, в целях поддержания статуса-кво в регионе Большого Ближнего Востока¹.

Необходимо сказать, что стремление Турции в ЕС обозначилось сразу же после подписания Римского соглашения о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС) 1957 г., Турция обратилась с просьбой о ее принятии в эту организацию ассоциированным членом². В 1963 г. Турция заключила с ЕЭС Анкарский договор, вступивший в силу 1 декабря 1964 г. и предусматривающий возможность членства Турции в Европейском Сообществе. 23 ноября 1970 г. был подписан «Дополнительный протокол», вступивший в силу 1 января 1973 г., направленный на разработку плана действий для «переходного периода», где определялись условия по реализации Таможенного союза между Турцией и ЕЭС³. После военного переворота 1980 г. в Турции, приведшего к отмене Конституции и роспуску Мили Меджлиса (парламента), Европа прекратила отношения с Анкарой, и лишь после 1983 г. переговоры были возобновлены⁴. На Люксембургском саммите Евросоюза, прошедшем в декабре 1997 г. Турции был предоставлен статус «государства-кандидата». Позже, на Ниццком саммите, проведенном в декабре 2000 г., Турция, как ни странно, не была принята даже во внимание, несмотря на то, что на саммите, прошедшем в Хельсинки в 1999 г., она считалась 13-м по счету государством-кандидатом в ЕС⁵.

Новый период переговоров о вступлении Турции в ЕС начался 3 октября 2005 г. и продолжается по сей день. Для вступления в ЕС Турции, как и любой другой стране, необходимо соответствовать Копенгагенским критериям, установленным в июне 1993 г., заключающимся в следующем: верховенство демократии и права, защита и соблюдение прав человека и меньшинств, наличие действующей рыночной экономики в стране⁶.

Относительно взаимоотношений Турции и ЕС нужно сказать, что на протяжении многих лет они складываются не просто, исходя из ее приверженности к исламскому миру⁷. Помимо этого существуют и другие факторы, «замедляющие» вступление Турции в ЕС. Во-первых, это недостаточный с точки зрения показателей ЕС уровень экономического развития Турции, где ежегодный рост ВВП равен 6–8%. Во-вторых, наличие убеждения большей части населения стран ЕС, что Турция представляет для них демографическую угрозу. Население Турции в 72 млн человек составляет около 15 % от населения ЕС-27. При этом прирост турецкого населения составляет 1,1% в год, по ЕС в среднем – 0,2%. В-третьих, наличие неурегулированных кипрского и армянского вопросов⁸. Как известно, Кипр, входивший в состав английских колониальных владений, получил независимость 16 августа 1960 г. в соответствии с Цюрихско-

лондонскими соглашениями от 1959 года. По этим соглашениям Великобритания, Греция и Турция объявлялись гарантами «независимости, территориальной целостности и безопасности» Кипра, что предоставило этим государствам возможность вмешательства в его внутренние дела. 15 июля 1974 г. при поддержке греческой военной хунты на острове произошел военный переворот. Турция в качестве страны-гаранта использовала это как повод для высадки 20 июля 1974 г. своих войск на остров под предлогом восстановления конституционного порядка и защиты турок-киприотов. 13 февраля 1975 г. руководство турецкой общины провозгласило в северной части острова «Турецкое федеративное государство Кипр». 15 ноября 1983 г. законодательная ассамблея «Турецкого федеративного государства Северного Кипра» (ТСРК), которая до сих пор признана только Турцией. 1 мая 2004 г. греческая часть Кипра вступила в Евросоюз, что позволило ей и Греции оказывать давление на процесс интеграции Турции в ЕС, путем давления по вопросу признания Греческого Кипра де-факто и де-юре⁹. В октябре 2009 г. премьер-министр Греции Йоргос Папандреу во время визита в Стамбул заявил, что: «Турция не сможет вступить в Евросоюз без решения кипрской проблемы»¹⁰. 11 ноября 2009 г. последовало заявление в Афинах главы кипрского МИД Маркоса Киприану: «Кипр и Греция как полноправные члены ЕС имеют право вето в процессе продвижения Анкары в Евросоюз и требуют от Турции практических шагов»¹¹.

Если в кипрском вопросе Турция не признает Греческий Кипр, то в армянском вопросе имеет место быть непризнание геноцида армян в Османской империи в начале XX в., как исторического факта. Несмотря на то что совсем недавно были восстановлены дипломатические отношения между Турцией и Арменией, в соответствии с достигнутыми договоренностями в апреле 2009 г. и разработанной «дорожной картой» тема геноцида остается открытой¹². Примечательна позиция некоторых стран ЕС относительно вопроса геноцида армян. Так, в Бельгии и Швейцарии за отрицание исторического факта геноцида армян введена уголовная ответственность (от штрафа 45 тыс. евро до 1 года лишения свободы). Во Франции в октябре 2006 г. парламентом был принят законопроект, в соответствии с которым отрицание геноцида армян станет уголовным преступлением, аналогично отрицанию холокоста¹³. В марте 2010 г. парламент Швеции также утвердил законопроект, признающий массовые убийства армян. Данное обстоятельство периодически ухудшало двусторонние отношения Турции с этими европейскими странами¹⁴.

Пускать турок в Европу хотят далеко не все. Нынешний Папа Римский Йозеф Ратцингер прямо заявлял, что «Турция – враждебный Европе регион», что у нее «мало общего с Европой».

И так думают многие. Например, президент Франции Николя Саркози и канцлер Германии Ангела Меркель неоднократно указывали на то, что Турция не готова к вступлению в ЕС. К тому же европейцы боятся турецких мигрантов, число которых составляет сегодня более 4 млн человек¹⁵. В 2004 г. бывший премьер-министр Бельгии и недавно избранный президентом ЕС Херман Ван Ромпей также негативно высказывался о европейских амбициях Турции, он заявлял: «Турция не является частью Европы и никогда не будет частью Европы»¹⁶.

В отличие от многих европейских стран позиция исламского Ирана по вопросу вступления Турции в ЕС была всегда однозначной. 11 ноября 2009 г. президент Ирана Махмуд Ахмадинежад заявил, что «Европейский Союз должен просить Турцию стать одним из его членов, так как, вступив в ЕС, Турция повысит его авторитет своей историей, культурой и цивилизацией»¹⁷.

На сегодняшний день турецко-иранские отношения находятся на достаточно высоком уровне. Поступательное развитие этих отношений началось с приходом в Турции к власти про-исламской Партии Справедливости и Развития в 2002 году. Именно 2002 г. стал началом нового этапа сближения Турции и Ирана, причиной которого послужило намерение США напасть на Ирак после завершения военной кампании в Афганистане. Руководство обеих стран негативно относилось к планам Америки, выступая категорически против создания независимого Курдистана, который мог стать последствием военного вмешательства в Ирак. В начале января 2003 г. премьер-министр Турции А. Гюль совершил поездку по странам Ближнего Востока с целью обсуждения ситуации вокруг Ирака. 12 января А. Гюль прибыл в Тегеран, где встретился с президентом М. Хатами¹⁸.

Турция и Иран на протяжении последних лет прилагают совместные усилия для решения курдской и иракской проблем. Тегеран же, «цементируя» отношения с Турцией своей схожей позицией по курдскому вопросу, рассчитывает на поддержку Анкары в урегулировании острой ситуации вокруг иранского ядерного досье и Ирана в целом¹⁹.

Многие эксперты и политические деятели считают, что в планы новой американской администрации пока не входит проведение наземной операции на территории Ирана или нанесение воздушного удара по объектам его ядерной инфраструктуры. Это стало ясно еще в марте 2009 г., когда президент Америки Барак Обама в видеопослании поздравил иранский народ с наступающим исламским Новым годом, а руководству Ирана предложил начать работу с «чистого листа»²⁰.

В свою очередь, турецкий премьер-министр Тайип Эрдоган осудил пристальное внимание западных стран к ядерной программе Ирана и

подчеркнул, что мировое сообщество должно решить прежде всего проблему израильского ядерного оружия²¹.

6 апреля 2010 г. турецкий президент А. Гюль заявил, что Турция «не поддержит ни при каких обстоятельствах военной авантюры против соседнего Ирана и не будет в ней участвовать». По его словам, «ситуация вокруг иранской ядерной программы должна быть урегулирована исключительно дипломатическими средствами»²².

Достаточно интенсивно развиваются взаимоотношения Ирана и ЕС, связанные с иранской ядерной проблематикой и наращиванием сотрудничества в торгово-экономической и энергетической сферах.

4 октября 2006 г. Высокий представитель Евросоюза по внешней политике и политике безопасности Хавьер Солана заявил, что «убежден, что решение по иранскому досье может быть найдено и будет найдено исключительно путем переговоров». Данная позиция ЕС в целом оставалась неизменной на протяжении последних лет. 30 октября 2009 г. лидеры 27 стран Евросоюза заявили о приверженности урегулированию ситуации с ядерной программой Ирана переговорным путем, призвав Тегеран к полномасштабному сотрудничеству, а также выразили серьезную обеспокоенность невыполнением Ираном международных обязательств²³.

Несмотря на стремление Евросоюза влиять на Иран в политической сфере в вопросе ядерной программы, в торгово-экономическом плане Иран важен для ЕС. Объем товарооборота между Ираном и странами Евросоюза в 2009 г. составил 25 млрд евро, увеличившись на 1.5 млрд евро по сравнению с 2008 годом. Основными торговыми партнерами Ирана являются Италия, Германия и Франция²⁴. В январе 2009 г. Иран выразил готовность сотрудничества с ЕС в области энергетики. Иран относится к числу стран, которые рассматриваются Евросоюзом как партнеры для обеспечения энергетической безопасности и снижения зависимости Европы от России²⁵.

Таким образом, процесс вступления Турции в ЕС затягивается по ряду объективных и субъективных причин, тем самым вынуждает Турцию развивать отношения с неевропейскими странами, прежде всего, с Ираном. При этом Турция выступает прямым посредником в решении иранской проблемы. Иран, в свою очередь, стремится далее развивать свою ядерную программу, не смотря на санкции ООН и позицию великих держав и ЕС.

Примечания

- 1 Oral Sander. *Türkiyenin dış politikası*. Imge kitabevi yayınları. Ankara, 2008. P. 147.
- 2 Мухаммед Карадаг. Внешняя политика Партии Справедливости и Развития (ПСР) // Внешняя политика

- Турецкой Республики в условиях глобализации: Материалы Междунар. науч. конф. Нижний Новгород, 2006. С. 27.
- 3 См.: *Гаджиев А.Г.* Процесс вступления Турции в ЕС и копенгагенские критерии // Современная Турция: проблемы и решения: Сборник статей. М., 2006. С. 123–124.
 - 4 Турция и Евросоюз. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org>
 - 5 См.: *Гаджиев А.Г.* Указ. соч. С. 126.
 - 6 Dokuzuncu kalkinma plani (2007–2013). AB Katilim Sureci. TBMM. 2006. P. 11.
 - 7 См.: *Колобов, О. А.* Стратегические ориентиры современной внешней политики Турецкой Республики // Актуальные проблемы изучения современной Турции: Материалы межд. науч. конф. 27 апреля 2007 г. Новгород, 2007. С. 6.
 - 8 *Кудряшова, Ю. С.* Перспективы дальнейшего сближения Турции с ЕС и его последствия для России // Востоковедный сборник (Вып. 8). М., 2007. С. 118–120.
 - 9 История кипрского урегулирования. Справка. [Электронный ресурс]. URL: <http://rian.ru/politics/20090715/177448505.html>
 - 10 Турция не вступит в ЕС без решения кипрской проблемы – премьер Греции. [Электронный ресурс]. URL: <http://rian.ru/world/20091017/189287345.html>
 - 11 Кипр требует от Турции практических шагов на пути в ЕС. [Электронный ресурс]. URL: <http://rian.ru/world/20091111/193056249.html>
 - 12 Армения и Турция договорились о нормализации отношений. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/news/11560.html>
 - 13 Геноцид армян. Признание. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org>
 - 14 Turkey slams Swedens genocide bill. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alalam.ir/english/detail.aspx?id=100474>
 - 15 *Малашенко А.* Картина мира – Турция // Новое время. 2007. 3 сент. С. 42.
 - 16 Celalettin Yavuz. Avrupa Birliđi. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.turksam.org/tr/a1865.html>
 - 17 ЕС еще должен попросить, чтобы Турция стала его членом – президент Ирана. [Электронный ресурс]. URL: http://armtoday.info/default.asp?Lang=_Ru&NewsID=17443
 - 18 См.: *Свистунова И. А.* О влиянии иракского фактора на развитие отношений Турецкой Республики с Ираном // Ближний Восток и современность: Сборник статей ИИИиБВ. М., 2006. Вып. 29. С. 211.
 - 19 Об отношении Турции к ситуации вокруг Ирана. [Электронный ресурс]. URL: www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&newsjd=39853
 - 20 См.: *Коновалов А.* Иран вышел на траекторию // Новое время. 2009. 25 мая. №20. С. 42.
 - 21 См.: *Кузнецов Д.В.* Иранская проблема и общественность США, стран Западной Европы, государства Израиль и Ирана (взгляд сквозь призму опросов общественного мнения) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 18. Социология и политология. 2008. №1. С. 5.
 - 22 Премьер-министр Турции: иранская ядерная проблема должна быть разрешена дипломатическим путем. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=63443.
 - 23 ЕС призывает Иран принять схему МАГАТЭ о поставках ядерного топлива [Электронный ресурс]. URL: http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=59871
 - 24 Объем товарооборота между Ираном и странами Евросоюза вырос на 1.5 млрд евро. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=56873
 - 25 Иран готов к расширению сотрудничества с Евросоюзом в области энергетики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=55447

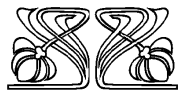
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ

УДК 902(470.44/.47)+929Городцов

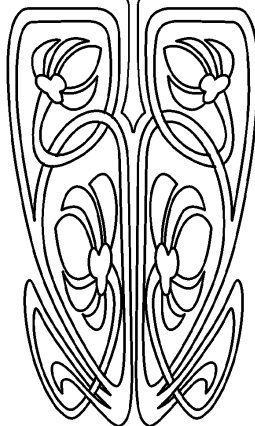
ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГОРОДЦОВ И АРХЕОЛОГИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (к 150-летию со дня рождения исследователя)

Н.М. Малов

Саратовский государственный университет
E-mail: malovnm@mail.ru

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

В статье рассматривается деятельность выдающегося русского археолога В.А. Городцова в контексте истории археологии Нижнего Поволжья. Его труды сыграли определяющую роль в изучении памятников эпохи бронзы и древностей городецкой культуры. Он сотрудничал с археологами-краеведами Саратова, впервые указал на присутствие в регионе памятников ямной, срубной и хвалынской культур бронзового века. Городцов уделил особое внимание Сосново-Мазинскому кладу, интересовался золотоордынскими сфероконическими сосудами. Исследователь содействовал становлению и развитию археологической научной школы в СГУ, которую возглавил его ученик – профессор П.С. Рыков.

Ключевые слова: Городцов, археология, бронзовый век, клад, Нижнее Поволжье.

Vasilij Alekseyevich Gorodtsov and Archaeology of the Lower Volga Region (to the 150 th Anniversary of the Researcher)

N.M. Malov

The article deals with the activity of V.A. Gorodtsov, an outstanding Russian archaeologist, in terms of the history of archaeology of the Lower Volga Region. His papers are of fundamental importance for investigating the Bronze Age monuments and artifacts of the Gorodets culture. He used to cooperate with the amateur archaeologists from Saratov and was the first one to recognize availability of the monuments of the Bronze Age pit, timber and Khvalynskaya cultures in the region. Gorodtsov gave special attention to the Sosnovno-Mazinskij hoard. He took interest in the Golden Horde sphero-conical vessels. The researcher has contributed to generation and development of the archaeological school at the Saratov State University, headed by his disciple – professor P.S. Rykov.
Key words: Gorodtsov, archaeology, Bronze Age, hoard, Lower Volga Region.

Многогранная деятельность выдающегося русского и советского учёного-археолога, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки, профессора Василия Алексеевича Городцова (1860–1945) тесно связана с археологией Поволжья. Как верно отметил А.Х. Халиков, вклад исследователя в археологию Поволжья следует рассматривать по трём направлениям: 1) изучение археологических памятников и музейных собраний, участие в деятельности научных, учебных и музейных организаций; 2) роль трудов Городцова в изучении археологических памятников; 3) воспитание учёным плеяды поволжских археологов¹. Эти направления деятельности Василия Алексеевича ярко представлены и в археологии Нижнего Поволжья.

Дореволюционный период. В начале XX в. труды В.А. Городцова ещё только начинают оказывать влияние на изучение погребений бронзового века, поселений городецкой культуры, археологических памятников других культурных типов и эпох Нижнего Поволжья. Профессора интересовали различные памятники и культуры Нижнего Поволжья – от палеолита до позднего средневековья. Тогда его особое внимание привлекли немногочисленные нижеволжские погребения бронзового

века, открытые к тому времени А.А. Спицыным и археологами СУАК.

Именно Василий Алексеевич начал первым выделять в Нижнем Поволжье памятники ямной, срубной и хвалынской культур. Тем самым были заложены основы для последующего изучения эпохи бронза региона². Например, через два года после выделения триады культур: ямной, катакомбной и срубной, исследователь впервые подчеркнул, что «скорченные на спине курганные захоронения с окрашенными костяками» известны на Волге и в Саратовской губернии³. В последующем это наблюдение было подтверждено в курсе лекций «Бытовая археология», где уточнялось, что смена катакомбных могил срубными фиксируется лишь в Донецко-бахмутском районе, а на остальной территории юга России не наблюдается⁴.

Затем в своей выдающейся работе «Культуры бронзовой эпохи Средней России» Василий Алексеевич пришёл к выводу, что три группы донецких погребений представляют самостоятельные культуры бронзового века⁵. В этой же монографии исследователь впервые выделил курганный памятник срубной культуры в Саратовской губернии, раскопанный хвалынским археологом В.Ф. Ореховым (1873–1942) около с. Адоевщина Хвалынского уезда⁶. Ранее об этом Городцов уже сообщил в письме члену СУАК С.А. Щеглову (1861–1915): «Я полагаю, что раскопанные курганы в имении г. Радищева близ с. Адоевщины относятся к бронзовой эпохе. По типу сосудов они ближе всего стоят к срубным курганным погребениям Изюмского у. Харьк. губ. и Скорняковским курганам Задонского у. Воронежской губ.»⁷.

Тем не менее «Городцовские термины» – ямная, катакомбная, срубная и хвалынская культуры – практически не использовались в публикациях археологов-краеведов СУАК. До начала 1920-х гг. они относили могилы со «скорченными и окрашенными костяками» к эпохе меди или медному веку, не разделяя на ямную, катакомбную и срубную культуры. Дело в том, что тогда, по мнению большинства ведущих русских археологов, бронзовый век отсутствовал на юге России, в том числе и в Нижнем Поволжье⁸.

Систематизируя памятники эпохи бронзы России, профессор не мог обойти своим вниманием такой опорный и металлоёмкий комплекс, как Сосново-Мазинский клад, найденный в 1901 г. у одноимённого села Хвалынского уезда Саратовской губернии. С коллекцией клада Городцов был знаком непосредственно, поскольку большая и основная его часть хранилась в Российском историческом музее, отдел археологии которого он возглавлял с 1903 года.

Городцов интересовался этим кладом целенаправленно. Он располагал дополнительной информацией о не сданных властям и «разошедшихся по рукам» в 1901 г. сосново-мазинских предметах, которые хвалынские археологи М.А. Радищев (1859–1920) и В.Ф. Орехов получили от местных

крестьян и коллекционеров уже много лет спустя после обнаружения клада. Был осведомлён профессор и о том, что в 1913 г. Орехов дополнительно обследовал место обнаружения этого клада, вместе с нашедшим его крестьянином, поэтому Городцов использовал в своих исследованиях несколько сосново-мазинских вещей из музея СУАК и кинжал из частного собрания Радищева⁹.

Профессор первым предположил, что здесь могла существовать «очень сильная» культура, типа Сосново-Мазинского клада, происхождение которой связывал с донским лучом сибирского течения конца бронзовой – начала железной эпохи¹⁰. До этого данный клад обычно относили к медному, а иногда и к раннему железному веку. Городцов впервые взял его за основу для разработки гипотезы о новой «хвалынской культуре» самого конца бронзового века. Как верно отметил П.С. Рыков, именно Городцовым она и была названа «хвалынской» – по Хвалынскому уезду, где «более всего выявлялась»¹¹.

Как основоположника изучения городецкой культуры раннего железного века и ее керамики, внимание Городцова привлекли «финские» городища Саратовской области. Его мнение сыграло определяющую роль при культурной оценке и изучении хвалынских городищ. Саратовские археологи-краеведы, впервые открывшие поселения городецкой культуры в северо-западном правобережье Нижнего Поволжья, испытывали затруднения с их датировкой и культурной атрибуцией. В этой связи они обращались за советами к В.В. Хвойко, Д.Я. Самоквасову и А.А. Спицыну¹².

Однако только Городцов первым увидел в лепной керамике саратовских городищ аналогии именно на рязанских памятниках и наметил южную границу городецких древностей по линии Вольск–Рязань¹³. Радищев, опубликовавший в 1914 и 1916 гг. две статьи в Трудах СУАК о Хвалынских городищах, обращался за консультациями к Городцову¹⁴. С этой целью он прислал профессору чертеж, рисунки и коробку с обломками глиняной посуды. После ознакомления с этими материалами Городцов заключил: «Изучая весь этот материал, я могу убедиться, что хвалынская сетчатая керамика ближе всего стоит к керамике Городецкого городища Спасского у. Рязанской губ., а городища (по овальной форме) более всего похожи на городище “Топорок” /в/ Тверской губ.»¹⁵.

В итоге Радищев привёл в качестве аргумента авторитетное заключение исследователя: «Мои планы городищ и сетчатые черепки обозревались В.А. Городцовым. Он высказал следующее: “Присланные обломки посуды, по моему мнению, относятся к одному времени. Наибольшее сходство они имеют с посудой Городецкого городища Рязанской губернии, Спасского уезда. Сходство прямо поразительное. Узор на Хвалынских обломках наносился рогожею и реже толстой тканью. На

городецкой посуде узор также наносился рогожею и тканью»¹⁶.

Будучи почётным членом СУАК, Городцов многие годы сотрудничал с этой организацией по различным направлениям (археологические памятники, съезды, музейное дело и др.), был в курсе её повседневной работы, музейной и археологической деятельности. Посещая в 1914 г. музеи ряда поволжских городов, Городцов впервые побывал в Саратове и познакомился с археологической коллекцией музея СУАК.

Тогда же он оставил благожелательную записку от 5 июля 1914 г. в Памятной книге посетителей библиотеки и музея СУАК: «На долю пишущего выпало великое счастье в эти дни видеть целый ряд музеев в городах Восточной России и Сибири, а также познакомиться с их создателями и деятелями, в том числе видеть Музей и деятельницу Саратовской Ученой Архивной Комиссии, и у него сложилось глубокое удивление, что музеи, это есть светочи, освещающие путь к познанию истины, а деятели их представляют силы, поддерживающие свет разуму»¹⁷.

Заинтересовали Городцова и средневековые древности Нижнего Поволжья золотоордынского времени. Во время этой саратовской поездки внимание Городцова в музее СУАК привлекли сфероконические сосуды эпохи Золотой Орды, происходившие преимущественно с Увекского городища. Городцов изложил на заседании СУАК свои предположения относительно использования сфероконусов в качестве светильников, что не нашло поддержки у коллег. В опубликованной гораздо позже статье он отметил, что саратовские оппоненты высказали сомнение: «едва ли возможно горение фитиля, вложенного внутрь сосуда, не пропускавшего в себя воздух»¹⁸.

В этой же статье Городцов указал, что на одной из двух опубликованных им «небольших леек» начертаны две надписи¹⁹. Сейчас такие знаки обычно считаются «руническими». Что касается типологической принадлежности двух металлических «леек» то, судя по аналогиям²⁰, это византийские кацеи.

Городцов многие годы состоял в переписке с некоторыми членами СУАК, присылал научную литературу в её библиотеку, консультировал саратовских археологов по проблемам культурно-хронологического определения памятников и атрибуции находок, оказывал научно-методическую помощь в музейной деятельности. Профессор поддержал инициативу СУАК о возможном проведении в Саратове XVII Археологического съезда²¹. О контактах исследователя с саратовскими археологами-краеведами свидетельствуют его многочисленные письма, хранящиеся в архивах и заслуживающие специального рассмотрения.

Например, сохранилось 9 писем Городцова к Радищеву за период с 1913 по 1916 г., поступивших в составе личного архива Орехова в конце

1980-х гг. в Хвалынский краеведческий музей. В одном из писем Василий Алексеевич отметил: «Был отлично вознаграждён тем удовольствием, какое испытывал при обзоре присылавшихся Вами вещей. Ваши бронзовые орудия, Ваши описания раскопок курганов, да и вообще всё мне доставило минуты истинного счастья»²².

Огромной заслугой профессора явилось воспитание плеяды, в последующем ведущих археологов, сыгравших решающую роль в археологическом изучении Поволжья. Среди них был П.С. Рыков (1884–1942), закончивший в 1910 г. под руководством В.А. Городцова учёбу в Московском археологическом институте²³.

Городцов внёс существенный вклад в изучение различных памятников археологии Рязанской области. В этой связи симптоматично то, что осенью 1917 г. его ученик – Рыков переехал вместе с эвакуированной гимназией в г. Скопин Рязанской губернии, где организовал музей и изучал курганы славян-вятичей на р. Проне Скопинского уезда.

Советские годы. После Октябрьской революции В.А. Городцов принимал активное участие в музейном строительстве, работая в комиссии Народного комиссариата просвещения по реформированию музеев (1918–1922 гг.) и заведующим (1918–1926 гг.) археологическим отделом музейного отдела²⁴. Кроме того, он был членом Государственного учёного совета Наркомпроса, Центрального бюро краеведения и руководил секцией археологии РАНИОН (с 1923 г.).

Особенно тесные научные связи с Василием Алексеевичем поддерживали саратовские профессора Баллод и Рыков, возглавлявшие кафедры теории и истории искусств, археологии и этнографии, НИИ Археологии и Нижневолжский институт краеведения, Археологический отдел музея общества истории, археологии и этнографии (ИстАрхЭт) при СГУ. Археологический отдел (музей) затем стал структурным подразделением Саратовского областного музея краеведения.

Городцов интересовался развитием саратовской региональной археологии, занимался изучением нижневолжских музейных коллекций и памятников, приезжая в 1920, 1927 и 1929 гг. в Саратов, Хвалынский и Царицын. С 25 декабря 1922 г. он состоял в Обществе ИстАрхЭт при СГУ²⁵. Позже, когда Рыков справедливо отмечал, что Археологический отдел (музей) СОМК сделался центром археологического изучения Нижне-Волжской области, то приводил в качестве подтверждения не только мнение А. Тальгрена, но и Василия Алексеевича²⁶.

В.А. Городцов, занимая высокие руководящие должности в Наркомпросе, содействовал становлению и развитию первой вузовской археологической научной школы по нижневолжской региональной археологии в Саратовском университете. Этому благоприятствовало и то, что преподавателями и организаторами археологической науки в СГУ были исследователи, хорошо знакомые и

контактировавшие с Городцовым, поскольку ранее они учились или работали в Московском университете, Московском Археологическом институте и в Государственном историческом музее²⁷.

Благодаря непосредственной поддержке Городцова в послереволюционные и предвоенные годы в Саратовском государственном университете открывается Археологический институт, кафедра археологии и этнографии, выделялись средства на проведение крупномасштабных полевых археологических исследований НИИ Краеведения. При содействии и ходатайстве Городцова в 1919–1921 гг. профессор Ф.В. Баллод (1882–1947) провёл первые археологические экспедиции СГУ в Нижнем Поволжье²⁸. Узнав в Российском историческом музее о возможном трудоустройстве в Саратове, ученик Городцова – Рыков подал заявление и с сентября 1920 г. был избран доцентом СГУ. С именем Павла Сергеевича связано организационное становление и развитие археологической научной школы в СГУ.

Все последующие годы Городцов наиболее активно интересовался археологией Нижнего Поволжья, поскольку саратовские археологи, возглавляемые Рыковым, стали проводиться полевые исследования на широкой территории и раскапывать новые яркие памятники. В 1929 г. профессор посетил ряд городов Поволжья, в том числе Царицын, работал в фондах музеев и побывал на уже известных археологических памятниках²⁹.

Профессор одним из первых проявил заинтересованность в изучении древнейших периодов каменного века Нижнего Поволжья. В Хвалынске его внимание привлекло скопление костей четвертичных млекопитающих и палеолитического человека на Хорошевском (Хорошенький, Хорошев) острове близ с. Алексеевки, где он побывал вместе с В.Ф. Ореховым³⁰. Вероятно, тогда же Городцов и Орехов обследовали ещё одно палеолитическое местонахождение на острове Середьш около этого же села Хвалынского района (ХКМ. Инв. № 3157, 3158).

В эти годы труды Городцова по эпохе бронзы Восточной Европы сыграли главную роль при изучении и осмыслении соответствующих археологических памятников Нижнего Поволжья. Прежде всего, на них опирались Баллод и Рыков, группируя нижеволжские археологические комплексы ямной, катакомбной, срубной и хвалынской культур, выделенных Городцовым³¹. Благодаря лекциям Баллода и Рыкова, со схемой развития культур бронзового века Городцова были хорошо знакомы студенты истфака СГУ, посещавшие с учебными целями и саратовский археологический музей. Когда в августе 1927 г. Городцов изучал коллекцию Археологического отдела СОМК, то в его вестибюле располагался муляж вертикального разреза кургана эпохи бронзы и таблицы археологической классификации московского профессора³².

В 1927 г. Василий Алексеевич кратко изложил в энциклопедическом издании свои представления

о культурах бронзового века или «палеометаллической эпохи» ранней, средней и поздней поры на территории СССР³³. В этой статье дана обзорная характеристика и очерчены области археологических культур, бытовавших и в Нижнем Поволжье. Городцов впервые предложил последовательную схему смены нижеволжских культур по эпохам раннего, среднего и позднего бронзового века, которой придерживаются и современные археологи.

По Городцову, носители ямной культуры эпохи ранней бронзы жили в обширной области от р. Урала до р. Днепра, занимаясь звероловством, рыболовством и, вероятно, примитивным скотоводством. Границы распространения скотоводческой катакомбной культуры эпохи средней бронзы намечены приблизительно по линии от Одессы на Дербент, Астрахань и Орёл. Предполагалось, что среди домашних животных у племён катакомбной культуры впервые могла появиться приручённая лошадь.

Городцов считал, что население скотоводческой срубной культуры позднего бронзового века распространялось из заволжских степей на запад, управлялось «князьками» или старейшинами. При этом предполагалось, что в Заволжье срубная культура «существовала дольше и успела там обогатиться железными вещами, перейдя в стадию неометаллической эпохи»³⁴.

По мнению Городцова, в Нижнем Заволжье на смену срубной культуры явилась культура хвалынская, принадлежавшая, как и киммерийская, всецело к ранней поре неометаллической эпохи, хотя и содержащая ещё огромное количество бронзовых орудий. На рисунке вещей хвалынской культуры профессор поместил бронзовые изделия Сосново-Мазинского клада и, вероятно, самарскую литейную форму для двух серпов-секачей³⁵. Городцов продолжал уделять большое внимание изучению хвалынской культуры и в 1930-е годы.

Термины «хвалынская» и «срубно-хвалынская» культуры получили широкое распространение в историографии эпохи поздней бронзы Поволжья также благодаря исследованиям В.В. Гольмстен и П.С. Рыкова – учеников Василия Алексеевича³⁶. Однако в конце 1920-х гг. в ГАИМК формируется совершенно иной концептуальный подход в культурно-хронологической и социокультурной оценке памятников эпохи бронзы Северного Причерноморья, Подонья и Поволжья.

Особенно резкой критике «миграционная» модель культурогенеза древностей эпохи бронзы Городцова и его «преимущественно провинциальных» последователей, к числу которых оппоненты относили и Рыкова, стала подвергаться в первой половине 1930-х гг.³⁷ Тем не менее, благодаря деятельности классика отечественной археологии – Василия Алексеевича Городцова археологическая наука развивалась не только в столицах, но и в провинциальном Саратовском государственном университете.

Принятые сокращения

АВЕС – Археология Восточно-Европейской степи.

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.

ГИМ – Государственный исторический музей.

ГАСО – Государственный архив Саратовской области.

СГУ – Саратовский государственный университет.

СОМК – Саратовский областной музей краеведения.

СУАК – Саратовская губернская учёная архивная комиссия.

ХКМ – Хвалынский краеведческий музей.

Примечания

- 1 См.: *Халиков А.Х.* В.А. Городцов и археология Поволжья // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991. С. 199–207.
- 2 См.: *Малов Н.М.* Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986. С. 21–23. Рис. 1.
- 3 См.: *Мерперт Н.Я.* В.А. Городцов и начало изучения раннего бронзового века Каспийско-Причерноморских степей // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991. С. 89.
- 4 См.: *Городцов В.А.* Бытовая археология. Курс лекций. М., 1910. С. 153, 270.
- 5 См.: *Бочкарёв В.С.* Периодизация В.А. Городцова в контексте хронологических исследований Европейского бронзового века // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара, 2001. С. 10.
- 6 См.: *Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отдельный оттиск из «Отчёта» Историч. Музея за 1914 год. М., 1916. С. 102.
- 7 Письмо В.А. Городцова – С.А. Щеглову от 28 ноября 1913 г. ГАСО. Фонд 407. Оп. 2. Д. 872-а. Л. 224–225.
- 8 См.: *Малов Н.М.* Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // АВЕС. Саратов, 2008. Вып. 6. С. 34–36.
- 9 См.: *Городцов В.А.* Культуры бронзовой... С. 83. Рис. 51; *Малов Н.М.* Сосново-Мазинский клад: история обнаружения и комплектования коллекции // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. I. С. 420–422.
- 10 См.: *Городцов В.А.* Бытовая... С. 273–272; *Он же.* Культуры... С. 84.
- 11 *Рыков П.С.* Древние культуры Нижнего Поволжья// Нижнее Поволжье. Саратов, 1924. Вып. 2. С. 47.
- 12 См.: *Миронов В.Г.* Изучение городецких памятников Нижнего и Среднего Поволжья (историографический очерк) // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Проблемы историографии и источниковедения

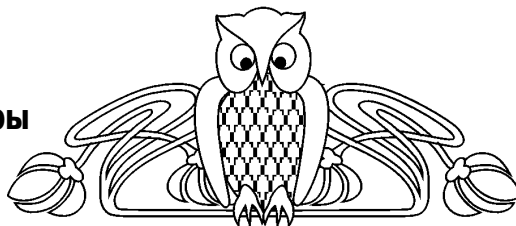
- отечественной и всеобщей истории. Л., 1978. Вып. 4. С. 126–131.
- 13 Там же. С. 131.
- 14 См.: *Степанов П.Д.* Хвалыньские городища // Труды СОМК. 1960. Вып. 3. С. 50–60.
- 15 Письмо В.А. Городцова – С.А. Щеглову от 28 ноября 1913 г.
- 16 *Радищев М.А.* Хвалыньские городища. (По разведкам 1912 и 1913 гг.) // Труды СУАК. Саратов, 1913. Вып. 31 (Б). С. 161.
- 17 *Малов Н.М.* Из истории Саратовского областного музея краеведения: Памятная книга посещения музея и библиотеки Саратовской Ученой архивной комиссии (1895–1918 гг.) // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность. Саратов, 2003. С. 59.
- 18 *Городцов В.А.* Древние мусульманские светильники в виде сфероконических глиняных сосудов // Труды ГИМ. Разряд археологический. М., 1926. Вып. I. С. 158.
- 19 Там же. С. 151, 161. Рис. 16.
- 20 См.: *Коваленко В.П., Пуцко В.Г.* Фрагмент бронзовой кацеї з Чернігова// Археологічні староживності Подесення. Збірка наукових праць до 70-річчя з дня народження Г.О. Кузнецова. Чернігів; Чорнобыль, 1995. С. 83–86. Выражаю искреннюю признательность Ю.Ю. Шевченко за консультацию по вопросу о византийских кацеях.
- 21 См.: *Волков В.А.* Археологические съезды в России и развитие историко-археологических изысканий в Нижнем Поволжье в конце XIX – начале XX вв. // АВЕС. Саратов, 2009. Вып. 7. С. 269–210.
- 22 *Непочатых В.А.* Хвалыньск. Краткая истории и достопримечательности. Саратов, 2000. С. 38.
- 23 *Малов Н.М.* Советская археология в Саратовском государственном университете (1918–1040 гг.): организационное становление, развитие и репрессии // АВЕС. Саратов, 2006. Вып. 4. С. 4–28.
- 24 См.: *Белозерова И.В.* Городцов Василий Алексеевич // Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 1. С. 143. № 280; *Она же.* Роль В.А. Городцова в изучении древних культур Евразии и развитии научной деятельности Государственного исторического музея // Чтения, посвящённые 100-летию деятельности в Государственном Историческом музее В.А. Городцова: Тез. конф. М., 2003. С. 5–6.
- 25 См.: Списки почетных и действительных членов Саратовского областного общества ИстАрхЭт 1923–1924 гг. // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 433. Л. 2.
- 26 См.: *Рыков П.С.* Музейная работа в Саратовской губернии за X лет// Отдельный оттиск из журнала «Нижнее Поволжье». Саратов, 1927. № 10. С. 1–10.
- 27 См.: *Малов Н.М.* Советская археология... С. 7–8.
- 28 См.: *Малов Н.М.* Поволжская региональная археология в Саратовском университете: страницы истории и персоналии // Саратовское Поволжье: история и современность. Саратов, 1999. С. 26; *Он же.* Изучение и интерпретация материалов нижневожских поселений срубной культурно-исторической области в первой четверти XX века // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Междунар. Нижневож. археол. конф.,

- г. Волгоград. 12–15 ноябр. 2007 г.: Тез. докл. Волгоград, 2007. С. 47–48.
- ²⁹ См.: Халиков А.Х. Указ. соч. С. 201.
- ³⁰ Там же; Киреев А. Послетретичные ископаемые Нижнего Поволжья // Сборник Нижневолжского краевого музея. Саратов, 1932. С. 84.
- ³¹ См.: Малов Н.М. Изучение и интерпретация... С. 48–50.
- ³² См.: Малов Н.М. Советская государственная музейная сеть в Саратове (1917–1930 гг.): организационное становление, страницы истории и музейные деятели // Народы Саратовского Поволжья: этнология, этнография, духовная и материальная культура: Труды СОМК. Саратов, 2006. Вып. 10. С. 251.
- ³³ См.: Городцов В.А. Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. М., 1927. Т. 7. С. 610–626.
- ³⁴ Там же. С. 622.
- ³⁵ Там же. С. 624. Рис. 100–104.
- ³⁶ См.: Малов Н.М. Хлопковский могильник... С. 40.
- ³⁷ См.: Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 187–190.

УДК 902(470.44/47)|637/7|

ВЕКТОРЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА (к проблеме становления срубной культуры на севере Нижнего Поволжья в середине II тыс. до н.э.)

В.А. Лопатин

Саратовский государственный университет
E-mail: srubnik@yandex.ru

Культуургенез в середине II тыс. до н. э. был сложным и многокомпонентным явлением. Ранние варианты срубной культуры неодинаково складывались в разных природно-географических нишах Волги, Дона, Урала, с участием различных переходных культурных типов рубежа средней и поздней бронзы (Кривая Лука, Бабино, Лола, Вольск, Покровск, Потаповка, Синташта, Петровка). В дальнейшем наблюдается глобальная конвергенция степных скотоводческих племен и общая нивелировка локальных особенностей срубной культуры.

Ключевые слова: культуургенез, срубная культура, Кривая Лука, Бабино, Лола, Вольск, Покровск, Потаповка, Синташта, Петровка.

Vectors of Culturogenesis (to a Problem of Becoming Timber-grave Cultures in the North Low-Volga Region in the Middle of II th. B.C.)

V.A. Lopatin

Culturogenesis in the middle of the 2nd millennium B.C. was complicated and multicomponent ones phenomenon. The early types of timber-grave culture developed in various ways in different natural geographic niches of Volga, Don and Ural with participation of different transitional cultural types at the turn of middle and late bronze ages (Krivaya Luka, Babino, Lola, Volsk, Pokrovsk, Potapovka, Sintashta, Petrovka). Further we can see global convergence of steppe cattle-breeding tribes and general leveling of the local peculiarities of timber-grave culture.

Key words: culturogenesis, timber-grave, Krivaya Luka, Babino, Lola, Volsk, Pokrovsk, Potapovka, Sintashta, Petrovka.

Ранний пласт срубной археологической культуры, формировавшейся на широкой территории, был представлен множеством вариантов, которые

объективно отражали многокомпонентность культуургенеза. Обширный ареал формирования занимал степные и лесостепные равнинные пространства Волго-Уралья и Доно-Поволжья, где к середине II тыс. до н.э. был интегрирован качественный культуурообразующий потенциал, выработанный активными культууро-генетическими процессами эпохи средней бронзы. Определяющими в этих процессах были факторы пространства, времени, а также естественного культууро-исторического развития скотоводческих древнеиранских народов степной Евразии.

Пространство, ландшафт, природно-географическая среда имеют огромное значение в культууро-генетической динамике, а евразийская степь играла особую роль в сложных процессах, влиявших на его активизацию. Часть этого пространства между Доном и Волгой, Волгой и Уралом была чрезвычайно привлекательна во все времена и для многих народов, прежде всего, как ключевая геополитическая категория. Поэтому так разнообразны местные памятники археологии, а фиксируемые культууро-генетические и этнические процессы часто формировали здесь судьбоносные направления мировой истории. Специфика региональных условий (равнинный ландшафт, сухостепная растительность, континентальный климат) реально влияла на формирование культурных и этнических черт местных племен, в известной степени определяла динамику их становления. Яркое своеобразие этих явлений – дискретность, нестабильность и мозаичность. Практически все народы, известные в исторической диахронии нашего пространства, отмечены не полными циклами этногенезов, а лишь некими фазами или мимолетными фрагментами. Зачастую это крайне напряженные или острокритические варианты полиэтничной энтропии в виде глобальных миграций, насильственных ассимиляций, или

межкультурных миксаций. Как тип вмещающего и кормящего ландшафта, данный регион является традиционно скотоводческим. В древности это всегда спорная территория, как любой район степи между Черным морем и предгорьями Саяно-Алтая¹. Монотонные ландшафты евразийской степи, крайне напряженные в своей экстенсивности варианты пастушеско-отгонного скотоводства, фиксировали здесь ярко выраженные персистентные типы первобытных социумов².

Естественным географическим центром притяжения этого региона была Волга, значение которой огромно. Она разграничивала запад и восток на два мира и одновременно соединяла их своими берегами, обширной поймой с гигантским пастбищным ресурсом, многочисленными притоками, неким подобием горообразности Приволжской возвышенности, которая видна издали и столь притягательна в открытой степи. Волга протекает естественным меридиональным рубежом между выровненным степным Заволжьем, плавно переходящим в сыртовое Волго-Уралье, и живописным, изрезанным лесными реками Подоньем. Значительное пространство приволжского правобережья пересекается реками, которые являются частью Донского бассейна (Иловля, Медведица, Хопер, Ворона). На севере Волго-Донского междуречья истоки этих рек близки началу окских притоков (Уза, Сура, Мокша, Вад, Выша), здесь же начинают свое течение мелкие реки, впадающие в Волгу (Курдюм, Терешка). В древности это были естественные и удобные магистрали перемещений скотоводческих групп населения с Дона на Волгу и далее по Иргизу и Чалыкле к истокам Деркула, ведущего к Уралу. В связи с этим север Нижнего Поволжья представляется предельно контактным и одним из наиболее вероятных полигонов активизации культурно-генетических процессов.

Середина II тыс. до н.э. – категория времени, которая должна рассматриваться как довольно широкий интервал, имеющий в контексте культурогенеза значение перехода, буферного этапа, на протяжении которого наблюдаются качественные трансформации культурных компонентов, занятых в интеграционных процессах. Конкретизировать хронологические рамки этого интервала не имеет смысла. Ограничивая его, к примеру, XVI–XV вв. до н.э., мы неизбежно будем обращаться к более глубоким корням того или иного генетического компонента, а наблюдаемые производные образования могут проявлять себя вплоть до финала бронзового века. Расценивать эту середину в качестве рубежа, разделяющего две абстрактные половины тысячелетия, – заблуждение, но синергетическое понимание этого времени как пункта бифуркации, в котором начинается эра двух мегакультур (срубная и алакульская), вполне приемлемо.

В контексте проблемы для нас наиболее небезразлично время взаимодействия культурных групп посткатакомбного, постшнурового и по-

стабашевского типов³, степень доминантности активаторов культурогенеза (т.н. «колесничных» феноменов). И разумеется, в рамках этого этапа мы должны видеть конкретные результаты конструктивной контактности в обозначенном ареале – формирующиеся локальные варианты срубной археологической культуры.

Векторы культурогенеза – это условные направления динамики взаимодействующих компонентов (блоков взаимодействующих культур), результатами которой должны являться локальные варианты раннесрубной культуры. Выявление процессов взаимодействия и специфических особенностей формирующихся вариантов – это одно из ключевых направлений предпринимаемого исследования. Особая роль в локализации взаимодействующих компонентов и производных групп отводится простейшему анализу имеющейся базы данных.

Культурогенез понимается как множественные векторные процессы, в ходе которых наблюдаются нарастания, подъемы, критические пики, спады, плавное развитие. В глобальных масштабах культурно-генетические процессы могут приобретать как дискретный, так и линейный характер. Эти интервалы по-своему совпадают с дивергентными и конвергентными явлениями в развитии первобытных культур. Исходя из этого, следует вывод о диалектической сущности культурогенеза.

Нельзя понимать процессы культурогенеза, аналогизируя с этногенезами, категориями этнологического характера. Феномены культурогенеза и этногенезов синстадиальны, но не редупликативны. Другими словами, этногенезы происходят в рамках культурогенеза, процессы которого множественны, но сам культурогенез как всеобъемлющее явление един. В отличие от этногенеза, культурогенез не конечен в диахроническом стволе великих исторических народов, каковыми, безусловно, являются иранцы с их глубочайшей праисторией. Проблема начальной фазы иранского культурогенеза расплывчата и вырастает из общего контекста индоевропейских начал. Главная сложность в изучении культурно-генетических процессов – верное сопоставление конкретных данных археологии с ритмами линейно-дискретной динамики древней истории.

Данная позиция не противоречит концепциям «очагов» культурогенеза (Волго-Уральского, Карпато-Дунайского, Днепро-Донецкого)⁴, которые основаны на выделении блоков «материнских» культур и активаторов динамики, констатируемых в качестве исходных культурно-исторических явлений. Эти яркие феномены активизации мы рассматриваем как очень значимые фрагменты – фазы подъема, нарастающей динамики глобальных, перманентно развивающихся культурно-генетических процессов.

Изучая срез продолжительного культурогенеза, важно конкретизировать *культурные ком-*

поненты, активизированные на этапе перехода от средней к поздней бронзе. Исследования последних лет убедительно показали факт формирования групп памятников, разделяющих собственно эпохи средней и поздней бронзы и являющихся результатом «деструкции и распада» практически всех культур абашевской, шнуровой и катакомбной общностей на обширном пространстве от низовий Дуная до Приуралья⁵. Под активизацией культурных компонентов понимается конкретное движение (миграции) носителей определенных признаков погребальной обрядности и материального комплекса из областей первичных локализаций на территорию Нижнего Поволжья, Волго-Донского междуречья и степного Волго-Уралья. Но важно включать в указанные процессы также опосредованные трансляции культурных элементов, явления не прямых аккультураций и активного обмена традициями.

Наиболее ярко (в той или иной степени) выражено движение культурных групп посткатакомбного блока, *бабинской*, *криволукской*, *лолинской*, которые в ходе формирования собственных ареалов активно взаимодействовали на юге Волго-Донского междуречья⁶. Но участие посткатакомбных культур в освоении Нижневолжского региона, и особенно степного Волго-Уралья, неравнозначно. Восточная периферия бабинского «очага культурогенеза»⁷, в который включаются также памятники волго-донской и предкавказской (лолинской) групп, ограничена Приволжской возвышенностью и южным правобережьем, поэтому проникновение в Заволжье отдельных элементов «бабино» и «лолы» в виде валиковой керамики, предметов поясной фурнитуры, «рожкового» бисера можно оценивать, вероятно, как опосредованную диффузию.

Теперь совершенно очевидно, что движение криволукской группы, первоначально локализованной в нижневолжском правобережье⁸, было наиболее активно и динамично развивалось также в обширном пространстве степного Волго-Уралья, многие известные памятники которого теперь оцениваются в контексте посткатакомбной концепции⁹. Погребения финала средней бронзы между Волгой и Уралом близки по такому показателю, как ярко выраженная безынвентарность, но вместе с тем они демонстрируют заметное разнообразие в элементах погребальной обрядности. Пока не ясно, оставлены ли они разнотипными посткатакомбными вариантами, или это был единый криволукский импульс, попутно сформировавший субкультурную «дериват-форму», пока условно обозначенную, как *волго-уральская* (культурно-обрядовая?) группа¹⁰.

Вероятнее всего, перемещение катакомбных и посткатакомбных групп на территорию степного Волго-Уралья в первой четверти II тыс. до н.э. было многоимпульсным и поликомпонентным. Потенциалы этих множественных вторжений вначале поэтапно аккумулировались в нижне-

волжском правобережье, затем осваивали Заволжье и постепенно продвигались по сухостепному и ариднему поясам к Южному Приуралью. К моменту появления здесь носителей покровского культурного типа посткатакомбные племена уверенно контролировали всю волго-уральскую степь¹¹.

Участие *вольско-лбищенского* компонента в культурно-генетических процессах на рубеже эпох средней и поздней бронзы весьма спорно. Материалы эпонимного памятника Попово Блюдечко (Вольское городище), получившие недавно подробный анализ, синхронизируются авторами с полтавкинскими комплексами, то есть считаются предшествующими сложению волго-уральского очага культурогенеза¹². Аналогично определяя культурно-хронологические позиции памятников вольско-лбищенского типа (Вольск, Лбище, пещера Братьев Греше, Царев Курган, поселение у Кирпичных Сараев, Алексеевский III могильник, Тамар-Уткуль VII, дюна «Человечья Голова») в своей обобщающей работе И.Б. Васильев¹³. Он отмечал заметную близость вольско-лбищенских металлических изделий к предметам инвентаря «шнуровых» культур (фатьяновско-балановской, примокшанской, среднеднепровской), выделял связующие элементы в абашевских украшениях и также синхронизировал эту небольшую группу памятников со степным полтавкинско-катакомбным миром.

Основная специфика вольского культурного типа – это керамический комплекс, имеющий устойчивые совокупности присущих только ему признаков. Вместе с тем именно керамика может указывать на возможную хронологическую неоднозначность этого культурного феномена. Неодновременными представляются коллекции Попова Блюдечка и Лбища. Вероятно, первый эпоним является наиболее ранним комплексом, хотя и он мог развиваться во времени. Керамика городища Самарской Луки¹⁴ изготовлена в несколько иных традициях, ее формы и пропорции ближе позднекатакомбным и бабинским образцам. Аналогов вольско-лбищенской посуде в погребениях степного Волго-Уралья немного, но все они позднекатакомбного и посткатакомбного времени¹⁵. Варианты погребений Алексеевского III могильника практически ничем не отличаются от криволукских или бабинских показателей по позам и ориентировкам, они также слабо обеспечены инвентарем, это исключительно редкие украшения, керамики нет.

Представляется, что памятники этого круга следует подробно систематизировать и, возможно, разделить на собственно вольские (ранние), следующие за ними лбищенские и степные (поздние), вероятно входившие в контакты с позднекатакомбными, посткатакомбными, потаповскими и покровскими племенами. В этом случае возникает возможность проследить некоторые генетические процессы, влиявшие на развитие «покровска» и

опосредованно на формирование лесостепного локального варианта раннесрубной культуры.

Памятники покровского типа – доминирующий и консолидирующий компонент, имеющий ключевое значение в решении проблем пиковой фазы культуругенеза и социогенеза на переходном этапе и в начале эпохи поздней бронзы¹⁶. Как одно из явлений блока т.н. «колесничных» культур, покровский феномен столь же неоднозначен, как Синташта, Потаповка, Новый Кумак. Не ясен генезис «покровска», хотя особенности керамического комплекса явно указывают на связи с абашевской культурой, транскультурный военизированный инвентарь свидетельствует о широких связях, мобильности и активной инкорпорированности покровцев в системы и процессы политогенеза. По сравнению с посткатакомбными культурами Нижнего Поволжья «покровск» – это еще и более высокий уровень социоструктуры.

Проблема первых контактов покровцев с автохтонным (посткатакомбным) этнокультурным фоном между Доном и Уралом весьма загадочна, и основной вопрос в том, насколько лабильны были эти взаимодействия. Воинские погребальные комплексы покровского типа не являются веским аргументом в пользу враждебного противостояния. Напротив, стратиграфия и планиграфические ситуации в курганах, но особенно в Смеловском могильнике¹⁷, нередко демонстрируют плодотворный симбиоз двух культурных групп, а часто и почтительно-подчиненное положение погребений с покровскими признаками по отношению к основным захоронениям криволукского типа.

В настоящий момент возможный вариант локальных культурно-генетических преобразований в степном Заволжье прослежен на материалах Смеловского могильника, где на основе взаимодействия позднепокровских и посткатакомбных групп, близких криволукскому и «волго-уральскому» типам, фиксируется формирование степного раннесрубного пласта памятников, вырастающих в классический вариант культурно-исторической общности.

Участие культур южно-уральского очага в нижневолжском культуругенезе было опосредованным. Отдельные признаки *синташтинских* и *раннеалакульских (петровских)* традиций в изготовлении керамики транслировались в степную среду Заволжья и далее, в Волго-Донское междуречье, именно покровцами¹⁸. Пока трудно сказать, было это изначальное движение покровской группы из Приуралья, или данная картина в целом отражает известные сложности переходного времени, в котором некоторые социальные страты, ориентированные на военную парадигму, были наиболее подвижны в пространстве, предельно лабильны в межэтнических контактах, но также резистентно уязвимы и внешне изменчивы по показателям материального комплекса. Данное обстоятельство, неизбежно связанное с разносто-

ронным взаимодействием культур «героической» эпохи с яркой многокомпонентностью, составляет известные сложности и требует учета максимально большего количества элементов материального комплекса и обрядовых признаков, занятых в процессах культуругенеза.

На раннем этапе формирования срубной культуры своеобразие, заложенные культурно-генетическими компонентами в ее локальные варианты (степной заволжский, лесостепные волго-донской и поволжский, степной приуральский), некоторое время свежи и заметны, они проявляются в некоторых чертах обряда, формах и декоре посуды, инвентаре и особенно в украшениях. Но углубляющиеся мегапроцессы интеграции постепенно нивелируют генетические шлейфы, и под контролем единой идеологической парадигмы внешние проявления срубной археологической культуры становятся в общих чертах усредненно унифицированными.

Примечания

- 1 См.: *Лопатин В.А.* Этногенезы в Нижнем Поволжье (иранский фрагмент) // *Народы Саратовского Поволжья. История и современность.* Саратов, 2005. С. 8.
- 2 См.: *Лопатин В.А.* Евразийский феномен имперского пространства (фактор ландшафта) // *Народы Саратовского Поволжья. История, этнография, современность.* Саратов, 2006. С. 5.
- 3 См.: *Литвиненко Р.А.* Южно-Уральский очаг культуругенеза и культура Бабино (КМК): проблема взаимосвязи // *Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие.* Чебоксары, 2003. С. 148.
- 4 См.: *Бочкарев В.С.* Волго-Уральский очаг культуругенеза эпохи поздней бронзы // *Социогенез и культуругенез в историческом аспекте.* СПб., 1991; *Он же.* Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культуругенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // *Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы.* СПб., 1995; *Литвиненко Р.А.* К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья // *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век).* Ч. 1. Донецк, 1996. С. 67.
- 5 См.: *Литвиненко Р.А.* Южно-Уральский очаг культуругенеза и культура Бабино... С. 148; *Мимоход Р.А.* Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // *Проблеми дослідження пам'яток археології східної України.* Луганськ, 2005. С. 70.
- 6 *Мимоход Р.А.* Указ. соч. С. 74. Рис. 1.
- 7 См.: *Литвиненко Р.А.* Восточная периферия бабинского очага культуругенеза // *Проблемы археологии Нижнего Поволжья.* Волгоград, 2004. С. 107. Рис. 1.
- 8 См.: *Мимоход Р.А.* Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // *Проблемы археологии Нижнего Поволжья.* Волгоград, 2004. С. 112.
- 9 См.: *Мимоход Р.А.* Блок посткатакомбных... С. 74. Рис. 1; *Жемков А.И., Лопатин В.А.* Курганы Малого Карамана

- (по материалам раскопок 1983 года) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5. Саратов, 2007. С. 93–118; *Они же*. Курганный могильник у с. Светлое Озеро в степном Заволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. Саратов, 2008. С. 157–193; *Лопатин В.А.* Бородаевские курганы (по раскопкам 1982 года на Малом Карамане) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 7. Саратов, 2009. С. 44–97.
- ¹⁰ См.: *Мимоход Р.А.* Погребения финала средней бронзы в Волго-Уралье и некоторые проблемы регионального культурогенеза. Рукопись статьи.
- ¹¹ См.: *Лопатин В.А.* Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.). Саратов, 2010. С. 167–168.
- ¹² См.: *Малов Н.М., Сергеева О.В., Ким М.Г.* Материалы вольского культурного типа среднего бронзового века Нижнего Поволжья с эпонимного поселения // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 7. Саратов, 2009. С. 30.
- ¹³ См.: *Васильев И.Б.* Вольск-Лбище – новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003. С. 111.
- ¹⁴ *Васильев И.Б.* Указ. соч. С. 113. Рис. 1, 11–23.
- ¹⁵ См.: *Дремов И.И.* Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Вып. 1. Саратов, 1996; *Дремов И.И., Семенова И.В.* Раскопки кургана на границе Энгельсского и Советского районов // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3. Саратов, 1999; *Баринов Д.Г.* Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Вып. 1. Саратов, 1996; *Филипченко В.В.* Погребения с керамикой вольского типа близ с. Белогорское // Всеобщая и отечественная история: актуальные проблемы. Саратов, 1993; *Жемков А.И., Лопатин В.А.* Курганы Малого Карамана...
- ¹⁶ См.: *Малов Н.М.* Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов, 2003. С. 157.
- ¹⁷ См.: *Лопатин В.А.* Смеловский могильник... С. 168.
- ¹⁸ См.: *Лопатин В.А.* Бородаевские курганы... С. 78.

УДК 902; 930.2

ДРЕВНЕЕ ГОНЧАРСТВО В СВЕТЕ ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Р.А. Сингатулин

Педагогический институт Саратовского государственного университета
E-mail: sarch@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы древнего гончарства в свете теории деятельности, связанные с процессом взаимодействия историка и исторического источника. Рассматриваются некоторые проблемы историко-культурного и информационного подходов на основании изучения гончарной деятельности, познания закономерностей формирования этой мотивации и продукта деятельности гончара.

Ключевые слова: теория деятельности, древнее гончарство, исторический источник.

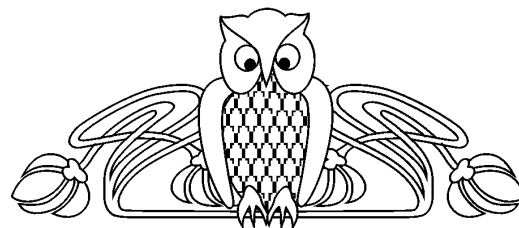
Ancient Potters in Light of the Theory of Activity

R.A. Singatulin

In clause the questions ancient potters in light of the theory of activity connected to process of interaction of the historian and a historical source are considered. Some problems of the historical-cultural and information approaches are considered on the basis of study of activity potters, knowledge of laws of formation of this motivation and product of his activity.

Key words: theory of activity, ancient potters, historical source.

Изучение древнего производства для историко-культурных реконструкций является одним из традиционных направлений в археологии. Особую актуальность имеют исследования гончарства. Сведения о традициях изготовления, распро-

странения и применения гончарной продукции, получаемые в процессе исследований массового археологического материала, на сегодняшний день являются преобладающими при историко-культурных реконструкциях отдельных групп древнего населения. Вместе с тем остаются проблемы, которые не всегда могут быть решены достаточно эффективно без учёта закономерностей формирования мотивации, связанной с ремесленной деятельностью, и продукта деятельности гончара. В качестве ключевой концепции в таких исследованиях применяют теорию деятельности.

Современная теория деятельности получила своё развитие благодаря наукам, исследующим человека, в особенности при анализе процессов, в которые включены различные общности людей, с целью определения функции органов человека¹. Понятие «деятельность» нередко употребляется относительно человека и понимается как активное взаимодействие субъекта с окружающим объективным миром. Попытка научного обоснования данной категории была предпринята Л.С. Выготским² и получила дальнейшее развитие в работах А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, А.П. Лурия, П.Я. Гальперина и других авторов. В контексте проблемы изучения древнего гончарства некото-

рые подходы научного обоснования теории деятельности отражены в работах А.А. Бобринского³, И.Г. Глушкова⁴ и других авторов.

Одним из основополагающих критериев деятельности является признание общественной ценности произведённого человеком предмета⁵. В историческом ракурсе теории деятельности объектом исследований является продукт деятельности человека, в конкретном случае – продукция древних гончарных производств. Вместе с тем в историческом исследовании «предметом изучения для историка является не вещь в её натуральной телесности и закономерностях, а историческая опосредственность деятельностью человека»⁶. Другими словами, объект активности гончара может стать предметом исторического исследования лишь в том случае, если в результате такой деятельности объект активности будет превращён в общественно значимый продукт. При этом под деятельностью гончара понимается та активность, которая будет наиболее полно отвечать не только его потребностям, но и его возможностям. Является ли данная форма активности для некой группы производителей гончарной продукции или для конкретного гончара деятельностью – при анализе исторических процессов обуславливается не по совпадению предмета и мотива, а по характеру субъект-объектных связей. За счёт реализации мотивов, подчинённости действий сознательной цели одни и те же потребности могут быть удовлетворены различными путями⁷.

Любая гончарная деятельность происходит в координатном и временном пространстве и может характеризоваться начальным, активным и другими последующими степенями развития. В случаях, когда возникает необходимость более детального анализа деятельности, особенно в хронологических рамках исторических процессов, прибегают к действиям и операциям. Мотив действия сформирован на основе субъект-объектных связей, которые включают не сам предмет деятельности, а лишь одну из составляющих его реальностей⁸. В процессе достижения определённой цели может происходить выделение промежуточных целей. В этом случае целостное действие представляется рядом отдельных последовательных действий и операций. Если действие может осуществляться разными операциями, то одними и теми же операциями могут осуществляться подчас разные действия⁹. Иными словами, всякая сознательная операция вначале формируется как действие, которое затем может приобрести форму профессионального навыка. При постановке новой задачи данное действие станет способом выполнения другого. Особенно наглядно это проявляется при совершенствовании технико-технологического мастерства начинающего гончара. Если на каком-то этапе обучения такой гончар овладевает определённым приёмом, например, точным выбором порции для прямой формовки, то постепенное осмысление выпол-

нения отдельных частей приёма (изготовление промежуточной цилиндрической формы) путем добавки дополнительных порций (каждая из которых выступает как отдельное действие) позволяет в итоге выделить конечную цель. Из нескольких связанных логикой действий формируется одно целостное действие, включающее в себя ряд промежуточных операций. В итоге вырабатывается алгоритм изготовления определённого гончарного изделия.

Гончарная деятельность, потребности, характеризующие профессиональную ориентацию гончара, можно условно разделить на две группы: в первую включить потребности личного плана, во вторую – потребности, характеризующие общественную направленность. И первая и вторая группы представлены практически во всех исторических формациях, но особенно ярко потребности выражены в период Средневековья, при возрастающем гончарном ремесленном производстве с рыночным сбытом продукции. Вместе с тем понятие «профессиональная гончарная деятельность» достаточно условно, так как существовало производство керамики и неремесленного характера. Причём в силу определённых обстоятельств (например, отсутствия гончарных глин, переселения, болезней, конфликтов, войн и т.п.) приобретённые гончарные навыки могли консервироваться на длительный период. Гончарство по необходимости, сезонное гончарство, культовое – явление повсеместное для всех древних сообществ.

При историко-культурном подходе интерпретация информации о гончарной деятельности основывается на единичных, устойчивых, специфических, смешанных и несмешанных культурных традициях¹⁰. В то же время большой объём и разнообразие продуктов гончарного производства – форм, размеров, состава, цвета, декора и других составляющих – существенно затрудняют проведение (интерпретацию) исследований древней социокультуры с помощью традиционных археологических технологий. Или можно говорить о какой-то форме регистрируемого явления или процесса, который в настоящее время в силу определённых обстоятельств, вызванных техническими или методическими причинами, невозможно интерпретировать, т. е. получить информацию в её историческом контексте.

Чем в действительности обусловлена деятельность гончара, как она отражается в произведённом продукте, к приобретению каких навыков приводит его деятельность?

С точки зрения теории деятельности качественные навыки (например, определение формовочной вязкости, навыки нанесения декора, центрирования и др.) обусловлены многолетним опытом гончара. Систематическое занятие ремесленной деятельностью приводит к адаптации человеческого организма к выполняемой физической работе. В основе такой адаптации лежат

изменения мышечных тканей (гипертрофия мышечных волокон, увеличение силы мышц, силовой выносливости и пр.) и различных органов под воздействием активной ремесленной (двигательной) деятельности¹¹. Систематическое выполнение определённого рода физических операций (например, раскрутка маховика гончарного круга с помощью ног) обработки гончарных изделий вызывает положительные функциональные эффекты:

- усиление максимальных функциональных возможностей всего организма, его ведущих систем;
- выработку высокой координации, оптимальности и экономичности движений, энергозатрат всего организма.

В основе перечисленных положительных эффектов лежат структурно-функциональные изменения ведущих органов жизнедеятельности, совершенствование центральной нервной, эндокринной, клеточной регуляции функций в процессе производственной деятельности человека.

При анализе факторов, определяющих гончарную деятельность, можно выделить следующие этапы:

- этап формирования деятельности, или этап начальной гончарной деятельности, когда происходит формирование техники обработки изделия, основных навыков при работе с материалом;
- этап реабилитационной деятельности – происходит после долгого производственного перерыва, после всевозможных перенесённых заболеваний, ранений и т. п.;
- этап мастерства – активная гончарная деятельность, связанная с высоким уровнем профессионального мастерства;
- этап завершения деятельности – гончарная деятельность, связанная с возрастными изменениями в организме.

Проанализируем факторы, определяющие гончарную деятельность с точки зрения современной физиологии. Как свидетельствует практический опыт, начинающим гончарам свойственна закреплённость при изготовлении посуды¹². Эта особенность, проявляющаяся мышечным напряжением, учащенным сердцебиением, задержкой дыхания, сильным захватом инструмента обработки (особенно на заключительных формовочных операциях, при декорировании и пр.), приводит к различным технологическим ошибкам в виде неровностей, отпечатков пальцев, разной глубины и ширины насечек, многочисленных замазок и др., которые можно часто наблюдать на поверхности как современных, так и древних гончарных изделий. В первую очередь это связано с перегрузкой зрительного анализатора начинающего гончара, который при формировании навыков особенно часто контролирует свои действия глазами. Недостаток необходимой информации создаёт ситуацию неопределённости в прогнозировании исхода предпринимаемых им действий (соответствия

технологической программе обработки изделия), отсутствия приспособительных навыков. Основная нагрузка у таких обработчиков приходится на глаза; при этом расширяется поле зрения, повышается чувствительность глаз, что в конечном итоге приводит к перегрузке зрительного анализатора, утомлению, росту числа ошибок при реализации программы обработки изделия. Сенсорное поле зрения в конкретном случае имеет особое значение для переработки общего объёма информации в ситуациях, связанных с лимитом времени при обработке вращающегося гончарного изделия¹³. Иную картину можно наблюдать у современных профессиональных гончаров¹⁴. Программа формирования и обработки гончарных изделий у них доведена до автоматизма. Контроль над технологическим процессом происходит в основном за счёт тактильных рецепторов рук, декорирование и анализ формы происходят только на этапах переходных операций. Зрительный анализатор практически не задействован, для ориентировки в пространстве при обработке форм используется периферическое зрение. При этом раздражение крайних частей периферии глаз сигнализирует о необходимости включения центрального зрения, что и достигается последующим активным переносом взгляда или поворотом головы на обрабатываемый объект. Многолетние навыки позволяют такому гончару вносить в программу обработки изделия различные изменения, прогнозировать, корректировать ошибки, находить мгновенные оптимальные решения при проведении сложных технологических действий¹⁵. При многолетней работе органы рук у профессиональных гончаров, несмотря на частые поверхностные повреждения эпидермиса кожи, приобретают особую чувствительность, связанную с постоянным контролем пространственного распределения материала изделия. Вырабатывается своего рода «видение» формовочной массы рецепторами рук, складывается своеобразный индивидуальный стиль, почерк гончара. Многочисленные сообщения о качественных работах слепых гончаров (например, круговое изготовление гончарной посуды известного в середине XX в. Александровского гончарно-керамического производства) связаны именно с развитием данной пространственной чувствительности, своеобразного аналога с боковой линией у рыб.

Вместе с тем нельзя не отметить, что у гончара-обработчика в состоянии утомления происходит нарушение координации движений, приводящее к нарушению технологической программы обработки изделия, появлению брака. При утомлении затормаживаются некоторые двигательные функции, оказывающие существенное влияние на координацию, точность мышечных движений при тонких операциях обработки изделия¹⁶. Как правило, утомление большей частью связано с нерациональной деятельностью, отсутствием достаточного опыта

или болезнью гончара-обработчика. Кроме того, к нарушению технологической программы обработки изделия может привести и постоянная (профессиональная) гончарная деятельность, при которой требуются частые повторные движения, приводящие к сдавливанию срединного нерва в области запястья (синдром запястного канала – широко распространенное заболевание современных гончаров, пианистов, упаковщиков мяса и др., тема, требующая отдельного рассмотрения). Вследствие возбуждения подкорковых нервных центров в данном случае наблюдается повышенный мышечный тонус, и независимо от желания обработчика мышцы долго остаются напряжёнными¹⁷. Перенапряжение нервной системы может быть следствием внешних раздражителей, большой физической и нервной нагрузки. Данное состояние хорошо изучено и описано в спортивной медицине¹⁸, и результаты таких исследований могут быть использованы в реконструкции деятельности древнего гончара. Навыки произвольного расслабления, сформированные за долгие годы работы, позволяют опытному гончару отвлекаться от раздражителей, расслаблять мышцы, принимать непринуждённую позу, выработать рациональные черты двигательной деятельности, то, что достигается только в течение длительной профессиональной деятельности. Очевидно, что профессиональная деятельность (и в особенности узкая специализация), как отмечалось выше, должна отражаться на функциях внутренних органов и физической конституции гончара. Это может выражаться в снижении частоты сердечных сокращений, дыхания, изменении структуры покрова кожи рук, строения кисти рук, плечевого пояса, тазовых костей и других физиологических и антропометрических показателей. Аналогичный процесс можно наблюдать у пианистов при формировании кисти «играющего» или в современных видах спорта, когда характер влияния видовой спортивной деятельности отражается на физической конституции спортсмена¹⁹.

В свою очередь, изменение биометрических показателей гончара-обработчика должно отражаться на продуктах производства (например, внешние очертания сосудов могут нести информацию о различных состояниях навыков формообразования, отображающих возрастные или иные особенности гончара). Изменяющиеся вследствие активной деятельности структурно-функциональные показатели и физиологические параметры строения гончара-обработчика связаны с закреплением определённых навыков труда, заимствований, появлением новых технологий, отражающихся на производстве гончарной продукции. Все приведённые категории деятельно-

сти: предмет деятельности, мотив, потребность, действие и операция в диалектическом развитии отражают состояние личности гончара-обработчика на качественно новом этапе развития. В свете теории деятельности гончарство есть целенаправленная, созидательная деятельность человека, ключевой задачей которого является создание в условиях развития и противоборства гончарного производства необходимого продукта определённой социально-экономической формации. Процесс исследования исторических формаций может быть продуктивно осуществлён лишь на основании изучения человека в деятельности, познании закономерностей формирования этой мотивации и продукта его деятельности.

Примечания

- 1 См.: *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ, 1972. 546 с.
- 2 См.: *Виготский Л.С.* Избранные и психологические исследования. М.: Изд-во АМН РСФСР, 1956. 519 с.
- 3 См.: Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Под ред. А.А. Бобринского. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. 233 с.
- 4 См.: *Глушков И.Г.* Керамика как исторический источник. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. 328 с.
- 5 См.: *Леонтьев А.Н.* Указ. соч.
- 6 *Кипарисов В.Ф.* Вещь – исторический источник // Известия ГАИМК. 1933. Вып. 100. С. 22.
- 7 См.: *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Наука, 1957. 328 с.
- 8 См.: *Пилюян Р.А.* Мотивация спортивной деятельности. М.: ФиС, 1984. 104 с.
- 9 См.: *Леонтьев А.Н.* Указ. соч.
- 10 См.: *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 215 с.
- 11 См.: *Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966. 349 с.
- 12 См.: *Бугамбаев М.* Гончарное ремесло. Ростов н/Д: ФЕНИКС, 2000. 320 с.
- 13 *Ананьев Б.Г.* Пространственное различие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. 188 с.
- 14 См.: *Глушков И.Г.* Указ. соч.
- 15 См.: *Бернштейн Н.А.* Указ. соч.
- 16 См.: *Ухтомский А.А.* Избранные труды. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 358 с.
- 17 См.: *Леонтьев А.Н.* Указ. соч.
- 18 См.: *Вяткин Б.А.* Диагностика и регулирование психического состояния спортсмена в соревнованиях: Учеб. пособие. Пермь: Изд-во ПГПИ, 1974. 59 с.
- 19 См.: *Reindell H. et al.* Herz, Kreislaufkrankheiten und Sport. Barth. München, 1960.

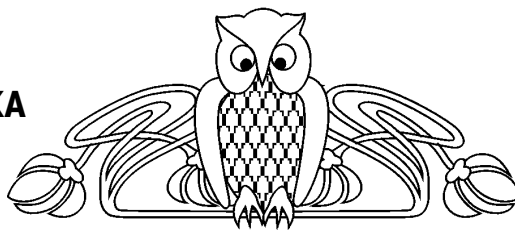

УДК 94(47). 05+929 Петр I

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ЦЕНЗУРЫ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Л.К. Старкова

Саратовский государственный университет
E-mail: ludastarkova-history@mail.ru

В статье рассматривается процесс становления цензурного контроля над печатью в условиях реформирования всех сторон жизни российского общества в первой четверти XVIII века.

Ключевые слова: цензура, печать, реформы, общество, первая четверть XVIII века.

On Establishment of the Russian Censorship in the First Quarter of 18th Century

L.K. Starkova

The article examines the process of press censorship establishment in the environment of reforms that encompassed all spheres of life of the society in the first quarter of 18th century.

Key words: censorship, press, reforms, society, the first quarter of 18th century.

С новыми идеями общественно-политической жизни российские читатели знакомились в начале XVIII в. в основном через переводные сочинения зарубежных авторов, так как иностранные периодические издания были доступны только ограниченному кругу лиц. Перечисляя многообразие сфер деятельности Петра I, М.Н. Погодин в числе наиважнейших указал на изменения, затронувшие печать, язык, типографии, академии¹. Используя возможности печати, царь стремился объяснить необходимость перемен во всех сферах государственной и общественной жизни, нейтрализовать оппозицию внутри страны и за ее пределами. Развивая печатное дело, Петр одновременно определяет правила контроля за изданием книг и периодики. Рассмотрим, какие меры предпринимались для регламентации деятельности печати, чем была вызвана такая потребность.

В России до начала XVIII в. издавались книги преимущественно религиозного характера, которые подлежали рассмотрению высшего духовенства. С 1620 г. при Печатном дворе изданные книги просматривались «правщиками», которые отбирались с особой тщательностью из людей, известных твердостью в вере, грамотных, высоко нравственных и зажиточных². Не соответствовавшие требованиям книги подлежали сожжению, так же поступали с конфискованными светскими сочинениями. Опыт организации цензурного контроля и применения санкций пригодился при организации цензуры сочинений светского характера.

В европейских странах начиная с XVII в. печать активно участвует в формировании обще-

ственного мнения и политических взглядов. Деятельность издателей и авторов подчинялась многочисленным постановлениям о печати, где подробно рассматривались и цензурные правила. Например, французское и английское правительство, предоставив издателям ряд льгот, умело использовали печать для борьбы с оппозицией и инакомыслием. Издатели, нарушившие законы о печати, подвергались действию карательной цензуры и нередко приговаривались судом к штрафам и тюремному заключению³.

Типография в Москве не подходила для печати светской и прежде всего научной литературы, поэтому Петр решил использовать голландские типографии, с деятельностью которых он ознакомился во время заграничного путешествия. В 1700 г. царский указ «позволил» голландскому купцу Я. Тессингу, «за учиненные его к великому посольству... верные службы», монопольно печатать в Голландии светские книги на русском, голландском и латинском языках в течение 15 лет и продавать их в России. В Жалованной грамоте Голландцу, Амстердамскому жителю, Ивану Тессингу среди многих условий, содержалось требование, что он должен показать «службу свою и прилежное радение», чтобы чертежи и книги напечатаны были к славе и похвале Царскому Величеству и к общей народной пользе, ... а понижения чести Царского Величества и Государства не было⁴. Выпущенные Тессингом книги должны были помечаться его клеймом и подписью. Это нетипичный вариант цензурных условий. Следует обратить внимание, что в Грамоте не упоминается о контроле выпущенных изданий и о возможных санкциях.

Начиная с 1704 г. книги печатаются и в России, в Московской типографии при Монастырском приказе, в 1711 г. начала работу типография в Санкт-Петербурге, или Печатный двор, которую Петр называл «своей» типографией. «Направо находится новая типография, которая в той стране является редкостью, между тем нельзя купить почти никакой русской книги, какова бы она ни была», – отмечал немецкий путешественник⁵. Что касается книг русских авторов, их было очень мало, преобладали переводные сочинения (учебники, научная, политическая литература). Книги в Петровскую эпоху печатались небольшим тиражом: от 100 до 1200 экземпляров. Только азбуки, духовные книги и указы выходили в значительном количестве⁶.

В первой четверти XVIII в. все книги в России печатались в государственных типографиях по указу или повелению монарха и с санкции высших духовных лиц, позже такая прерогатива принадлежала Синоду. Осуществляли цензуру изданий определенные лица. Например, в Москве вторая Гражданская⁷ типография была учреждена по именному указу Петра 30 мая 1705 г. для печати учебных книг, причем предписывалось «таковые книги, с иностранных языков переводя, за достоверным свидетельством митрополита Стефана Яворского печатать». При этом к свидетельству духовного лица обязательно требовалось подтверждение «сведущих в данной науке лиц»⁸. Через год «из военного походу» пришло распоряжение царя о причислении второй Гражданской типографии к артиллерии под «смотрением» генерала Я.В. Брюса⁹. Надзор за работой типографии предполагал и исполнение цензорских функций. Исключалась всякая возможность внесения произвольных изменений в текст. Например, 6 ноября 1706 г. Брюс в письме поручает дьяку Приказа артиллерии Н. Павлову передать мастеру В. Киприанову, чтобы печатал такие «книжки и листы, какие преже сего бывали, ... а вновь собою ничего не вымышлял, дабы ему в том слова не нажить»¹⁰. 9 ноября 1706 г. Я.В. Брюс в письме напоминает издателям, что «государя царевича Алексея Петровича не надлежит писать благородным, понеже во иных странах всякой шляхтич знатной пишется благородным, а надлежит писать – его царская высокоость»¹¹. Подобные рекомендации получал директор типографии Ф. Поликарпов от «надзирающего» за его деятельностью боярина И.А. Мусина-Пушкина, возглавлявшего Печатный и Монастырский приказ¹². «Предупреждения», по сути, являются цензорскими замечаниями. Это наиболее мягкий вариант предварительной цензуры. В указанный период духовенство по-прежнему продолжает сохранять решающее значение в организации контроля над книгоизданием. 16 февраля 1721 г. Сенат предписал «Санктпетербургской, Московской, Киевской, Черниговской и прочим Российского государства типографиям быть под ведением Святейшего правительствующего Синода, ... от которого и о печатании книг повеления требовать, а без повеления того духовного Синода никаких книг не печатать»¹³. По постановлению Синода протектором и директором над всеми типографиями был назначен советник Синода, архимандрит Гавриил Бужинский¹⁴. Фактически, это распоряжение только подтверждало уже сложившуюся практику. В тот период все светские книги издавались по царскому указу, и в этих случаях контроль духовенства носил формальный характер. При издании обязательно указывалось, где «предана книга тиснению», в какой типографии и под чьим наблюдением («надзрением»). Необходимость решения сложных внешнеполитических задач, создание новых государственных учреждений тре-

бовали воспитания новых культурных навыков. Растет интерес к литературе, количество изданий постепенно увеличивается. Особое внимание уделялось контролю переводной литературы.

Книги для перевода и печати царь отбирал сам и поручал эту работу служащим Посольского приказа, Печатного двора, приглашенным иностранцам, даже пленным шведам. Цензурные замечания чаще всего касались точности перевода. Например, в письме к переводчику И.И. Зотову в феврале 1710 г., говоря о книге Блонделя «Новая манера укрепления городов», после похвалы «зело хорошего и внятнотого перевода разговоров», Петр перечисляет замеченные ошибки и посылает для примера страницу, которую сам исправил и вклеил на место вырезанной¹⁵. При просмотре перевода книги Пуффендорфа¹⁶ царь потребовал вернуть в текст нелестное высказывание автора о русских, выпущенное переводчиком¹⁷. Цензурные замечания того периода чаще всего отражают стремление внести ясность в смысл текста книги и реже – ограничение по каким-либо, политическим или религиозным мотивам¹⁸. При рассмотрении переводных книг Синод безоговорочно следовал рекомендациям Петра. Духовная цензура не препятствовала изданию в 1717 г. в Петербурге перевода книги Гюйгенса «Книга мировоззрения» – сочинения, признающего систему Коперника. В 1724 г. царь отправил в Синод «выпращенную и сокращенную» им часть перевода сочинения Гохберга (по вопросам ведения сельского хозяйства) в качестве примера для переводчиков и цензоров¹⁹.

Особенно придирчивой цензуре подвергались издания пропагандистского характера, которые печатались огромными тиражами и часто распространялись бесплатно. «Книгу о брадобритии» напечатать в количестве 4000, для того «чтобы разослать по всем местам и стараться оную доставить до рук сумнящихся», – писал Петр 26 ноября 1714 г. И.А. Мусину-Пушкину²⁰. Информация о жизни страны и соседних государств помещалась в печать только после тщательного цензурного отбора. Инакомыслие, проявлявшееся в рукописных сочинениях, подавлялось самыми решительными мерами. Монахам в монастырях в соответствии с Регламентом разрешалось что-либо писать только в общей комнате с разрешения настоятеля, нарушителям грозили телесные наказания²¹.

Рассмотрим, как при издании первой российской газеты формируются навыки взаимоотношений государства, издателей и авторов и какое значение для общества и периодической печати имели первые цензурные установления в этой области.

Слово «газета» в основе итальянское, так называлась в Италии мелкая монета (Gazzetta), которой расплачивались венецианские купцы и банкиры за рукописные листки с новостями о деловой жизни в стране и мире²². В России первые рукописные газеты назывались «Вести», «Вестовые письма», «Листы» или «Куранты», от

французского слова *courant* – текущий. Писали «Куранты» в одном экземпляре, редко в трех – для царя и ближайшего окружения. В отличие от иностранных государств, где газеты были общедоступны, круг первых российских «читателей» газет был очень узок и ограничен тайной. Сообщения о важнейших европейских событиях переводились в Посольском приказе из голландских, немецких, шведских и польских газет. Количество выписываемых изданий насчитывало более сорока названий. После прочтения газету обязательно возвращали в Посольский приказ или приказ Тайных дел²³.

В именном указе о начале печатания «Курантов» от 16 декабря 1702 г. изложены цель издания газеты, порядок сбора информации и круг предполагаемых читателей. «Для известия о заграничных и внутренних происшествиях, о воинских и о всяких делах, для объявления Московского и окрестных государств людям, печатать куранты»²⁴. В газете печатались известия с мест, трактовались международные события, разъяснялись политические документы и распоряжения царя и правительства. Выпуски насчитывали от 100 до 2000 экземпляров, часто газеты раздавались бесплатно с пропагандистскими или иными целями. Например, в 1708 г. «Ведомости» печатались по 100, 150, 200, 400, 700 экземпляров, в 1724 г. иногда печатали только по 30 номеров. Отчет о Полтавской битве разошелся в 2500 экземпляров, а номер от 22 марта 1703 г. имел наивысший тираж – 4000²⁵. Иногда неизвестные переписывали от руки газетные сообщения, даже сочиняли «Лже-Куранты». Это беспокоило власти, и царь отдельным указом потребовал, «дабы впредь никаких вымышленных и затейных курантов не писали и не печатали, и не продавали»²⁶.

Круг читателей «Ведомостей» составляли дворяне, купцы, простые люди, поэтому процесс издания газеты контролировался только доверенными лицами монарха. Каждая типография приписывалась к одному из Приказов, позже Коллегий, и работала под «надзрением» президента Коллегии, у которого в подчинении находился директор, ответственный за выпуск книг и «Ведомостей». Именно к этим должностным лицам и переводчикам царь чаще всего адресовал свои распоряжения.

До 1711 г. «Ведомости» издавались на Московском Печатном дворе, после основания типографии в Петербурге газета печаталась в обеих столицах. По сохранившимся в архиве заметкам на номерах газет можно восстановить этапы отбора материала для печати в типографии. Внутренние сообщения для газеты не всегда предварительно просматривались в Кабинете, иногда они поступали сразу к директору – редактору. В Москве изданием газеты руководил литератор и переводчик, первый редактор, поэт Ф.П. Поликарпов-Орлов. В Петербурге изданием газеты занимался директор типографии М. Аврамов. Редактор собирал

сообщения из Приказов и Коллегий, готовил материалы для печати, корректировал, проверял переводы и на своем этапе подготовки издания определял, можно ли напечатать сообщение. Пропущенное в печать отмечалось буквой «д» (делать) или крестом. Фактически, это пример совмещения обязанностей цензора, редактора и издателя. То, чего не следовало печатать, заклеивали белой бумагой, помечали это место буквой «н», либо скобками с предупреждением: «Сей статьи меж скобок в народ не печатать». Это замечание четко определяло одну из целей цензурной правки. «Сомнительный» материал сопровождался пометкой на полях: «быть ли сему?», «спросить», «доложить о сем»²⁷. В таком случае окончательное решение о допуске к печати принимал царь или доверенное лицо монарха, кабинет-секретарь А.В. Макаров.

Постоянных сотрудников и корреспондентов в газете долгое время не было. Первый постоянный сотрудник газеты в Петербурге, переводчик Коллегии иностранных дел Б. Волков, с июля 1719 г. получал на почте иностранные газеты и должен был по царскому указу, «переводя приличное, к печати отсылать». Б. Волков скоро стал руководить изданием газеты в Петербурге (до 1727 г.) и часто сообщал типографским рабочим, что «Ведомости» государю «нравны», он сам их прочитывает и собирает погодно²⁸. Директор следил, тобы в типографии не допускали произвольного исправления и вычеркивания из утвержденного текста сообщений. За опечатки, неточности, проволочки цензора-директора ожидали «шум и осуждение» государя²⁹. Переводчик Я. Синявин, второй постоянный сотрудник газеты, должен был отбирать сообщения об интересных событиях придворной жизни и деятельности коллегий, т.е. «ведомости публичные»³⁰. Когда царь находился в столице, то он сам осуществлял подбор и корректировку материалов для печати, дополнял соответствующими документами и иногда редактировал целые номера. В печать газета отсылалась только после прочтения директором пробного оттиска, окончательное решение принадлежало царю.

Кроме цензурной правки, Петр принимал непосредственное участие в подготовке важнейших материалов «Ведомостей». Например, на следующий день после битвы при Лесной в Москву было послано написанное Петром для 12-го номера «Ведомостей» сообщение «из военного походу»³¹. 16 октября 1708 г. царь составил первую редакцию для печатного плаката-объявления об этом событии и подготовил несколько вариантов плана сражения и объяснения к нему³². В письме к царевичу Алексею Петр пояснил: «При сем послан к Вам чертеж с подписью бывшей баталии под деревнею Лесной, который отдай Пикарту³³, чтоб он таков, не мешкав, вырезал, и, напечатав также и подпись, напечатал по-русски и по-галански, прислать к нам»³⁴. Публикация таких важных сообщений находилась под особым контролем царя.

Основным источником зарубежной информации чаще всего служили немецкие газеты. Посольский приказ получал их через две недели после выхода, затем они просматривались царем или кабинет-секретарем А.В. Макаровым, без одобрения которого к императору не попадала ни одна бумага. Заграничные новости сообщали также послы России в Турции (Шафиров), Бестужев (в Пруссии), Долгорукий (в Дании)³⁵, иногда газета печатала сообщения россиян, путешествующих по Европе.

Отобранные к печати сообщения передавались переводчикам, потом, после проверки правильности перевода, заметка отсылалась в набор. Материалы для «Ведомостей» о событиях внутренней жизни доставляли многие люди из окружения царя: Б. Куракин, Г. Головин, А. Матвеев, А. Макаров, П. Толстой, П. Шафиров, Ф. Прокопович.

Директор-цензор при Петре пользовался относительной свободой при исполнении своих обязанностей. Две приписки Б. Волкова на номерах «Ведомостей» за 1726 г. показывают, как изменилось отношение к сотрудникам газеты: «важного, досадительного, сумнительного и негодного переводить я опасен и, прямо сказать, не смею. И тако извольте ждать только куриозного да знатного, не досадительного. Время бо настоящее мутно, трудно, хлопотливо и ненадежно»³⁶. Редактор заверяет начальство в своей лояльности в настоящем и будущем, чтобы самому не подпасть под санкции карательной цензуры. В записях можно заметить неуверенность и страх редактора-директора, а также отметить новые критерии отбора газетных материалов.

В итоге можно сделать следующие выводы. Петр I, всемерно содействуя развитию книгопечатания, созданию первой постоянной газеты, не допускал самостоятельности авторов, издателей и переводчиков. Их деятельность регламентировали официальные документы, часто Петр лично излагал свои распоряжения в письмах, записках, указаниях ближайшим помощникам. Постепенно у писателей, переводчиков, составителей новостных сводок, издателей формируется понимание того, что можно, а что ни в коем случае «в публику» пускать нельзя, формируются навыки самоцензуры.

В новых условиях книга несет знания, освещает политические и другие проблемы, написана более понятным языком, она востребована, и прежние меры духовной цензуры дополняются постановлениями о правилах цензуры светских книг и периодической печати. Общие положения цензурных запретов доводятся до сведения издателей и переводчиков указами или конкретными распоряжениями царя и его приближенных. Формально цензура подчинена контролю высшего духовенства (с 1722 г. – Синода), но к контролю периодических изданий духовенство не допускается. Предупредительная цензура периодических

изданий действует уже на этапе отбора информации, в книгоиздании все переводы и сочинения печатаются только по повелению царя, поэтому в этой области цензура касается внутреннего содержания избранного для печати произведения.

Постепенно, иногда откликаясь на требования времени, иногда предвосхищая события, в России начала XVIII в. постепенно складывается оригинальная система цензурного контроля, которая отвечала историческим реалиям развития российского общества. Уникальность ситуации в том, что монарх, определяя круг разрешенных и запрещенных для печати тем, возложил на себя обязанности верховного цензора и редактора не только книг, но и первой русской газеты. «Петр I, вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе, нашел тогда такие удобства, которых и сам не ожидал», – так оценила Екатерина II итоги многогранной деятельности царя-преобразователя³⁷. Оценив значение печати и пытаясь использовать накопленный в этой области европейский опыт, Петр не принял иностранных примеров в вопросах контроля над литературой и организовал цензуру в России по своим правилам.

Примечания

- 1 См.: *Погодин М.П.* Петр Великий // Историко-критические отрывки. М., 1846. Т. 1. С. 342.
- 2 См.: *Безсонов С.В.* Надзор за книгой. Опыт систематизации материалов о цензуре в допетровскую эпоху. М., 1918. С. 38.
- 3 См.: *Лабутина Т.Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005.
- 4 ПСЗ. № 1751.1 собрание. Т. IV. 1830. С. 6–8.
- 5 Цит. по: *Тонкова Р.М.* Петербургские типографии первой четверти XVIII в., включая академическую // Труды Института книги, документа, письма. Вып. V. М.; Л., 1936. С. 114.
- 6 См.: *Адарюков В.Я.* Книга гражданской печати в XVIII в. // Книга в России. Ч. I. М., 1925. С. 177.
- 7 «Гражданской» типография называлась, так как была открыта «ради тиснения и продажи разных к гражданству потребных книг и листов».
- 8 *Бородин А.В.* Московская гражданская типография и библиотекари Киприановы // Труды Института книги, документа, письма. Вып. V. С. 58–59.
- 9 Типография находилась под «надзором» Я.В. Брюса до 1723 года.
- 10 Цит. по: *Бородин А.В.* Указ. соч. С. 64 (имеется в виду, что за ошибки можно жестоко поплатиться. Это признак карательной цензуры).
- 11 Там же. С. 77.
- 12 См.: Черты из истории книжного просвещения при Петре Великом. Переписка директора Московской синодальной типографии Федора Поликарпова с графом Мусиным-Пушкиным, начальником Монастырского приказа. 1715–1717 // Русский архив. 1868. Стб. 1043.
- 13 ПСЗ. Т. IV. № 3741. С. 358.

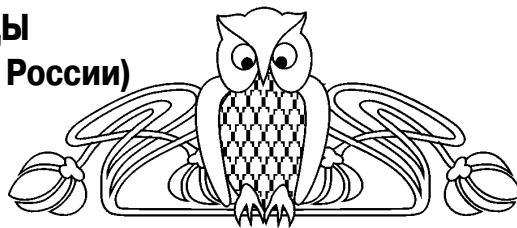
- ¹⁴ См.: Описание документов и дел архива Синода. Т. 1. СПб., 1868. Стб. 464.
- ¹⁵ См.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9, вып. 1. М.; Л., 1950. С. 106.
- ¹⁶ В царствование Анны Иоанновны все издания книги Пуффендорфа изъяли у частных лиц.
- ¹⁷ См.: *Штелин Я.Я.* Подлинные анекдоты о Петре Великом. Ч. 2. М., 1830. С. 30–31.
- ¹⁸ См.: *Пекарский П.П.* Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 282, 283.
- ¹⁹ См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1876. Т. 4. С. 207.
- ²⁰ Цит. по: *Пекарский П.П.* Указ. соч. Т. 2. С. 319.
- ²¹ См.: *Архангельский А.* Духовное образование и духовная литература в России при Петре Великом. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1883. С. 209.
- ²² См.: *Западов А.В.* Русская журналистика XVIII в. М., 1964. С. 8.
- ²³ См. подробно: *Западов А.В.* Указ. соч.; Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 2. М., 1987.
- ²⁴ ПСЗ. 1 собрание. Т. IV. 1830. С. 201. № 1921.
- ²⁵ См.: *Западов А.В.* Указ. соч. С. 15.
- ²⁶ Цит. по: *Андарюков В.Я.* Указ. соч. С. 70.
- ²⁷ См.: *Кузьмина В.Д.* Возникновение периодической печати в России и развитие русской журналистики в XVIII в. М., 1948. С. 8.
- ²⁸ Там же. С. 9.
- ²⁹ Там же. С. 10.
- ³⁰ *Мальшинский А.* Первый русский репортер // Исторический Вестник. 1886. № 5. С. 387–391.
- ³¹ Во время длительных поездок царя сопровождала походная типография. В персидском походе 1722 г. типография печатала манифесты на турецком языке.
- ³² См.: *Быкова Т.А.* Из истории русского книгопечатания начала XVIII века // Книга. Исследования и материалы. Сб. IX. М., 1964.
- ³³ Мастер-гравировщик.
- ³⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VII, вып. 1–2. М.; Л., 1948. № 2723–2726 и 2734.
- ³⁵ См.: *Западов А.В.* Указ. соч. С. 12.
- ³⁶ *Кузьмина В.Д.* Указ. соч. С. 11. Возможно, надпись сделана на номерах, которые отсылались для предварительного просмотра Макарову.
- ³⁷ Наказ Екатерины II Комиссии о сочинении проекта нового Уложения: В 144 т. // Сб. РИО: В 114 т. Т. 9. СПб., 1872. С. 146.

УДК 94(47+57).06+929 Левек

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ П.-Ш. ЛЕВЕКА (проблема «цивилизации» России)

Э.В. Ильиченко

Институт истории и международных отношений
Саратовский государственный университет
E-mail: coursisitca@rambler.ru

В статье рассмотрены общественно-политические воззрения одного из ярких представителей эпохи французского Просвещения, историка России П.-Ш. Левека. Большой интерес представляет анализ взглядов Левека на наиболее острые вопросы государственного и общественного устройства России XVIII в.: времени правления Петра I и Екатерины II. В ходе рассмотрения темы были сопоставлены суждения французского историка с идеями одного из ведущих философов эпохи Просвещения Д. Дидро.

Ключевые слова: эпоха Просвещения, цивилизация, общественно-политические взгляды, реформы, Левек, Дидро.

The Socio-Political Views of P.-Sh. Leveque (Problem of Russian «Civilization»)

E.V. Ilichenko

In the article deals with socio-political views of one of brightest representatives of the French Enlightenment era, the historian of Russia P.-Sh. Leveque. The great interest is the analysis of the views by Leveque on the most urgent problems of state and public arrangement of Russia of the XVIIIth century: the reign of Peter I and Catherine II. In considering the topic judgments of the French historian with

the ideals of the one of the leading philosophers of the Enlightenment era, D. Diderot were compared.

Key words: enlightenment era, civilization, socio-political views, reforms, Leveque, Diderot.

Тема «цивилизации» России неразрывно связывалась зарубежными авторами XVIII в. с оценкой преобразований Петра I. Размышления по поводу времени правления царя-реформатора и его преемников явились составной частью общественно-политических взглядов Пьера-Шарля Левека.

П.-Ш. Левек (1736–1812) – французский ученый эпохи Просвещения. Его многотомная «Российская история» – фундаментальный труд, ставший классическим уже при жизни автора и положивший начало научному изучению русской истории во Франции. «История» Левека пользовалась популярностью и у российских читателей.

Известно, что на рубеже 1750–60-х гг. в среде просветителей определились две полярные точки зрения в оценках преобразовательной политики Петра I – их сформулировали Вольтер и

Руссо. Рассматривая общественно-политическое развитие в XVIII в., Левек стремился избегать крайностей. Французский историк придерживался умеренных взглядов в оценке петровских реформ. Есть основания утверждать, что позиция Левека в этом вопросе переключалась со взглядами Д. Дидро.

Сравнивая основные пункты преобразовательной программы «цивилизации» России, отраженные в *росси́ке* Дидро¹, с материалами двух заключительных томов «Российской истории» Левека, посвященных XVIII в.², можно найти множество сходных суждений. Оба мыслителя были едины во мнении, что для прогрессивного развития любого общества необходимы три главные составляющие: общество свободных людей, законодательное ограничение деспотизма верховной власти и наличие третьего сословия.

Надежда на достижение этих условий связывалась Левеком с самим ходом истории. Французский историк уповал не на насильственно насаждаемые законы, не на наносное, заимствованное просвещение, а на монарха, который постепенно подведет страну к отмене деспотизма и крепостничества, изменит форму правления и создаст гражданское общество. Левек выступал за медленные преобразования в России с постепенным оформлением в ней третьего сословия. Так, он делал акцент на добрый пример государя, который сначала «дарует свободу самым богатым крепостным и образует третье сословие, затем объявит свободными всех государственных крестьян, подтолкнет тем самым господ последовать своему примеру»³.

Как известно, Дидро также не терял веры в просветительский идеал монарха – борца с варварством и невежеством, законодателя, заботящегося о благосостоянии и покое народа. По его мнению, медленное развитие общества могло быть ускорено «мудрыми законами и учреждениями» просвещенного монарха, созданием более совершенного кодекса законов. Он настаивал на необходимости постоянной законодательной комиссии при государе, что привело бы к законодательному ограничению прав верховной власти. «Когда государь уступает часть своей власти, – пояснял Дидро, – такая уступка с течением времени становится существеннейшим и важнейшим законом государства... Посягательство на эту уступку рассматривается как первый шаг к деспотизму, уничтожение же её есть последний шаг по этому пути, свидетельствующий о близкой гибели империи...»⁴. Таким образом, Дидро предлагал исключить любую возможность оформления деспотизма. Но на его взгляд петровское время к этому не располагало. Дидро также уповал на деятельность представительского органа, который в случае пресечения династии должен был передать право избрания монарха законодательной комиссии⁵. Он с грустью отмечал отсутствие в России XVIII в. политической преемственности

между монархами: каждое новое правление отрицало предыдущее⁶.

Оба философа сходились во мнении о необходимости постепенного отхода от деспотической формы правления и упразднении крепостного права – явных факторов, препятствующих осуществлению плана цивилизации России. О постепенности формирования свободного общества Левек говорил еще в своем раннем философском произведении «*Размышляющий человек*»: «... не иначе и не прежде, как по прошествии некоторого времени, народы, привыкшие к рабству, могут сделаться способными к вольности»⁷.

Находя путь европеизации универсальным для всех народов, оба мыслителя считали, что Петр I в целом своими реформами направил русских по верному пути: «Коль скоро то, что Петр I ввел в Россию, было хорошо в Европе, оно было хорошо повсюду»⁸. Но, главное, по мнению Левека, что мог сделать Петр I, это принудить помещиков к освобождению своих крестьян, оказав тем самым «большую услугу человечеству», для чего ему «были бы необходимы максимум его власти и страха, который он внушал». Вместо этого император усугубил положение – «стиснув оковы рабства введением подушной подати и рекрутскими наборами»⁹.

С середины 1760-х гг. Дидро много читал, беседовал о России. Первые оценки реформ Петра I Дидро, как выяснил Д. Годжи¹⁰, высказал в отрывке о России первого издания «*Истории обеих Индий*» Г.Т. Рейналя (1770)¹¹. Но окончательно суждения Дидро были сформулированы в основных положениях отрывка «О цивилизации России», помещенном в третьем издании «*Историй обеих Индий*». Читателям был показан длительный и сложный путь приобщения Российской империи к цивилизации, каким его видел французский философ¹².

В глазах Дидро Петр I оставался деспотом, как, впрочем, и все последующие русские монархи, включая Екатерину II¹³. «Самовластный деспотизм» Петра последовательно осуждался Дидро, который считал, что императору «... едва ли удалось издать хотя бы два или три закона, не отмеченных отпечатком жестокости, и это несмотря на славу и титул законодателя. Его не видели поднявшимся до сочетания блаженства народа своего с личным величием. После его великолепных установлений нация продолжала томиться в бедности, рабстве и угнетении»¹⁴. Эта характеристика, казалось бы, свидетельствующая о критическом, даже отрицательном отношении к «цивилизатору» России, не отражала тех смешанных чувств, которые испытывал Дидро. Главным из них было удивление «от той скорости, с которой всё было проделано, и масштаба личности» императора¹⁵. Французский философ не отказывал в уважении «законодателю России» и отдавал должное гению Петра I, неоднократно ставя его в ряд великих монархов¹⁶. Но философ не видел

в нем реформатора, принесшего пользу своему народу. Просветитель не исключал возможности возвращения страны в её дореформенное «варварское» состояние, учитывая, что русская цивилизация имела свою специфику: она строилась на зыбкой основе – воле царя-деспота. А деспот, в понимании Дидро, «управляющий по своему свободному усмотрению, будь он даже лучший из людей, совершает преступление. Он – добрый пастырь, который низводит своих подданных на положение скота, заставляя их забыть о чувстве свободы»¹⁷.

Как и Дидро, Левек отвергал вольтеровскую формулу Петра I – «творца новой нации». Автору «Российской истории» также была близка идея органического развития, но она была развита Левеком несколько иначе, чем у Дидро, скорее, как продолжение высказанной в *Энциклопедии* мысли о преемственности древней и преобразованной Петром России. Европеизация России, её путь к просвещению представлялись автору как естественное продолжение процесса, начавшегося в XVII веке.

На страницах «Российской истории» Петр I лишь изредка удостоивался эпитетов «герой», «великий человек», оставаясь для автора деспотичным правителем¹⁸. Следует оговориться, что, сравнивая тираническую и деспотическую формы правления, Левек однозначно отдавал предпочтение последней: «...деспот может быть добродетельным, – писал Левек, – он может обливать собственными слезами те оковы, в которых содержит своих подданных, связан будучи и сам ими по непреодолимой необходимости. Вы можете в нем видеть сердобольного отца, окруженного своими детьми...»¹⁹. Тирания, в качестве крайнего варианта абсолютной, бесконтрольной власти, отталкивала Левека: «Не надобно смешивать тирана с деспотом, – говорил он, – потому что первый всегда есть чудовище...»²⁰.

Левек пытался сгладить общий тон суждений Дидро о Петре I, стремясь перенести акцент на историческое предназначение царя-реформатора. Французский историк-моралист разделял безграничную веру просветителей в прогресс и мнение о том, что каждая страна идет к нему своим путем, преодолевая определенные этапы. Одним из таких этапов на пути строительства «новой России» была в глазах автора эпоха Петра I. Своего рода оправданием русского варианта деспотизма было для историка то состояние русского общества, которому была необходима сильная и властная рука, способная управлять непросвещенным народом, отягощенным многими суевериями и предрассудками.

Левек должен был констатировать ошибочность избрания пути поверхностного заимствования и подражания европейским странам, невозможность одномоментной адаптации готовых западных образцов на русской почве, считая несовершенной саму западную культуру²¹. Фран-

цузский историк воспринял мысль философа Э.-Б. Кондильяка, утверждавшего, что вместо того, чтобы заставлять русских быть похожими на соседние «развращенные и плохо управляемые нации», следовало бы сделать так, чтобы они походили только на самих себя, и «пусть они превзойдут другие народы»²². Подражание, по мнению Левека, было несовершенным уже потому, что заставить русских походить на другие нации, можно было, поставив их в подобное другим положение. Свободу, как основную составляющую Просвещения, французский историк видел в образе «света, разливающегося мало помалу по всей Европе», который «должен, наконец, изжить деспотизм в тех самых странах, где он, по-видимому, крайне глубоко укоренился; потому что просвещение есть товарищ свободы...»²³.

Левек не мог принять суждений подобных тем, что «русские были цивилизованы Петром». На это заявление французский историк мог бы дать свой ответ: Петр «скорее... показал им дорогу, по которой они пошли сами, несмотря на правление этого государя»²⁴. Данное высказывание свидетельствует о том, что Левек невысоко оценивал роль Петра I как цивилизатора России.

Дидро даже считал, что время правления Петра I было препятствием на пути подлинной цивилизации страны, рассматривая реалии российской действительности XVIII в. как последствия неудачных проб и ошибок Петра I. Скептически оценив приемы преобразований, проводимых Петром, он заявил, что царь, цивилизуя Россию, оставил её «без законов, без свобод, без населения и промышленности»²⁵.

Левек разделял суждения Дидро о сущности и методах цивилизации. Несмотря на видимый прогресс, цена, заплаченная за него русским народом, для Левека была слишком высока, так как измерялась тысячами человеческих жизней. Историком была высказана парадоксальная мысль: «возможно, если бы Петр не правил, русские были бы сегодня тем, что они есть, и, может быть, даже лучше, чем они есть, если только непредвиденные препятствия их не остановили бы»²⁶.

Сходясь с Дидро во мнении о возможности постепенной «цивилизации» России, французский историк, скорее, принимал отрицательную оценку Петра I как цивилизатора, при этом не меняя своего изначально высокого мнения, как о незаурядности дарований императора, так и о творческом потенциале русского народа. Левек считал несправедливым замечания посещающих Россию европейцев, которые порицали русский народ за то, что «он на них не похож. Родясь и старея в крепостном состоянии, русский крестьянин, как будто бы отчужденный от самого себя, кажется апатичным, но рассмотрите его повнимательнее, и вы признаете, что он и расторопен и понятлив, а эти два качества ведут ко всему»²⁷. В подтверждении своей мысли Левек приводил ряд имен высоко одаренных русских людей,

прославивших свою страну в Европе, среди них: М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, А.П. Шувалов, И.П. Кулибин и другие. Левек утверждал, что для полной реализации способностей русским не хватает лишь свободы, достижение которой тормозится царящими в Российской империи крепостным правом и деспотизмом.

Подобно Вольтеру, Монтескье и другим представителям старшего поколения французских просветителей, Дидро, а за ним и Левек отдавали предпочтение мирным реформам, проводимым по воле монарха. Прогивник революционных переворотов, Дидро одну из своих петербургских заметок специально посвятил вопросу о том, какими мерами можно предотвратить революционный взрыв²⁸. Хорошо понимая реальные причины потрясений русской истории XVIII в., французский мыслитель довольно точно представил их и движущие силы переворотов: несовершенство существующего законодательства, недовольство знати и наличие гвардейских полков в столице²⁹. Отсутствие строгого порядка наследования престола было отнесено Дидро к числу коренных недостатков русского законодательства и признано одной из главных опасностей общественного строя. Петровский закон о престолонаследии, позволявший правящему государю распоряжаться властью по своему усмотрению и передавать её тому из детей, кому он хочет, Дидро считал источником раздоров в царской семье и «сомнений для нации»³⁰. Также Дидро считал реальной угрозой для престола недовольство приближенных государя, «знатных семей». Стабильность аристократии, благосостояние дворянства было, по мнению Дидро, средством предотвратить общественные потрясения и, в частности, дворцовые перевороты³¹.

Левек тоже предупреждал об опасности социальных выступлений. Высказывания историка по этому поводу можно прочесть еще в его философском труде «Человек нравственный» (1775 г.)³². Они перешли без изменения в четвертое издание этого произведения 1784 г., что свидетельствует о неизменности позиции автора по данному вопросу: «Пусть к несчастьям приготовятся народы, которые поднимаются против власти, которая над ними господствует!.. Несравнимо больше крови было пролито от мятежей народов, чем от тирании правителей»³³.

Эти размышления были подкреплены пережитым страхом развернувшихся во Франции революционных событий. Еще французский исследователь хорошо помнил уроки русской истории: страницы прошлого «вольнлюбивого» Новгорода Великого послужили ему в этом примером³⁴. Левек вынужден был признать, что «республиканские устремления» порой ведут к опасному безначалию. Как наставлял историк, «какой бы ни была власть, которая руководит народами,... пусть они покорятся той форме правления, которая существует. Если последняя справедлива,... общество счастливо»³⁵.

Дидро высказывался о необходимости построения идеальной государственной системы, основанной на законодательстве, ограничивающем деспотизм верховной власти, исключающим возможность злоупотребления монархом властными полномочиями. «Законы, вверенные одному человеку и подверженные влиянию всех его страстей и капризов, превращаются в ничто, и последствия этого губительны»³⁶, – писал он. Левек, со своей стороны, видел в законодательстве один из возможных рычагов цивилизации, считая его основным инструментом в руках просвещенного монарха.

Левек настойчиво опровергал созданную Вольтером славу Петра как создателя свода законов, «которого никогда не существовало». Не случайно в среде близких к Дидро авторов возник спор о существовании «кодекса» Петра³⁷. Французский историк смог проследить формирование русской законодательной системы от самых ранних «законов Русских X века» вплоть до собрания специальной (Уложенной. – Э.И.) комиссии Екатерины II для оформления «нового кодекса законов».

П.-Ш. Левек с большим вдохновением воспринял пропагандируемую Екатериной II преобразовательную политику. Первые издания его «Истории» (1782, 1783) переполнены надеждами на то, что Россия, наконец, заполучила просвещенного монарха. Изначальные представления историка о появлении новых учреждений формировались согласно тексту составленного императрицей «Наказа». Ознакомясь с его первоначальным вариантом, начертанным рукой самой императрицы, Левек высказал комплиментарное мнение в отношении Екатерины, которая стремится «к достижению наиболее высокой степени возможного счастья»³⁸ для народа.

В окончательной оценке Левеком царствования императрицы события пропускались через призму моральных принципов человека эпохи Просвещения, обозначались основные болевые точки недавних преобразований императрицы. Французским автором были выявлены несоответствия между просветительскими замыслами императрицы и реальными результатами её реформаторской деятельности, а также отмечены неутешительные итоги последнего периода её царствования³⁹.

Показав положительно начатую преобразовательную политику императрицы, «которая... отказывается от деспотизма и вручает избранныкам нации наиболее важные сферы управления»⁴⁰, Левек верил в дальнейшее постепенное утверждение в России конституционных органов. Большие надежды историк связывал с деятельностью «Уложенной комиссии» и понятно, какое разочарование он испытал, когда в 1768 г. под предлогом войны с Османской империей комиссия была распущена. Быстрое фактическое пресечение деятельности этого прогрессивного института,

так и не выполнившего своей формальной задачи, оказалось для историка своеобразным рубиконом. Левек вынужден констатировать, что созданные в реальности прогрессивные учреждения, так эффектно представленные в «Наказе» и «столь красивые в умозрительном построении», сделали впоследствии «много зла на практике»⁴¹. Увеличение административно-бюрократического аппарата, не исполнявшего в должной мере возложенных на него функций, привело в результате к огромным злоупотреблениям со стороны принявших «безграничную власть». Левек отмечал резкое возвышение дворян по сравнению с другими условиями, расширение их полномочий в местных и центральных органах власти, дарование им особых привилегий. В конечном итоге на примере преобразований Екатерины II Левек должен был констатировать неготовность российской нации к введению передовых институтов западного общества⁴².

Дидро верил в добрые намерения Екатерины II, но представлял, насколько трудна их реализация в существующих условиях. Распространенное у советских историков мнение, что Дидро имел иллюзорное представление о ситуации в России и уверовал в «просвещенный абсолютизм» Екатерины, не выдерживает критики. Видя причину в изначальном неверном подходе Петра I к организации просвещения в России, Дидро обращал внимание Екатерины II: «Прежде чем стремиться выстроить здание, надо заложить основы». Россия, по мнению Дидро, до сих пор, следовала обратному. «У нее уже давно есть Академия и различного рода Школы... Но для какой реальной пользы они были в России? Никакой... несмотря на лучшие намерения и многочисленные расходы, Россия, до сего дня, еще не образовала тот класс людей, который называем третьим сословием...»⁴³. Левек, со своей стороны, верил в его существование в России, констатируя: «Я повсеместно вижу, что наибольшее количество ученых и литераторов вышло из третьего сословия, часто из бедности...»⁴⁴. При всем этом Левек вынужден был признать, что «третье сословие незначительно в России», но возлагал надежды на его расширение, связывая с ним будущее страны.

Дидро признавал существование в России «класса свободных людей», но, даже используя русский термин – «однодворцы», что, возможно, было результатом его бесед с императрицей, он, тем не менее, отказывался признать существование в России настоящего третьего сословия, как хотела представить это Екатерина II, называя среди классов русского общества «жителей городов, единственно имеющих право торговать». Философ настоятельно советовал Екатерине II способствовать созданию третьего сословия⁴⁵. Осознавая то, что большая часть русского населения костенеет в невежестве и предрассудках, он настоятельно пропагандировал открытие новых школ, воспитание молодежи в духе свободы и

просвещения. Размышления Дидро о способах улучшения образования в России были частью концепции цивилизации России⁴⁶, вследствие этого предлагалось упрощенное объяснение уже намеченному плану «цивилизации»: «Все блага и все беды общества происходят от хорошего или от плохого воспитания»⁴⁷.

Можно ли говорить о влиянии идей Дидро на восприятие исторического опыта «цивилизации» России его современниками? Концепция Дидро разрабатывалась в обстановке постоянного обмена идеями в кругу друзей и единомышленников. Став историком России, Левек испытал определенное влияние взглядов Дидро, чему способствовал не только высокий авторитет философа в научном и литературном мире, но и усилившиеся в конце XVIII в. поиски новых способов осмысления истории и национальной идентичности. Французский историк во многом разделял выдвинутую Дидро стройную концепцию цивилизации России, предусматривающую реформирование её институтов и общественного устройства. Но, кажется, В.А. Сомов преувеличивал, указав на «Историю» Левека как на пример «конкретного воплощения планов Дидро по цивилизации России»⁴⁸. Концепция Дидро была не просто воспринята Левеком, но уточнена и развита в его «Российской истории».

Взгляд Левека на перспективы цивилизации России был более оптимистичным, чем у Дидро, который выстроил свою концепцию по контрасту с реальным историческим опытом России XVIII в., сожалея о недостаточном знании реалий и специфики русской жизни. Более глубокие и конкретные знания истории России и её современности, полученные Левеком, а также симпатия к русским людям обосновывали искреннее желание историка видеть эту страну в будущем процветающей, цивилизованной во главе с просвещенным монархом. Несмотря на близость суждений мыслителей по вопросам «цивилизации» России, Левек представлял собственную картину исторической действительности, а главное, своё видение будущего России.

Примечания

- 1 См.: Дидро Д. Собрание сочинений. Т. X: Rossica. Произведения, относящиеся к России. М., 1947; Diderot. Oeuvres. T. 3. Politique / Éd. Laurent Versini. Paris: Robert Laffont, 1995. Dulac G. Diderot et la «civilisation» de la Russie // Colloque international Diderot (1713–1784). Actes réunis et préparés par Anne-Marie Chouillot. Paris, 1985. P. 161–171; Idem. Diderot et le «mirage russe»: quelques préliminaires à l'étude de son travail politique de Pétersbourg // Le Mirage russe au XVIII siècle / Éd. S. Karp et L. Wolff. Ferney-Voltaire, 2001. P. 149–192; Idem. Quelques exemples de transferts européens du concept de «civilisation» (1765–1780) // Les equivoques de la civilisation. Montpellier, 2005. P. 106–135; Мезин С.А. П.-Ш. Левек, Н.Г. Леклерк, Д. Дидро и «цивилизация» России // Первый кадетский корпус во дворце Мен-

- шикова; К 275-летию со дня основания: Материалы науч. конф. Тр. гос. Эрмитажа. Т. XXXVII. СПб., 2007. С. 106–113; *Он же*. Русские контакты Д. Дидро: эволюция исследования проблемы // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 36–49.
- ² *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. Nouvelle edition. Hambourg et Brunswick, 1800. Т. 5, 6.
- ³ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. Hambourg et Brunswick, 1800. Т. 4. P. 155.
- ⁴ *Дидро Д.* Собрание сочинений. Т. X. С. 59–60.
- ⁵ См.: *Diderot.* Oeuvres. Т. III. P. 236.
- ⁶ *Ibid.* P. 248.
- ⁷ *Levesque P.-Ch.* L'Homme pensant, ou essai sur l'histoire de l'esprit humaine. Amsterdam, 1779. P. 137.
- ⁸ *Diderot.* Oeuvres. Т. III. P. 511; *Дидро Д.* Собрание сочинений. Т. X. С. 423.
- ⁹ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. Т. 5. P. 155.
- ¹⁰ См.: *Goggi G.* Diderot et la Russie : quelques remarques sur une page de la première édition de l'«Histoire des deux Indes» // L'Encyclopédie, Diderot, l'esthétique. Mélanges en hommage à Jacques Chouillet (1915–1990). Paris, 1991. P. 99–112.
- ¹¹ См.: (*Reynal G.-T.*) Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes. Amsterdam, 1770. Т. 2. P. 204–205.
- ¹² См.: *Годжи Д.* Колонизация и цивилизация: русская модель глазами Дидро // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 226.
- ¹³ См.: *Diderot.* Oeuvres. Т. III. P. 508–511.
- ¹⁴ (*Reynal G.-T.*) Histoire philisophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes. Paris, 1794. Т. 3. P. 159–160.
- ¹⁵ *Diderot D.* Correspondance. Paris, 1966. Т. III. P. 161.
- ¹⁶ См.: *Diderot.* Oeuvres. Т. III. P. 248, 279.
- ¹⁷ *Дидро Д.* Собрание сочинений. Т. X. С. 145.
- ¹⁸ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. Т. 5. P. 137.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 138.
- ²⁰ *Ibid.*
- ²¹ *Ibid.* P. 137.
- ²² *Ibid.* P. 141–142.
- ²³ *Levesque P.-Ch.* L'Homme pensant. P. 133.
- ²⁴ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. 1800. Т. 5. P. 137.
- ²⁵ (*Reynal G.-T.*) Histoire philisophique. 1770. Т. 2. P. 204–205.
- ²⁶ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. Т. 5. P. 138.
- ²⁷ *Ibid.* P. 146.
- ²⁸ См.: *Дидро Д.* Собрание сочинений. Т. X. С. 143–144.
- ²⁹ См.: *Diderot.* Oeuvres. Т. III. P. 317.
- ³⁰ *Ibid.* P. 236–237.
- ³¹ *Ibid.* P. 273–274.
- ³² См.: *Levesque P.-Ch.* L'homme moral ou l'homme considéré tant dans l'état de pure nature que dans la société. Amsterdam, 1775. P. 53–55.
- ³³ *Levesque P.-Ch.* L'homme moral, ou les Principes des Devoirs suivis d'un Aperçu de la Civilisation, chez de Bure – l'aîné. Paris, 1784. P. 53–54.
- ³⁴ См.: *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. 1800. Т. 2. P. 123–127, 324–328.
- ³⁵ *Levesque P.-Ch.* L'homme moral. 1784. P. 55.
- ³⁶ *Дидро Д.* Собрание сочинений. Т. X. С. 150.
- ³⁷ См.: *Levesque P.-Ch.* Lettre sur la Russie, adressée à M. Rousseau // J. encyclopédique. 1784. Т. 3. P. 500–504.
- ³⁸ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. 1800. Т. 5. P. 390; *Idem.* Histoire de Russie. 1812. Т. 6. P. 47.
- ³⁹ См.: *Ильиченко Э.В.* Французский историк П.-Ш. Левек о Екатерине II // Новый век: история глазами молодых. Саратов, 2008. С. 111–119.
- ⁴⁰ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. 1800. Т. 5. P. 394; *Idem.* Histoire de Russie. 1812. Т. 6. P. 51.
- ⁴¹ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. 1800. Т. 5. P. 395; *Idem.* Histoire de Russie. 1812. Т. 6. P. 52.
- ⁴² *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. 1800. Т. 5. P. 395; *Idem.* Histoire de Russie. 1812. Т. 6. P. 52.
- ⁴³ *Diderot D.* Mélanges et morceaux divers. P. 352–353.
- ⁴⁴ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. 1800. Т. 5. P. 147.
- ⁴⁵ См.: *Дидро Д.* Собрание сочинений. Т. X. С. 239–240.
- ⁴⁶ См.: *Мезин С.А.* П.-Ш. Левек, Н.Г. Леклерк, Д. Дидро и «цивилизация» России... С. 109.
- ⁴⁷ *Diderot D.* Mélanges et morceaux divers. P. 354; *Dulac G.* Diderot, éditeur des Plans et statuts des établissements de Catherine II // Dix-huitième siècle. 1984. № 16. P. 333.
- ⁴⁸ *Сомов В.А.* П.-Ш. Левек – протеже Дидро и историк России // Отношения между Россией и Францией (в XVIII–XX вв.): История науки и международные связи. М., 2002. С. 80.

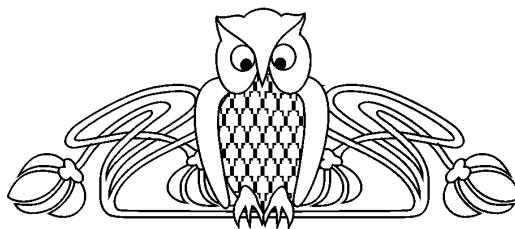

УДК 325.3(410+44)|18|+94(54).031+929Вальбезен

ФРАНЦУЗСКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК Э. ВАЛЬБЕЗЕН ОБ АНГЛИЧАНАХ В ИНДИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Г.Ю. Оверина

Саратовский государственный университет
E-mail: galina.overina@gmail.com

В данной статье показан образ Индии в восприятии французского путешественника, а также оценка им колониальной политики соперников-англичан в середине XIX в.: критика их повседневной жизни, управления и влияния «нововведений» на судьбы туземцев. Во французском обществе были распространены представления о том, что Индия подвергалась самой ожесточенной эксплуатации со стороны англичан. Эти представления рождались в обществе в результате давнего колониального противостояния между англичанами и французами в Юго-Восточном регионе и подкреплялись множеством публикаций, среди которых – произведение француза, рассматриваемое автором статьи.

Ключевые слова: Британская империя, колониальное соперничество Англии и Франции, образ «чужого», английская Ост-Индская компания, Французская Индия, путешествия в Индию.

French Traveler E. Valbezen about Englishmen in India in the Middle of the 19th Century

G.Yu. Overina

This article examines the image of India, as it was seen by the French traveler. The author primarily focused at his perception of British colonial policy and its negative consequences for India. The rivalry between France and Britain resulted, among other things, in the critical approach toward the British style of governance in Indian colonies, which was perceived as outrageous and hard for the natives. Such image of Britain rest on the strong ground of competition between France and Britain in South-East Asia was pretty widespread in French society because of a number of critical publications in journals and newspapers. One of these publications is the subject of the author's research represented in the article.

Key words: British Empire, colonial rivalry of England and France, Image of «another», East India Company, French India, travels to India.

Вопрос об отношении французского путешественника к англичанам рассматривается в рамках более широкой проблемы – соперничества французов и англичан в Ост-Индии в Новое время. В данной статье и ставится задача проследить, как французы, в частности Э. Вальбезен, оценивали колонизаторскую политику соперников-англичан в Ост-Индии. Источником для изучения указанного вопроса послужило произведение Э. Вальбезена «Англичане и Индия»¹.

Э. Вальбезен провел в Индии длительное время и был очевидцем и участником многих событий. При создании своего произведения кроме личных наблюдений он ссылался на воспомина-

ния полковника У. Слимена, книги Дж. Кея и А. Кэмпбелла, а также на английские периодические издания в Индии, особенно журнал Калькутты, почти неизвестный в Европе.

В рассматриваемое время Англия была главным конкурентом Франции в колониальных предприятиях. Во Франции уже к середине XIX в. сложился устойчивый миф о том, что англичане – жестокие и алчные колонизаторы, эксплуатировавшие свои колонии, а французы самые гуманные, проявляющие бесконечную заботу о своих территориях опекуны. Французская политика противопоставлялась английской системе управления, связанной с безмерной эксплуатацией англичанами колонизируемых народов. Особенно жесточайшей эксплуатации подвергалась Индия, которой со второй половины XVIII в. лишилась Франция².

Э. Вальбезен характеризовал правление англичан в Индии с того момента, как они установили свою власть. В его описании британцы представлены деспотами, как и их предшественники-моголы. На это сравнение следует обратить внимание. Француз характеризовал империю моголов как деспотическую. Он замечал, что власть Великого Могола была связана с грабительской политикой, коррупцией, борьбой династий, гражданскими войнами. Э. Вальбезен пишет, что империя была разделена на провинции, в которых правили вице-короли, имевшие почти неограниченную власть. Налоги собирал назначаемый «императором» *диван*. Он собирал больше денег, чем должен был правителю, и подкупал подарками молчание вице-королей. Кроме того, местные «принцы» сохранили права суверенитета на значительных территориях, но с условием собирать больше налогов, чем моголы, то есть грабительская политика была характерна и для мусульман, и для независимых индийских правителей³.

Французский автор отмечал: «С первых дней английское завоевание не предоставило справедливую и светлую власть для туземцев, а лишь только продолжало традиции грубого деспотизма, от которого они страдали несколько веков; но недостатки этой системы, которая не давала ни порядка стране, ни определенной прибыли компании, были слишком очевидными, чтобы длительное время ускользать от совета директоров⁴, и скоро они стали поручать исключительно

европейским служащим руководство захваченными индийскими землями»⁵.

Э. Вальбезен отмечал, что сами английские агенты препятствовали процветанию Ост-Индской компании. Они не платили таможенные пошлины, были вовлечены в огромные спекуляции⁶. Но финансовые махинации агентов были не единственным злоупотреблением. Индийские правители подкупали европейских служащих для поддержки в спорных вопросах. Э. Вальбезен приводит конкретные примеры подобных злоупотреблений. В одном случае речь шла о мирном договоре между индийскими правителями. Переговорами руководил герцог Веллингтон, который поддержал одного из индусов в обмен на 100000 ф. ст. Э. Вальбезен отмечал, что «мало было порядочных англичан, и коррупция служащих создавала угрозу разорения для появившегося имущества Англии в Индии»⁷.

Ярким примером грабительской политики англичан в Индии в работе Э. Вальбезена является сбор налогов, который осуществлялся с многочисленными злоупотреблениями. В частности, это касалось сбора налога на соль, который составлял значительную часть дохода с Индии. Француз, правда, отметил, что подобные нарушения просуществовали недолго, так как «в 1780 У. Гастингс остановил разорение государственной казны, были определены условия сбора налога на соль, которые существуют до сих пор»⁸. Тем не менее в Англии против генерал-губернатора У. Гастингса было возбуждено судебное дело, которое тянулось несколько лет. Именно это расследование показало многочисленные злоупотребления в сфере налогообложения, что привело к международному скандалу⁹.

Путешественник хорошо знал структуру органов английской власти в Индии. Он считал, что английское управление было неприспособленным к индийскому обществу.

По его мнению, проблемы были связаны с тем, что английские чиновники одновременно рассматривали вопросы о создании телеграфа, строительстве железной дороги и формулировали законы «для диких традиционных обществ»¹⁰. К тому же, он критиковал англичан за то, что они чаще назначали на службу мусульман, в то время, как среди индусов также встречалось много способных людей¹¹.

Э. Вальбезен критиковал англичан не только за экономическую политику, но и за их административные промахи. Так, они не провели необходимые для индийцев реформы, а именно, не ввели всеобщее избирательное право, допуск граждан ко всем рабочим местам¹². Э. Вальбезен видел отличие Английской Индии от Европы в отсутствии гражданских прав, охраны прав частной собственности, законов, одинаковых для всех слоев общества, и считал, что эти законы были необходимы Индии. Подразумевалось, что французы могли бы лучше с этим справиться.

Э. Вальбезен, рассматривая судебную систему в Английской Индии, считал, что ее сложность и громоздкость объяснялась смешанным законодательством. Европейский судья с либеральными идеями должен был применять для индусов их законы, основанные на религии. Для мусульман применялись законы шариата. Но непонятно было, какие законы применять для армян, евреев, парсов. То есть, он приходит к выводу, что судья должен знать законы различных религиозных общин и без переводчиков понимать дебаты в суде. Но чаще, как он пишет, судьи – это невежественные и коррумпированные должностные лица¹³. В качестве примера Э. Вальбезен приводит описание одного из судебных разбирательств. Один из богатых арендаторов был обвинен в том, что в ссоре убил индийца. Двадцать пять свидетелей утверждали в суде, что видели, как обвиняемый нанес смертельный удар; тридцать других поклялись, что видели его в другой деревне, в двадцати пяти милях от места преступления. Позже выяснилось, что арендатор не совершал убийства, но он и не был в другой деревне. Э. Вальбезен подчеркивал, что, как и в этом случае, клятвы свидетелей были единственным доказательством в судах Индии, проходивших ежедневно. Но важнее, по словам француза, было то, что в суде существовали клятвопреступления и ложь. Англичане в этих случаях были совершенно беспомощны. Э. Вальбезен писал: «к несчастью, мораль европейцев в Индии не противодействует подобным злоупотреблениям»¹⁴.

Английская юстиция в Индии, по словам француза, бессильна, совершает много ошибок. Он привел данные статистики: в Бенгалии, в среднем, ежегодно совершается шестьдесят тысяч покушений на людей и их собственность. Но самым страшным, как он пишет, было то, что большинство преступлений оставались неизвестными власти¹⁵.

Виноваты были англичане, по мнению Э. Вальбезена, и в высоком уровне преступности в обществе.

Путешественник обвинял англичан в том, что те не могли защитить местных жителей от нападения воров и разбойников. Более того, он считал, что Ост-Индская компания не сделала ничего даже для своей собственной безопасности. Компания не заботилась о путях сообщения, местные воры и тоги¹⁶ грабили даже европейцев. По словам французского путешественника Э. Варрена, «воры встречаются на пути, грабят одиноких путников и сипаев, идущих домой в отпуск»¹⁷. За многочисленные беспорядки на дорогах Э. Вальбезен винил английскую власть, доказывая ее беспомощность, неумение навести порядок и защитить население от нападения грабителей. Он приводит данные статистики, показывающие, что англичане не боролись с преступлениями: так, в 1830 г. произошло 243 убийства¹⁸.

Э. Вальбезен замечает, что к середине XIX в. английская компания имела административные

права уже более пятидесяти лет¹⁹. Но подобные злодеяния ее заинтересовали всего один раз и только потому, что исчезло несколько солдат, отправившихся в свою деревню с некоторыми сбережениями. В процессе расследования были пойманы тоги, которые выкупили свою жизнь у судей, разоблачив свои преступления и нескольких своих компаньонов²⁰. Подобным примером француз показывал беззащитность людей в Индии и недостатки английской судебной системы.

По-другому оценивали успехи англичан в уничтожении тогизма английские авторы. К примеру, Дж. Кей посвятил этому вопросу целую главу своего труда. Он отмечал, что с приходом к власти англичан тогов стало меньше: «тоги разбойничали столетиями, а разбиты за несколько лет. Я не говорю, что тогов в настоящее время нет. Вероятно, путешественник всё ещё может быть ограблен на дороге. Но таких случаев – немного и они незначительны»²¹. По мнению Дж. Кея, вклад англичан в уничтожении тогов был неограничен: «Система разрушена... Умения и тайны тогов больше не будут переходить от отца к сыну. Несколько английских чиновников, действующих по поручению высших административных властей, освободили Индию от тогизма. Если мы не сделали ничего иного для страны, зато совершили это хорошее дело. Это было большое достижение – большая победа»²².

Француз обращал внимание и на англо-индийскую армию. Французы первыми в свое время организовали обучение индийских войск – сипаев – во главе с французскими офицерами. Э. Вальбезен отмечал, что при англичанах занятия для солдат было мало и проходили они в атмосфере лени и праздности²³. Важный недостаток, по его мнению, был связан с распространением в армии большого количества слуг, которые следовали за английскими офицерами. «Каждое блюдо готовили разные повара, имелись также разносчики воды, прачки и т.д. За любым английским офицером следовало в среднем десять слуг, у тех, кто был выше по званию, было около двадцати слуг»²⁴. Даже во время военных походов офицеры не могли обойтись без туземных помощников²⁵.

Подобные примеры в произведении француз показывают негативные стороны «чужого» правления, таким образом, принижая его значение по сравнению со «своим».

Э. Вальбезен ставит вопрос о вкладе англичан в развитие образования в Индии. Он признавал, что проблема обучения индийцев оставалась одной из наиболее важных и трудных, которую английское правительство должно было решить. По его мнению, приобщению туземцев к европейской цивилизации мешали их кастовая система и религия²⁶. Француз пишет, что в 1816 г. в Калькутте европейцы и некоторые «просвещенные» индусы собрали шестьдесят тысяч рупий для учреждения первого индийского колледжа, в котором должны были обучать туземцев английскому языку и современным наукам. В течение первых шести лет

существования колледжа в нем насчитывалось не более шестидесяти учеников²⁷. По мнению француз, туземцам не нужна была современная наука, так как «они были фанатично преданы своим идолам»²⁸.

Тем не менее были индусы, которых англичанам удавалось приобщить к новой европейской науке. Но, по мнению Э. Вальбезена, от этого туземцам не было пользы. Образование было дорогим и поэтому не всем доступно, кроме того, полученные знания негде было применять²⁹. Француз отмечал: «Какое влияние может оказать изучение самых запутанных задач политической экономии на юношу, едва прикрытого лоскутом ткани и изучающего эти задачи в сарае из бамбука, служащем для него домом?»³⁰ Приезжающие из Европы студенты не могли реализовывать свои знания на родине, где их соотечественники поклоняются идолам. Э. Вальбезен пишет, что «выпускники индийских колледжей, молодые эрудиты, которые бы могли с честью занять места в университетах Европы, выходя из колледжа, попадают в унижительную практику религий»³¹. Француз не видит смысла и пользы во внедрении «европейского» образования. Он писал, что «за тридцать лет правление компании сделало много для развития женского обучения, но ничего не изменилось»³². Э. Вальбезен считает, что англичанам нужно заботиться о местных начальных школах, которым вообще не уделялось внимания.

Такие школы, в лучшем случае, представляли собой грязные сараи с соломенными крышами, но чаще вообще не имели здания. Занятия проходили в храме, возле магазина, под деревом, просто на открытом месте. Учителями были простые и невежественные люди, которые даже не стремились дать элементарного образования, и которые не понимали значимости своей миссии³³. Они писали на листе бананового дерева при помощи угля, который легко стирался, а ученики чертили алфавит на земле маленькой палочкой³⁴. В таких школах существовали самые строгие наказания. Э. Вальбезен пишет: «чтобы получить прощение учителя-тирана, бедные дети, подчиненные ему во всех капризах, не сомневаясь в правильности своих поступков, воровали из дома рис, табак, деньги, которые предлагали в качестве подарка своему ужасному учителю»³⁵. Такая система, как отмечал Э. Вальбезен, «парализовала обучение учеников, и больше оказывала опасного влияния на их мораль»³⁶. Француз винил в этом англичан, которые не содействовали развитию местного образования.

Путешественник подчеркивал скупость англичан в деле развития образования в Индии. Он приводит пример основания в 1800 г. колледжа в Калькутте для обучения гражданской службе, когда английская компания сэкономила значительную сумму на его открытии³⁷. В целом будущее цивилизации в Индии он связывал «не с европейским образованием, а с национальными начальными

школами, в которых может подкрепиться система воспитания, способная возродить страну»³⁸.

Э. Вальбезен критиковал англичан за то, что они не сделали ничего для религиозного просвещения индусов. По его мнению, туземцев нужно было приобщать к цивилизации именно через христианство. Он акцентировал внимание на жестокости и тирании, которые были распространены в некоторых религиозных общинах Индии: «Человеческие жертвы считались наиболее значимым приношением согласно индусской догме, которые человек мог бы предложить Божеству, и которые ему давали права особой благосклонности. Они были распространены в Индии до мусульманского завоевания, и названия Урдвар и храма Джагернаух останутся навсегда кровавыми пятнами в истории человеческого фанатизма»³⁹. Он признавал, что английская администрация боролась с практикой жертвоприношений, но не могла ее искоренить. Э. Вальбезен пишет, что в Центральной Индии у различных местных религиозных общин существовал обычай убивать некоторых новорожденных (например, увечных младенцев): «детей топили в яме, заполненной молоком, оставляли на пустыре на съедение тиграм и шакалам»⁴⁰. Француз полагал, что это должно закончиться, когда «свет христианства повисит благосостояние и мораль индусов до уровня благосостояния и морали европейского человека»⁴¹. Восприятие местных традиций сводилось к обобщенным суждениям, за которыми следовало их сопоставление со своими идеалами, поскольку Запад в представлении француза воплощал высший уровень достижений человеческой культуры, оцениваемый по критериям нравственной свободы⁴².

Э. Вальбезен осуждал и образ жизни англичан в Индии. Он писал: «необходимо посетить английскую Индию, чтобы увидеть количество слуг, которые есть даже у небогатых англичан. Слуги набирались из туземцев, их обязанности были строго распределены. Мучительная жара расслабляющим образом действовала на европейцев. Слуги выполняли за них даже ту работу, которую в Англии они бы делали сами – передвигали стул или поднимали с пола упавшую ложку»⁴³. У. Бентинк, губернатор Мадраса, в начале XIX в. писал: «Мы не можем наблюдать туземцев в их домах и в семье, ибо жара заставляет нас сидеть дома, а всё, что нам надо... другие делают за нас»⁴⁴.

По словам Э. Вальбезена, эта «неразумная расточительность человеческих сил встречается везде в Индии, в домашней жизни, в сельском хозяйстве или в промышленности»⁴⁵. Продолжая свои рассуждения о жизни англичан и туземцев, француз отмечал, что индийские служащие получали меньше европейских⁴⁶. Француз привел статистические данные, показывающие разницу заработной платы англичан и индусов. Так, например, столяр или плотник в Калькутте, если он

индус, получал 6 ф. ст. в год, а европеец – 100 ф. Хотя возмущения у француза это не вызывало, более того, он оправдывал разницу в заработной плате тем, что англичане работали в условиях жаркого климата⁴⁷.

Э. Вальбезен отмечал, что любой европеец рассматриваемого времени представлял себе Индию как мир чудес и неисчерпаемых богатств, с чудесной природой и широкой торговлей⁴⁸. В то же время он пишет, что «Ост-Индская компания более чем за шестьдесят лет управления не построила ни одной дороги... Сегодня нет главной магистрали, весь товарооборот в Бенгалии проходит по тропинкам, или на опасных, судоходных реках только в некоторые сезоны года»⁴⁹. Хотя Э. Вальбезен сам себе противоречит. При всех недостатках, которые путешественник приписывал английскому правлению, он смог увидеть и положительные моменты. Француз пишет, что в 1836 г. англичане начали строительство магистрали, которая должна объединить Калькутту, Дели и другие крупные города, и что «на сегодняшний день было построено 950 миль, а планируется 1450»⁵⁰. Также у француза встречаются упоминания о начале строительства железной дороги⁵¹. Он пишет и об орошении земель у подножия Гималаев. Так, в 1815 г. компания начала приводить в порядок трубопровод⁵². В 1848 г. вложила 1 млн. ф. ст. на нужды канала, отводящего воду от Ганга. Э. Вальбезен отмечал, что «этот великопленный труд, почти законченный сегодня, является одной из наиболее значимых оросительных работ мира»⁵³.

Интересно замечание Э. Вальбезена о перспективах английского владычества в Индии. Он писал, что «если бы какое-нибудь непредвиденное и ужасное событие прекратило английское господство в Индии, то осталось бы мало следов от деятельности британцев. В будущем путешественник, встретивший на своем пути развалины, которые будут еще долго свидетельствовать о могуществе Могольских императоров, едва нашел бы воспоминания о европейцах»⁵⁴. Он даже полагал, что напрасно английская власть «вытянула Индию из пропасти гражданских войн и революций», что все нововведения британцев: свобода личности, безопасность собственности, начало общественных работ, «не внушили индийцам ни привязанности, ни признания... Англичанин был, есть и будет всегда хозяином, или врагом!»⁵⁵

В то же время Э. Вальбезен остается европейцем, которому англичане ближе, чем «варвары-индусы». Он пишет, что «если бы сегодня угрожала опасность английскому господству в Индии, наши симпатии были бы на стороне англичан, на стороне цивилизации, а не варварства, на стороне белой кожи, а не черной»⁵⁶.

Интересно, что при всех критических замечаниях Э. Вальбезен не сомневался в несокрушимости английского владычества. Он называл британцев «мудрыми, потому что за пятьдесят лет их господства в Индии не было мятежа»⁵⁷,

(книга вышла в 1857 г. накануне сипайского восстания). Э. Вальбезен отмечает, что в первые годы правления «политика англичан была разумной и предусмотрительной, так как с начала завоевания они проявляли религиозную терпимость, не намеревались заменить местную религию на свою»⁵⁸. То есть француз оправдывал политику веротерпимости в начале английского правления. В дни религиозных торжеств солдаты сопровождали процессии с идолами. Клятвы в судах были на Коране или идолах. В правительстве терпели эти ребяческие, по его словам, поклонения во время профессиональных праздников - праздника бумаги, праздника краски и чернилницы, перьев и табурета⁵⁹.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что для произведения Э. Вальбезена в целом характерна антианглийская направленность. Наблюдения француз о политическом правлении англичан в Индии были продиктованы не простым любопытством. Уверенность француз в том, что политика собственной страны является более совершенной, во многом была установкой, которая побуждала его видеть определенным образом «чужую» действительность, замечать в первую очередь те или иные отрицательные черты английской политики.

По оценкам Э. Вальбезена, английская власть была «несправедливой». В возникновении этого негативного стереотипа решающую роль сыграли отношения в целом между англичанами и французами.

Э. Вальбезен приравнивал английское управление к деспотичной империи Моголов. В его произведении встречаются многочисленные примеры коррупции служащих, отсутствия гарантий свободы, защиты частной собственности. На фоне всех недостатков, которые он показал в Английской Индии, можно было с большей уверенностью утвердить положительный образ своей страны, заявить о своем превосходстве. Французский обыватель, никогда не видевший Индию собственными глазами, прочитав книгу Э. Вальбезена, легко мог составить о колониальной Индии представление, аналогичное представлению автора, для которого Индия была страной, страдавшей под тяжестью английского колониального гнёта.

Э. Вальбезен часто обвинял англичан за бездействие, нежелание и неумение навести порядок в своих владениях, доказывал их беспомощность. Подразумевалось, что французские власти лучше умели справляться с проблемами в Индии. К тому же, в возникновении негативного стереотипа решающую роль играло иррациональное начало, которое особенно ярко проявлялось в тех случаях, когда «чужого» осуждали уже за то, что он – чужой, что позволяло приписывать ему многочисленные «дурные» качества, на фоне которых можно с большей уверенностью утвердить свой собственный положительный образ.

Бесспорно, произведение Э. Вальбезена больше говорит о самом авторе, чем о наблюдаемом

мире⁶⁰, то есть француз видел не столько то, что там было, сколько то, что хотел увидеть. Конечно, не стоит забывать об отваге, смелости и обычной любознательности, которыми должен был обладать человек, на долю которого выпала важная задача, выражаясь словами Гуссерля, «проверить на “доступность” эту “чуждую” для него среду, а заодно и “подтвердить” свою “исключительность”»⁶¹.

Так или иначе, французский путешественник, как гражданин своей страны и защитник интересов своего государства, был не готов переступить через свои симпатии и убеждения.

Примечания

- 1 См.: *Valbezen E. de. Les Anglais et l'Inde. Avec notes, pieces, justificatives et tableaux statistiques. P., 1857.*
- 2 См.: *Marshall P. J. Britain and the world in the eighteenth century: I, reshaping the empire// Transaction of the Royal Historical society: 6th ser. Cambridge, etc, 1998. 8. P. 9.*
- 3 См.: *Valbezen E. de. Op. cit. P. 30.*
- 4 Имеется в виду правление Ост-Индской компании.
- 5 *Valbezen E. de. Op. cit. P. 53.*
- 6 *Ibid. P. 18.*
- 7 *Ibid. P. 19–20.*
- 8 *Ibid. P. 291.*
- 9 См.: *Антонова К. А. Английское завоевание Индии в XVIII веке. М., 1958. С. 134.*
- 10 *Valbezen E. de. Op. cit. P. 13.*
- 11 *Ibid. P. 59.*
- 12 *Ibid. P. 278.*
- 13 *Ibid. P. 38.*
- 14 *Ibid. P. 39.*
- 15 *Ibid. P. 62.*
- 16 Тоги – индийская секта душителей, возникшая ещё во времена владычества первых магомтанских династий Индии. Тоги нападали на одиноких, беззащитных путников, без различия пола, возраста и звания, и душили их, набрасывая на них петлю из засады или заведя обманом в укромное место. Убийство, по представлениям тогов, являлось богоугодной жертвой их главному богу Бхавани, культ которого представлялся родственным культу страшной богини Кали и других форм Парвати или Дурги, супруги бога Шивы, также требовавших человеческих жертв.
- 17 *Warren Ed. de. L'Inde Anglaise en 1843. Bruxelles, 1844. Т. II. P. 134–135.*
- 18 *Valbezen E. de. Op. cit. P. 193.*
- 19 См.: *Фурсов К. А. Трансформация английской Ост-Индской компании: от купца к державе-купцу// Восток. 2007. № 1. С. 68.*
- 20 *Valbezen E. de. Op. cit. P. 192.*
- 21 *Kaye J. W. The administration of the East India Company; a history of indian progress. L., 1853. P. 376.*
- 22 *Ibid.*
- 23 *Valbezen E. de. Op. cit. P. 79, 170.*
- 24 *Ibid. P. 85, 122.*

- ²⁵ См.: *Ненуп Ч.* Армия в Индии, на походе // Военный журнал. СПб., 1850. Кн. III. Отд. 2. С. 113.
- ²⁶ *Valbezen E. de.* Op. cit. P. 126, 130.
- ²⁷ Ibid. P. 137.
- ²⁸ Ibid. P. 138.
- ²⁹ Ibid. P. 56.
- ³⁰ Ibid. P. 168.
- ³¹ Ibid. P. 169.
- ³² Ibid. 149–150.
- ³³ Ibid. P. 140–141.
- ³⁴ Ibid. P. 142.
- ³⁵ Ibid. P. 145.
- ³⁶ Ibid. P. 145.
- ³⁷ Ibid. P. 22.
- ³⁸ Ibid. P. 169.
- ³⁹ Ibid. P. 171.
- ⁴⁰ Ibid. P. 180.
- ⁴¹ Ibid. P. 222.
- ⁴² *Steadman J. M.* The Myth of Asia. N. Y., 1969. P. 26.
- ⁴³ *Edwards M.* Bound to Exile. The Victorians in India. L., 1969. P.40–41.
- ⁴⁴ *Beauchamp H. K.* Introduction // Dubois J. A. Hindu, Manners, Customs and Ceremonies. L., 1906, P. XV.
- ⁴⁵ *Valbezen E. de.* Op. cit. P. 225.
- ⁴⁶ Ibid. P. 55.
- ⁴⁷ Ibid. P. 226.
- ⁴⁸ Ibid. P. 227.
- ⁴⁹ Ibid. P. 231, 311.
- ⁵⁰ Ibid. P. 305.
- ⁵¹ Ibid. P. 309.
- ⁵² Ibid. P. 303.
- ⁵³ Ibid. P. 304.
- ⁵⁴ Ibid. P. 301.
- ⁵⁵ Ibid. P. 73.
- ⁵⁶ Ibid. P. 298.
- ⁵⁷ Ibid. P. 50.
- ⁵⁸ Ibid. P. 133.
- ⁵⁹ Ibid. P. 316.
- ⁶⁰ См.: *Лучицкая С. И.* Образ другого: проблематика исследования // Восток-Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур: Сб. науч. тр. Саратов, 2001. С. 195.
- ⁶¹ Цит. по: *Вальденфельс Б.* Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «чужом» // Логос. 1994. № 6. С. 77–94.

УДК [94+28](470.62/67)18]

ИСЛАМ В ГОСУДАРСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Ф.М. Кулиев

Северо-Кавказская академия государственной службы (филиал),
Пятигорск
E-mail: kyliev_Farman@mail.ru

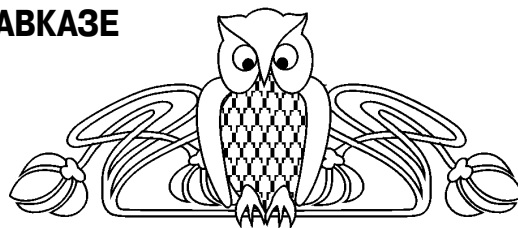
В статье исследуются проблемы выработки эффективной политики государством в отношении различных религиозных конфессий. Во многом от решения вопроса взаимоотношения между государством и различными конфессиями зависела судьба наиболее многоконфессиональной страны того времени – Российской империи. При этом государственная власть должна была учитывать сложившуюся специфику межконфессиональной ситуации в таком регионе, как Северный Кавказ.

Ключевые слова: православие, миссионеры, исламизация, цивилизация, религиозный фактор, язычники, наместник, духовенство, веротерпимость, Кавказская война.

Islam in the State Religions Policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the First Half of the Nineteenth Century

F.M. Kuliev

The author of the article analyses the problems of the effective state policy regarding the different religions confessions. The fortunes of the Russian Empire depended on the solution of the problem of interrelations between the state and the different confessions

because Russia was the most multi – confessional country of that period (time).

The state authority had to take into account the specific character of the situation formed in such region as the North Caucasus.

Key words: orthodoxy, missionary-missionaries, islamization, civilization, a religious factor, heathen-heathens (pagan-pagans), governon-general, clergy priesthood, toleration, Caucasian war.

В настоящее время не может не привлекать внимания роль исламского фактора в социально-политической жизни российского общества. Наряду с православием ислам является традиционной для России религией, а мусульманское сообщество представлено коренными народами с многовековой историей. Ко времени их вхождения в состав Руси восходит начало формирования Российского государства в качестве полиэтнического и поликонфессионального образования.

В России более 35 этносов исповедуют ислам, основные очаги его многовекового компактного проживания приходятся на Северный Кавказ и Волжско-Приуральский регион.

У современной России есть все основания не предавать забвению многовековой опыт совместного проживания народов, различавшихся по характеру общественного устройства, по историческому наследию, включая его вероисповедные истоки.

В первой половине XIX в. Российская империя на Северном Кавказе столкнулась со сложной задачей адаптации и включения новых территорий и населения в имперское пространство. Одной из сложнейших проблем, которые пришлось решать, была проблема примирения религий народов Северного Кавказа с российской православной государственностью.

Первым шагом по пути официального признания ислама в качестве «терпимой» религии явился указ Синода о терпимости всех вероисповеданий (1773 г.), согласно которому запрещалось «Архиереям вступать в разные дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светскому начальству». Тем самым государство напрямую брало на себя обязательство регулирования отношений с неправославным, в том числе мусульманским населением.

Ислам среди горцев активно насаждался с XVI в. Его проповедовали крымские и турецкие эмиссары, имевшие целью утвердить через религию свое политическое влияние на Кавказе и вытеснить христианство.

Невозможно назвать точно столетие, когда Северный Кавказ стал по преимуществу мусульманским, поскольку процесс был асинхронным¹.

В Дагестане ислам окончательно утвердился в конце XVI в., что было связано с переходом в него большинства местных феодалов. В Кабарде ислам стал доминирующей конфессией на рубеже XV–XVI вв., хотя к началу XVII в. «основная масса адыгов продолжала придерживаться полужыческих, полухристианских верований»². В Чечне и Ингушетии ислам утвердился к началу XIX в.³ Все это объясняется тем, что в горах было влияние христианской Грузии. Только с падением грузинского царства горские общества стали понемногу привыкать к обрядам исламизма.

В начале XIX в. исламизация на Северном Кавказе коснулась в первую очередь норм права, быта, частной и общественной жизни горцев северо-западного Дагестана, Чечни и Ингушетии, сохранивших немало противоречащих шариату обычаев и норм обычного права (адат), унаследованных ими от своих частью языческих, частью христианских предков. Ислам распространялся здесь очень медленно. Мусульманство на Кавказе имело соперника в лице язычества. Исламизация народов Северного Кавказа – процесс, медленно совершавшийся на протяжении нескольких столетий, так как у ряда народов Северо-Восточного Кавказа вплоть до начала XIX в. сохранились языческие верования.

Турецкое и иранское проникновение на Кавказ и значительное расширение влияния

некоторых собственно кавказских феодальных государств (как Дагестан или Кабарда) привели к ускорению процесса исламизации. Язычество удержалось теперь только в глубинах гор, уступив на плоскости и в части горных областей место исламу. За этот промежуток времени можно констатировать наличие как суннитских (арабы, турки), так и шиитских (иранцы) влияний на Кавказе. Если же при этом учесть длительное сохранение первоначальных языческих верований, которые у ряда народов Северо-Восточного Кавказа не были изжиты еще в начале XIX в., то станет понятна крайняя религиозная пестрота, наблюдаемая в горах в момент прихода сюда царизма.

Исламизация, по крайней мере внешне, шла более успешно, чем христианизация. Американский биограф Шамиля Дж.М. Макки видел причину в том, что горцы всегда были predisposed к идее предопределения, одной из главных в Коране. Но подлинными мусульманами они так и не стали. Ислам, в его наружной, обрядовой форме, приняли верхние слои общества (там, где они были). В верховья гор он почти не проник. Равнина по своей доступности и социальной почве оказалась более восприимчивой, хотя и здесь основная масса населения относилась к исламу довольно равнодушно, как к чему-то официальному и чужеродному⁴. Адааты и язычество сохраняли свою власть над умами и душами. Впрочем, даже те, кто считались мусульманами, мало чем отличались от своих языческих соплеменников.

Как считает А.В. Малашенко, «христианизация на Северном Кавказе так и не превратилась в один из главных инструментов российской политики. Напротив, российская экспансия стимулировала исламизацию на Северном Кавказе, в известном смысле способствовала консолидации внутри различных этносов, а также между ними»⁵.

В годы правления Александра I, после русско-иранской войны, с новой силой возрос интерес России к Кавказу с появлением на Кавказе генерала А.П. Ермолова. До этого времени Кавказ рассматривался лишь как арена обостряющейся время от времени борьбы трех соперничающих держав – России, Турции и Персии. Ермолов был убежден, что эта богатая экзотическая земля должна принадлежать его сюзерену – российскому императору, и именно этой цели он посвятил всю свою блестящую карьеру на Кавказе.

Генерал Ермолов считал, что усмирение Северного Кавказа – благо не только для России, но и для самих горцев. С его точки зрения, Россия, решая в этом регионе стратегические и политические задачи огромной важности, несла «свет цивилизации» в среду непросвещенных племен и народностей. Облегчало христианскую душу полководца и то обстоятельство, что речь шла о применении оружия против инородческого населения, погрязшего в языческом или басурманском «бескультурье». Говоря о деятельности Ермолова можно констатировать явные признаки

проникновения цивилизации из Европы в Закавказье. По поводу цивилизаторской роли России на Северном Кавказе имеются некоторые интересные данные в западных трудах. Однозначную позицию в оценке итогов присутствия России на Северном Кавказе занимал видный британский публицист и общественно-политический деятель Ричард Кобден. Он признавал, что цивилизация проникала туда медленно и трудно, ибо не просто было отучить людей от веками укоренявшейся привычки к насилию и беспорядку. Тем не менее с утверждением России на Кавказе началось решительное обуздание «хищнических обычаев» местных племен. И не только с помощью силы: возникали города; торговля и сельское хозяйство стали постепенно вытеснять занятия, связанные с войной и грабежом⁶.

Активизация России на Северном Кавказе в годы наместничества А.П. Ермолова отчасти просто совпала с начавшейся там своеобразной религиозно-духовной реформацией, отчасти ускорила ее. Наделенные незаурядными дарованиями местные исламисты задумали грандиозную программу преобразования горских общин на основе их объединения, искореняя языческих пороков и усобиц, жесткой регламентации общественной и личной жизни. По сути, это была попытка осуществления цивилизационной революции в «восточно-деспотическом» направлении. Как водится, концепция всенародного нравственного усовершенствования быстро приобрела воинственно-политические черты и воплотилась в организованное сопротивление внешним врагам-иноверцам и организованное насилие против внутренних врагов-диссидентов.

Со своей стороны и Россия вынашивала не менее масштабные «модернизаторские» планы, но в них преобладал, условно говоря, западный вектор: имперско-государственная власть, внедрение единообразных законов, развитие хозяйства и социальной сферы, культурная «вестернизация», включая миссионерство и т.д. Конечно же, эти преобразования также предполагали вторжение в привычный уклад горской жизни, что не всегда нравилось дагестанским и чеченским общинникам и всегда не нравилось проповедникам суфизма-мюридизма. Далеко не все представители местных социальных элит (там, где они успели сложиться) отвергали Россию. Напротив, многие связывали с ней перспективы кооптации в имперский правящий класс со всеми вытекающими отсюда привилегиями и возможностями.

Можно отметить, что лишь одно обстоятельство объединяло реформаторские планы сторонников продвижения ислама и русских властей на Кавказе. И те, и другие олицетворяли собой внешнее, привходящее и искусственное воздействие на архаическую и вполне устойчивую социальную структуру. Будь она в состоянии сохранять абсолютную герметичность перед лицом этого воз-

действия, не было бы никакой проблемы. Однако в том то и дело, что с виду неподвижная жизнь не могла бесконечно пребывать в таком стабильном равновесии. В ней всегда находилось место для людей с повышенной восприимчивостью и к исламским, и к российским «модернизационным» проектам. И в каком-то смысле горские общества превращались в поле конкуренции идей, представляемых сторонниками ислама, с одной стороны, и российской имперской цивилизацией, с другой.

В конечном итоге именно столкновение двух противоположных реформационных «проектов», отягощенное субъективными и объективными моментами, вылилось в XIX в. в продолжительную Кавказскую войну. Затянувшаяся на несколько десятилетий, она была глубоко феноменальным явлением, которое не исчерпывалось кровопролитными сражениями, а представляло собой сложнейшую по содержанию и эволюции картину. В ней находилось место для ненависти и приязни, жестокости и милосердия, непримиримости и компромиссов, вероломства и святого долга чести. Чем дольше длилась смертельная схватка, тем больше враждующие стороны проникались взаимным уважением и, как это ни покажется странным, – взаимопониманием. Горцы воевали не только против русских, но и между собой, сводя старые счеты и тем самым создавая поводы для новых междоусобиц с очень туманной перспективой когда-либо их разрешить.

Среди предпринимаемых в этом направлении шагов не последнюю роль играл религиозный фактор. С помощью веры российское правительство пыталось воздействовать на нравы воинственных горцев и приобщить их к мирной жизни. Однако подход российских властей к различным конфессиям был дифференцированным. Характер воздействия на ту или иную группу зависел от лояльности российским властям и потенциала. Язычество, например, официально не преследовалось, но в действительности усилила власти были направлены на крещение языческого населения. Еще в 1814 г. по указанию Александра I в Тифлисе была учреждена Духовная Осетинская Комиссия. От нее ждали активной миссионерской деятельности среди горских народов, и наряду с проповедью христианских идей она должна была прививать им мысли о необходимости подчиняться законам Российской империи и выполнять требования кавказской администрации. Но, по словам архиепископа Евгения, «рассматривая действия означенной комиссии, нельзя не заметить чрезвычайно важной ошибки, сделанной проповедниками при самом начале действий ее. Народу полудикому, в коем рассудок не есть путеводитель страстей, от природы жадному к прибыли и по скудности природных средств живущему в крайней нищете, для успеха действий своих она проповедовала свободу и неповиновение властям, законами утвержденными, а также и уничтожение платежа податей в пользу правительства, для тех,

кои примут христианство»⁷. Такой примитивный подкуп не мог дать надежных результатов, а поэтому успехи Осетинской комиссии были более чем скромные. Чтобы хоть как-то оправдаться перед властями за потраченные на содержание Комиссии немалые средства, ее руководство шло на откровенные фальсификации, указывая завышенные цифры числа новообращенных. Как писал в своем рапорте от 5 июня 1828 г. министру внутренних дел генерал Паскевич, «она (т.е. Комиссия) по видимости показывает обращенных в христианскую веру до 62 249 душ, между тем как самое народонаселение в Осетии простирается не далее 15 000». По словам исследователя данного вопроса И. Беляева, грузинские проповедники добивались перехода в христианство за счет «раздачи денег и подарков»⁸. Наряду с данным фактом были и другие примеры насильственной христианизации горцев: «Не желавших казаки связывали, и после сильных побоев поп обливал их водой, а иногда и мазал им губы свиным салом; писарь записывал их имена и прозвания в книгу – как принявших по убеждению святое крещение – и после требовал от таких мучеников строгого исполнения христианских обрядов, коих не только они, но и крестивший их поп не знал и не понимал. За непослушание же подвергали горцев телесным наказаниям, арестам и денежным штрафам»⁹.

Главным политическим требованием Российской империи ко всем ее подданным, в том числе и мусульманам, являлось соблюдение абсолютной лояльности и преданности существующему государственному строю. Важное значение придавалось обряду присяги на верность служению монархии Романовых: присягающий мусульманин должен был, держа руку на Коране, повторять слова присяги, читаемой мусульманским духовным лицом, при этом обязательно трижды поклясться именем Аллаха, по окончании поцеловать слова Корана. Все мусульмане Кавказа обязаны были регулярно возносить молитву «за Русского Царя», текст которой в 1820 г. лично составил генерал А.П. Ермолов¹⁰. Российская империя стремилась внедрить в сознание северокавказских народов новую веру, более подходящую для решения общих задач русского самодержавия на Кавказе.

В проводимой политике на Северном Кавказе руководство Российской империи стремилось к поддержанию «престижа русской власти у иностранцев» не только при помощи твердого правления, но и показывая своими действиями, что «отечество о них заботится и они в нем не чужие». Необходимо подчеркнуть, что хотя царское правительство и способствовало мессианской деятельности Русской православной церкви, но вместе с тем не стремилось к притеснению мусульман, проживавших в империи, терпимо относилось к их религиозным убеждениям. В целом политика правительства в отношении мусульман отличалась осмотрительностью и терпением. Более того, цен-

тральная власть демонстрировала свою заботу о поддержании «магометанской веры».

Военная обстановка постоянно стимулировала готовность царских генералов действовать в решении «мусульманского дела» достаточно крутыми способами. Так, наиболее ранний и известный нам проект организации управления духовной жизнью «покорных» монархии Романовых мусульман-горцев Кавказа относится к 30-м гг. XIX в. Его автором был генерал А.А. Вельяминов, который в 1831–1837 гг. являлся командующим войсками на Кавказской линии и начальником Кавказской области. Он предложил ввести жесткую, «трехуровневую», назначаемую и подчиненную «сверху вниз» иерархию мусульманских духовных лиц (муфтий – старший мулла (эфенди) – мулла). Муфтий и чины его аппарата должны были получать казенное жалование, низшие духовные лица – состоять на содержании местного населения. По плану Вельяминова, все российские служители «магометанского закона» на Северном Кавказе обязаны были помнить, что в случае их возможных «преступлений» против власти они могут тут же быть переданы «суду военному на основании общих постановлений государства»¹¹. Однако данный проект не был реализован, а содержание его достаточно ярко отражает всю остроту «мусульманского вопроса» для Российской империи на Северном Кавказе в первой половине XIX века.

Конфессиональная политика царизма на Северном Кавказе, местные формы государственного регулирования ислама вырабатывались на протяжении достаточно долгого времени и в сложных условиях затяжным конфликтом (Кавказская война).

Еще в 1833 г. император Николай I издал специальное постановление, в котором говорилось: «По указу его императорского величества, самодержца всероссийского, все мусульмане России должны выполнять ее догматы. Вероотступников наказывать следующими тремя способами: первый раз – розгами, второй раз – палками и третий раз – нагайками»¹².

В распоряжении военного министра от 1837 г. командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории Вельяминову поручалось сообщить народам, подведомственным Сунженской, Кабардинской и Кубанской линиям, «О сохранении прав их на земли, веру и обычаи предков. Государь Император изволил поручать отвечать, что никто не думает их лишать сего...»¹³.

Немалые надежды имперские власти возлагали на Духовную академию в Казани (1842 г.), Духовную консисторию (1843 г.), а также на созданные в обоих городах семинарии, где преподавались местные языки. Ставропольские семинаристы, например, изучали осетинский, татарский, кумыцкий языки. Заботой об эффективности миссионерства диктовались такие акции, как расширение состава учащихся, преподавателей семинарий, кадров священников и миссионеров

в целом за счет выходцев из «инородческого» населения; перевод молитв, а затем и всего богослужения на местные языки; публикация миссионерской литературы, апологетической в отношении православия и конфронтационной в отношении ислама.

Побывавшие на Кавказе американские миссионеры Э. Смит и Х. Дуайт признавали, что при всем своем деспотизме Россия в плане веротерпимости (в частности, на Кавказе) может «служить примером иным правительствам, которые кичатся своим либерализмом»¹⁴. В России назначение на высокие гражданские и военные должности нисколько не зависело от вероисповедания кандидата. Однако сохранение Петербургом полновластия ряда местных владетелей на Кавказе, смягчая одни проблемы, обостряло другие. Отсутствие административно-правового единообразия, фактическое изъятие довольно обширных территорий Кавказа из сферы прямого контроля России препятствовало формированию эффективной модели управления краем, решению насущных социально-экономических и политических задач. Некоторые ханы, прикрываясь именем и благорасположением могущественного русского царя, усиливали произвол по отношению к своим подданным, ответный гнев которых теперь можно было отвести от себя и обратиться против русских. Кроме того, лояльность этих ханов к России вызвала большие сомнения. Они поддерживали тайные связи с Ираном и при удобном случае готовы были перейти на его сторону.

Ослаблению напряжения в русско-кавказских отношениях благоприятствовало то, что русская армия помимо ведения военных действия выступала и в качестве созидательной силы. В мирное время она превращалась в большой отряд строителей, занятых на общественных работах. Данное обстоятельство уменьшало социальную напряженность в горской среде.

Что касается методов насаждения исламской и российской моделей реформ, то в принципе они были похожими, сочетая пропаганду, увещевания, подкуп, интриги и насилие.

Во время войны, а особенно после ее завершения, царское правительство заигрывало с мусульманским духовенством, чтобы привлечь его на свою сторону. В этих целях военным властям на Кавказе, в частности вменялось: «Начальник не должен вести себя открыто против духовенства: он должен избегать беседы с ним о религии... но если обстоятельства поставят его в необходимость говорить с эфендиями и муллами о религии, то следует для успокоения их согласиться с ними во многом даже против собственного убеждения»¹⁵.

Кавказская война сопровождалась сменой кодов цивилизационного развития, связанной с распространением ислама и вытеснением адатов, ставка была сделана на поддержку складывавшихся веками местных этнокультурных ценностей и той части населения края, которая вела борьбу с

Шамилем за их сохранение. Действовал принцип «адаг против шариата».

Кавказская война – это еще и условное название целой эпохи соприкосновения двух миров – русского и северокавказского. Территориальная граница между ними была далеко не всегда истинником и символом вражды. Зачастую становясь границей добрососедства и мирного общения, она играла цивилизующую роль, способствовала сближению и взаимопроникновению разных культур.

Проповедью христианства российская администрация не ограничивалась. Для борьбы с учением мюридов она прибегала к их же методам, стремясь с помощью Корана привлечь на свою сторону горское население. Подобная практика применялась в свое время Ермоловым, который составил молитву для мусульман Кавказа. В ней верующие должны были просить у Бога милости для российского самодержца¹⁶.

В 1836 г. контрпропаганду пытались вести против Шамиля. Кавказское командование готовит ряд мер, которые позволили бы подчинить влиянию царизма дагестанское духовенство. Религиозной пропаганде мюридизма самодержавие хочет противопоставить свою религиозную магометанскую пропаганду. Для достижения этой-то цели выплывает широкий проект подчинения всего горского суннитского духовенства специальному духовному лицу. С этой целью на Кавказ был приглашен казанский эфенди Таж-ад-Дин Мустафин. Он должен был призывать горцев подчиниться российской власти и выдать Шамиля, а также «возносить молитвы великому императору, служа ему от всего сердца, чтобы получить за малую работу большее вознаграждение, каждодневно возносить молитвы ему по утрам и по вечерам с целью пробудить в его душе милосердие к подданным..., а его душа освободилась от горестей...»¹⁷. Но данная акция успеха не имела. Проповедь могла вестись только под непосредственной охраной или царских войск, или преданных царизму ханов. В горы проповедник не рискнул показываться, так как дагестанцы заявили, что они в его проповеди не нуждаются.

В 1841 г. главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом генерал Е.А. Головин писал военному министру князю А.И. Чернышеву: «Можно сказать утвердительно, что мы еще не имели на Кавказе врага лютейшего и опаснейшего, как Шамиль. Стечением обстоятельств власть его получила характер духовно-военной...»¹⁸. Усилие Шамиля было связано не столько с его военными успехами и военными неудачами Отдельного корпуса, сколько с социальными процессами, которые происходили в горах. Иначе говоря, имам Шамиль оказался в удивительно выгодной идеологической позиции, которой не обладал ни один из его предшественников. Пожалуй, лучше всего о том сказал генерал Р.А. Фадеев в своем аналитическом труде «Шестьдесят лет Кавказской войны»:

«...Главная опасность для русского владычества на Кавказском перешейке состояла не столько в неодолимости гор, как в настроении племен, окружающих горы... Все вокруг мюридов не только сочувствовало им, но даже было направлено почти официально к тому, чтобы при первой возможности протянуть им руку... Мюридизм напрягал все силы, чтобы истребить местных правителей и высшие сословия, искоренить стародавние народные обычаи, разделявшие и отличавшие племена, заменяя их повсеместным владычеством шариата и духовенства. Кавказское начальство делало то же самое в покорных обществах, по вполне понятной причине: ему легче было основать народное управление на шариате, писанном законе, чем на неизвестных племенных обычаях, которое надо было еще привести в ясность и узаконить в такое время, когда на Кавказе не существовало даже правильно организованных местных властей...»¹⁹.

Идя трудными путями, процесс взаимопознания способствовал взаимоотерпимости и взаимному осознанию одной «элементарной» истины: фактор соседства – коль скоро нельзя избавиться – можно и нужно использовать с выгодой – хозяйственной, культурной, политической.

Зачастую русско-казачьи станицы и горские аулы без всяких посредников договаривались между собой о мире и добрососедстве невзирая на то, что вокруг шли сражения и лилась кровь. Поссорить не могли ни Шамиль, ни царь, ни вера, ни «народность».

Обращение к многовековой истории России позволяет уяснить, что из арсенала предшествующего строительства не прошло проверки временем, что явно устарело, и что не соответствует современным задачам Российской Федерации. Главное же – освоение логики преемственности прошлого с настоящим дает возможность конструктивно учесть уроки истории, освободившись от разного рода мифологизации и политизированных стереотипов.

УДК 9(470) «18» Достоевский

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГОДОВ

С.А. Кочуков

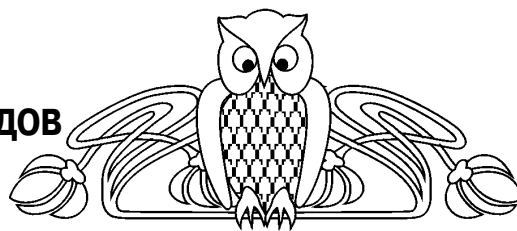
Саратовский государственный университет
E-mail: kochukovsa@mail.ru

В статье рассматриваются взгляды знаменитого русского писателя Федора Михайловича Достоевского на Балканский кризис 1877–1878 гг., на природу вооруженных катаклизмов, проводятся исторические параллели отношений различных политических и общественных деятелей России 70-х гг. XIX в. к Русско-турецкой войне 1877–1878 годов.

Ключевые слова: русская армия, политический конфликт, война, общественное мнение.

Примечания

- 1 См.: Малащенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. С. 20.
- 2 Ханаху Р.А., Цветков О.М. Религия и кавказская война в контексте исследования менталитета адыгов // Наука, религия, гуманизм. М., 1996. С. 154.
- 3 Там же. С. 20–21.
- 4 См.: Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властелин, воин. М., 2001. С. 31.
- 5 Малащенко А.В. Указ. соч. С. 79.
- 6 Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003. С. 82.
- 7 Беляев И. Русские миссии на окраинах: Историко-этнографический очерк. СПб., 1900. С. 116.
- 8 Там же. С. 117.
- 9 Цит. по: Дегоев В.В. Указ. соч. С. 242.
- 10 См.: Арапов Д.Ю. Ермолов А.П. и мусульманский мир Кавказа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. М., 2001. № 6. С. 56–57.
- 11 См.: Генерал А.А. Вельяминов и управление духовной жизнью горцев Кавказа / Публ. Д.Ю. Арапов // Источник. 2003. № 5. С. 18.
- 12 Цит. по: Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д, 2003. С. 266.
- 13 РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 281. Л. 1 об.
- 14 Цит. по: Дегоев В.В. Указ. соч. С. 70.
- 15 ЦГАРФ. Ф. 866. Оп. 1. Д. 21. С. 16.
- 16 См.: Чекменев С.А. Иностранцы поселения на Ставрополье в конце XVIII и первой половине XIX в. // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1971. Вып. 12–13.
- 17 Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX века: Сб. документов. Махачкала, 1959. С. 167.
- 18 Шилов А.В. Схватка за Кавказ. XVI–XX вв. М., 2005. С. 303.
- 19 Цит. по: Шилов А.В. Указ. соч. С. 303–305.

F.M. Dostoevsky and Russian-Turkish war 1877–1878

S.A. Kochukov

In article sights of well-known Russian writer Feodor Mihajlovicha Dostoevsky at the Balkan crisis on the nature voo-ruzhennyh cataclysms are considered 1877–1878. As spend parallels in history of relations various political and public figures of Russia of 70th of XIX century from-nositelno Russian-Turkish war 1877–1878.

Key words: russian army, political the conflict, war, opinion.

Середина 70-х гг. XIX в. ознаменовалась очередным витком борьбы южных славян против османского ига. В это трудное для угнетенных народов время русское общество оказывало последним материальную и моральную помощь¹. Причем активная поддержка шла не только от Славянских благотворительных комитетов, в защиту болгарского народа выступили многие представители русской интеллигенции – В.Д. Пирогов, В.М. Гаршин, Л.Н. Толстой, В.В. Верещагин.

События национально-освободительной войны на Балканах и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. не оставили равнодушным и великого русского писателя Ф.М. Достоевского. Его отношение к балканским событиям нашли отражение в первую очередь в «Дневнике писателя»². «Дневник» содержит в себе ряд художественных произведений, но вместе с тем Достоевский в нем откликнулся на волновавшие его проблемы современности. Дневник печатался в еженедельном журнале князя В.П. Мещерского³ «Гражданин», редактором которого был Федор Михайлович. Владимир Петрович Мещерский сблизился с Достоевским еще в 1872 г., когда у князя произошла размолвка с А.Д. Градовским⁴ из-за реформаторских устремлений последнего⁵. Фигура же Достоевского для Владимира Петровича Мещерского была более привлекательна, и это несмотря на то, что Федор Михайлович привлекался по делу «Петрашевцев». Причем князь Мещерский видел в Достоевском ни больше, ни меньше чем цельного и полного консерватора. Он отмечал по этому поводу в своих воспоминаниях: «Мы все были маленькими перед его грандиозною фигурою консерватора... Апостол правды во всем, в крупном и в мелочах, Достоевский был, как аскет, строг и, как неопит, фанатичен в своем консерватизме... И какая оригинальность в сопоставлении того, чем Достоевский был, с тем, чем он слыл для массы русского интеллигентного люда, искавшего в нем благодаря его эпохе какого-то фетиша либеральной революционной партии»⁶.

События 70-х гг. XIX в. на Балканах дали мощный толчок к развитию славянского движения в России, к которому Достоевский, безусловно, был не равнодушен. Но вместе с тем позиция Федора Михайловича Достоевского была диаметрально противоположна взглядам «передовой русской общественности». Действительно, революционно настроенная часть русского общества полагала, что русско-турецкая война и национально-освободительная борьба балканских народов окажет влияние на формирование политического самосознания «русской народной массы», будет способствовать развитию свободололюбивых стремлений в ее среде и подъему революционного движения в России⁷. Но Достоевский воспринимал балканские события иначе. Достоевский никогда не принимал участия в военных действиях, но на протяжении всей жизни проявлял к ним живой интерес, объясняя его своим военно-инженерным

образованием, хотя мы и знаем, что учился он плохо. В апреле 1876 г., в первый же год издания «Дневника писателя», вспыхнуло восстание в Болгарии, а затем, в июне, Сербия и Черногория объявили Турции войну, в которую активно включились русские добровольцы во главе с генералом Черняевым, возглавившим сербскую армию.

В первую очередь необходимо заявить, что Федор Михайлович Достоевский рассматривал балканский вопрос с более радикальных позиций чем «народный диктатор» – И.С. Аксаков⁸, то есть это были сторонники «великой славянской идеи», которая в полной мере была разработана в стенах Московского славянского благотворительного комитета, представители которого были твердо убеждены в том, что «защита и освобождение турецких христиан есть нравственный долг и назначение православной России»⁹. А.С. Хомяков, в частности, написал своеобразную «агитку» для колеблющихся¹⁰:

*Глас божий: собирайтесь на праведный суд
Собирайтесь к Востоку народы!
Собирайтесь из дальних сторон!
Великое время пришло
Для тризны кровавой, больших похорон:
Мой суд совершится, мой час положен, –
В сраженье бросайтесь смело!*

Радикализм Достоевского проявлялся прежде всего в том, что он являлся сторонником идеи не просто захвата столицы Турции – Константинополя, а переноса столицы России в эту «колыбель православия». В своем «Дневнике» за март 1877 г. Федор Михайлович отмечает: «Да, Золотой Рог и Константинополь – все это будет наше... И, во-первых, это случится само собой, именно потому, что время пришло, а если не пришло еще и теперь, то действительно время уже близко, все к тому признаки»¹¹. Подобные идеи были далеко не оригинальны и Министерство иностранных дел и Московский славянский благотворительный комитет получали неоднократно прожекты, в которых рассматривалось будущее Турции¹². Достоевский считал, что Россия уже однажды упустила удобный момент в деле завоевания Константинополя в начале XVIII в., когда начались реформы Петра I. Федор Михайлович отстаивал мысль, что Петр Великий допустил серьезную ошибку – основал «чухонский» Петербург, все историческое прошлое толкало его на захват турецкой столицы¹³. Достоевский принял события на Балканском полуострове с большим энтузиазмом, а увлекшись, даже начал оправдывать саму идею войны. Необходимо добавить, что его мысли – не более чем парадокс, и первоначально он излагал их от имени героя-парадоксалиста, с которым условный автор даже спорил¹⁴. Но этот парадокс имеет серьезные мировоззренческие корни в личности самого Достоевского. И дело здесь не столько в имперских амбициях, как иногда заявляют исследователи. Дело здесь прежде всего в самом понимании войны.

Достоевский 70-х гг. XIX в. – это непоколебимый сторонник войны. Он ее ждал, на нее надеялся. Апрель 1877 г., дата начала Русско-турецкой войны, был воспринят Федором Михайловичем буквально «на ура»¹⁵. Непонятно куда делся «гуманизм Достоевского», который буквально толкал тысячи людей в кровавую мясорубку войны. Гуманизм Достоевского, который определяют то как христианский, то как абстрактный, то как общечеловеческий, можно назвать условно, конечно, гуманизмом надрыва, крайним гуманизмом. Достоевский не мог не понимать, что любой вооруженный конфликт стоит крови. Но вместе с тем призывы писателя с каждой новой страницей «Дневника» становятся все агрессивнее: «Нам нужна эта война... и для собственного спасения: война освежит воздух, которым мы дышим и в котором мы задыхаемся, сидя в немощи растления и в духовной тесноте»¹⁶, «война укрепляет каждую душу сознанием самопожертвования, а дух всей нации сознанием взаимной солидарности и единения всех членов, составляющих нацию»¹⁷.

В отечественной историографии сложилось мнение, что Достоевский, как впрочем и В. Гаршин, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, был противником своеобразного реванша за Крымскую войну¹⁸. Действительно, ни в одном из своих произведений Достоевский ни разу не упоминает осаду Севастополя и вообще события 1854–1856 гг., но все соображения Федора Михайловича – это попытка отыгаться за Крымскую кампанию. Уже после Апрельского восстания Достоевский заявлял: «Помогая славянину, я не только не нападаю на веру татарина, но мне и до мусульманства-то самого турки дела нет; оставайся он мусульманином сколько хочет, лишь бы славян не трогал»¹⁹.

Вообще Достоевский полагал, что из всех военных конфликтов, из всех войн, какие вела Россия, четыре войны по преимуществу определили ее историческое бытие. Первая война – земская в 1612 г.; вторая – исторически-неизбежная, императорская – Северная; третья – Отечественная 1812 г.; четвертая – народная Русско-турецкая. Первыми тремя войнами Россия как бы отстаивала собственную политическую независимость, Русско-турецкой же войной сделала попытку определить историческую будущность – решить Восточный вопрос²⁰. Несколько позже эта же мысль была высказана в статье «Юбилей народной войны» в газете «Новое время»²¹.

Национальный подъем, вызванный желанием помочь «братьям-славянам», воодушевлял писателя. По всей России собирались денежные пожертвования, формировались санитарные отряды и отряды добровольцев, включавшие тысячи человек, кадровые военные выходили в отставку, чтобы ехать на Балканы. Для увеличения средств было предпринято несколько изданий, например, сборник «Братская помощь», перевод брошюры Гладстона «Болгарские ужасы и восточный вопрос». Большое значение имела также

даровая раздача рисунков (например, «Балканская мученица») и портретов героев восстания. С 21 сентября 1875 г. по 8 октября 1876 г. комиссией было собрано 810699 рублей. На эти средства был отправлен на театр войны санитарный отряд, а также снаряжены добровольцы в сербскую армию (1 генерал, 360 офицеров, 289 нижних чинов, 176 разночинцев и 120 донских казаков в полном вооружении, с лошадьми); до 130000 руб. было выдано сербскому правительству в виде ссуды²². Московский комитет объединил свои усилия с Владычне-Покровской общиной сестер милосердия. Газета «Русские ведомости» писала в конце 1876 г.: «Нам сообщают, что дамское отделение Славянского благотворительного комитета получило от русского посольства в Константинополе известие, что 26 болгарок-сирот, отправляющихся в Москву с целью получить воспитание в русских учебных заведениях, выехали из Константинополя в Одессу. После небольшого отдыха они поедут дальше, так что приезда их в Москву должно ожидать не позже будущей недели»²³. Только Московский славянский комитет с июля по октябрь 1876 г. собрал около 600 тыс. руб.²⁴, в результате чего газета «Неделя» отмечала: «Пожертвования в пользу славян начинают принимать такие размеры, что следить за ними становится затруднительным»²⁵. Характерным было большое количество мелких пожертвований. Причем, по словам Аксакова: «Пожертвования по общественной лестнице шли в обратной прогрессии: чем выше, чем богаче, тем относительно слабее и скуднее. Наши денежные знаменитости не участвовали вовсе, а если и участвовали, то в самом ничтожном размере...»²⁶. Удивительно, но были случаи, когда городские власти ставили препоны в деле провидения благотворительных сборов. Особенно этим выделялся генерал-губернатор Москвы кн. В.А. Долгоруков, чьи мероприятия вызывали резкие протесты Аксакова, который подчеркивал религиозно-благотворительный характер жертвенной кампании.

Федор Михайлович был убежден, что только «военной помощью» можно решить Восточный вопрос, хотя бы потому, что вооруженный конфликт с Османской империей выдвинет на первый план в русском обществе «лучших людей»²⁷. Наконец Достоевский высказывает и свое личное отношение к Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Война, считал он, «вовсе не вековечный и зверский инстинкт неразумных наций, а первый шаг к достижению вечного мира, в который мы имеем счастье верить»²⁸. Он различал войны справедливые (война за спасение, за освобождение угнетенных народов, за международное воссоединение – «нет светлее и чище подвига такой войны») и войны несправедливые (из-за политики господства одной нации над другой и усиления за счет своего соседа, из-за приобретения чужих богатств, из-за потребности ненасытной биржи, торговых выгод и т.п.). Справедливая война нравственна по

своему духовному содержанию, ибо требует «самопожертвования кровью своею за все то, что мы почитаем святым», и в этом смысле Достоевским признается война как «святое дело». «Да, война, конечно, есть несчастье, – пишет он, – однако не всегда надо проповедовать только мир, не в мире едином, во что бы то ни стало, спасение, а иногда и в войне оно есть»²⁹. По логике Достоевского, вечный мир возможен только с перерождением человеческого общества в совершеннейшее, с наступлением «золотого века». В данном случае под «золотым веком» Достоевский видел объединение под покровительством России православных европейских славян. Он верил, что «освобожденные и воскресшие к новой жизни славянские народности прильнут к России, как к родной матери и освободительнице, и в самом скором времени привнесут много новых и еще неслыханных элементов в русскую жизнь, расширят славянство России, душу России, повлияют даже на русский язык, литературу, творчество, обогатят Россию духовно и укажут ей новые горизонты»³⁰.

Рассматривая отношение Федора Михайловича Достоевского к Балканской войне 1877–1878 гг., нельзя не обратить внимание на «Мнение Тишайшего царя о восточном вопросе» – это небольшая выписка из исторического сочинения И. Оболенского³¹. Царь Алексей Михайлович заявлял: «порешил в своем уме, если Богу угодно, что потрачу все свои войска и свою казну, пролью свою кровь до последней капли, но постараюсь освободить их»³². На все это вельможи отвечали ему: «Господи, даруй по желанию сердца твоего»³³. Достоевский называет выписку характерной и любопытной «в теперешнюю нашу минуту»³⁴. Смысл ее очевиден: царь и его вельможи ждут, не отказываясь и не соглашаясь. Их ответ сводится к тому, что человек не волен принимать решение о войне, но он может ее начать, если на то есть воля Бога. Вероятнее всего, Достоевский, как это не удивительно, подталкивал официальный Петербург к более радикальным действиям. Но если российское общество было в целом едино в вопросе поддержки южных славян и скорейшей войны с турками, то в правительстве считали, что война с Турцией может негативно сказаться на международном и внутреннем положении страны. В частности, глава Военного министерства Д.А. Милютин³⁵ заявлял: «Может выйти то же, что было в Крымскую войну, опять вся Европа опрокинется на нас»³⁶. Также против скоропалительной войны предостерегал и бывший посланник России в Турции гр. Н.П. Игнатев³⁷, который считал войну с Османской империей как бедствие народное³⁸.

Однако, несмотря на такой разброс мнений, всем и Федору Михайловичу Достоевскому, как представителю русской прогрессивной общности, так и правящей элите в лице Д.А. Милютина, Н.П. Игнатьева, А.М. Горчакова³⁹, было совершенно понятно, что «Балканский узел»

необходимо разрубить и как можно скорее. В противном случае юг Европы мог погрузиться в хаос затяжной войны, войны на фактическое уничтожение славянских народов.

Примечания

- 1 См.: Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970; *Он же*. Россия и освобождение Болгарии // Вопросы истории. 1978. №7; *Он же*. Русская политика на Балканах и начало Восточной войны // Вопросы истории. 1946. №4; Козьменко И. Русское общество и апрельское болгарское восстание 1876 г. // Вопросы истории. 1947. №5; Кузьмичева Л.В. Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г. // Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981; Орлик О.В. Представители прогрессивной интеллигенции России – участники Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Вопросы истории. 1978. №4; Кочуков С.А. К вопросу о военной помощи России странам Балканского полуострова в середине 70-х годов XIX века // Славянский сборник. Саратов, 2009. Вып. 7.
- 2 См.: Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Собрание сочинений: В 9 т. Т. 9. М., 2007.
- 3 Мещерский Владимир Петрович (1838–1914) – князь, действительный статский советник, камергер, внук историка Н.М. Карамзина. Окончил Училище правоведения. С 1872 г. – редактор журнала «Гражданин».
- 4 Градовский Александр Дмитриевич (1841–1889) – известный русский профессор права и публицист. Преподавал в Санкт-Петербургском университете.
- 5 Это особенно характерно для высказываний А.Д. Градовского: «Конец Крымской войны был сигналом к преобразованию России. Реформы эти были вызваны, конечно, нашими внутренними потребностями, нашими наболевшими язвами. Прежде всего предстояло устранить то, что более всего стесняло развитие государства и общества, что более всего вносило лжи и тления в наши отношения – крепостное право. Затем должно было изменить систему нашего местного управления по двоякой причине: во-первых, вся система ведения местного хозяйства, даже в существовавших его рамках, в коих вращались разные комитеты, комиссии и приказы, оказались несостоятельной; во-вторых, существовавшие установления не представляли ручательства в том, что они в состоянии будут удовлетворить потребностям новым, возникновение которых предвиделось с освобождением крестьян... Затем система судостроительства, державшаяся на началах узко инквизиционного процесса... Наконец, отсутствие гласности, отсутствие какой бы то ни было легальной возможности обсуждать самые насущные общественные вопросы... (Градовский А.Д. Трудные годы (1876–1880): очерки и опыты. М., 2007. С. 310–311).
- 6 Мещерский В.П. Воспоминания. М., 2001. С. 307.
- 7 См.: Нарочницкая Л.И. Национально-освободительные движения на Балканах и народные массы России во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. // Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1987. Вып. 7. С. 138. В частности, по словам А.И. Желябо-

- ва, революционеры «на деле возрождения славян» стремились помочь политическому воспитанию самого русского общества (*Нарочницкая Л.И.* Россия и национально-освободительное движение на Балканах 1875–1878 гг. М., 1978. С. 44).
- ⁸ Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886). Известный славянофил, писатель, публицист, редактор газет «День», «Русь», «Москва» и журнала «Русская беседа».
- ⁹ *Апостольский П.* Нравственные основы настоящей войны. М., 1877. С. 15.
- ¹⁰ Там же. С. 5-6.
- ¹¹ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. С. 70.
- ¹² На имя гр. Н.П. Игнатьева поступила анонимная записка, в которой перечислялись причины распада Турецкого султаната: «1) в Турции нет уже никакой администрации, несколько коллективов чиновников, которые сменяются почти ежемесячно; 2) в Турции нет уже никаких общественных сил, кроме обнищавших чиновников, и омусульманившаяся часть населения; 3) мусульманское население Малой Азии обременено непосильными налогами и истощившееся до нельзя непосильными рекрутскими наборами; 4) турецкие финансы, как известно, кончаются сами собою» (ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 710. Л. 1-1об.)
- ¹³ См.: *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. С. 70–71.
- ¹⁴ *Матюшкин А.* Парадокс Достоевского о войне. [Электронный ресурс]. URL: // http://iff.kspu.karelia.ru/DswMedia/paradox_dost.htm
- ¹⁵ В своем «Дневнике» за апрель 1877 г. писатель отмечал: «... нам нужна война и победа. С войной и победой придет новое слово, и начнется живая жизнь, а не только мертвящая болтовня как прежде, – да что как прежде: как до сих пор, господа!» (*Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. С. 104).
- ¹⁶ Там же. С. 103.
- ¹⁷ Там же. С. 111.
- ¹⁸ См.: *Цимбаев Н.И.* Освобождение Болгарии и русское общество // Россия и освобождение Болгарии. М., 1982; *Нарочницкая Л.И.* Национально-освободительные движения на Балканах...
- ¹⁹ Цит по.: *Цимбаев Н.И.* Указ. соч. С. 183.
- ²⁰ См.: *Преображенский И.В.* За братьев славян. СПб., 1903. С. 3.
- ²¹ См.: Юбилей народной войны // Новое время. №9377.
- ²² <http://www.gusk.ru>
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Цимбаев Н.И.* Указ. соч. С. 158.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Цит. по: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1977. С. 19.
- ²⁷ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя С. 107–108.
- ²⁸ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 25. С. 99, 100.
- ²⁹ Там же. С. 100.
- ³⁰ Там же. С. 81.
- ³¹ См.: *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. С. 112–113.
- ³² Там же. С. 113.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912). Граф, генерал-адъютант, военный министр (1861–1881), генерал-фельдмаршал, член Государственного совета.
- ³⁶ *Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1877. М., 1949. Т. 2. С. 58.
- ³⁷ Игнатьев Николай Павлович (1832–1908). Граф, генерал-адъютант, посол в Турции (1864–1877), министр внутренних дел (1881–1882), член Государственного совета.
- ³⁸ См.: ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 562.
- ³⁹ Горчаков Александр Михайлович (1798–1883). Князь, советник посольства в Вене (1883-1838), посланник в Штутгарте (1841–1850), государственный канцлер.

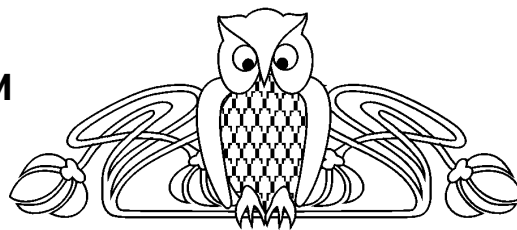
УДК 94(47).083

СЛУХИ О ЦАРСКОЙ ИЗМЕНЕ В КОНТЕКСТЕ «ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОРНОГРАФИИ» РОССИИ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ю.В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье рассматривается проблема влияния слухов о царской измене и речи П.Н. Милюкова от 1 ноября 1916 г. на формирование негативного общественного мнения по отношению к царствующим особам. На основе анализа различных источников сделан вывод о том, что распространявшиеся в годы Первой мировой войны слухи о царской измене, как элемент «политической порнографии», и речь депутата Милюкова, наряду с другими объективными и субъективными факторами, сыграли роковую роль в десакрализации царской власти и падении русской монархии.

Ключевые слова: слухи, царская измена, речь П.Н. Милюкова, десакрализация власти, Николай II, Александра Федоровна.

Rumors about the Royal Treason in the Context of «Political Pornography» Russia on the Eve of the February Revolution

Yu.V. Varfolomeev

The paper addresses the problem of the influence of rumors about the royal treason and speech P.N. Milyukova November 1, 1916 on the

formation of negative public opinion against the rulers. Based on the analysis of various sources has concluded that were distributed during the First World War, rumors of royal treachery, as part of a «political pornography», and speech Milyukova, along with other objective and subjective factors played a fatal role in the desecration of the royal power and the fall of the Russian monarchy.

Key words: rumors, royal treason, speech P.N. Milyukov, desecralisation of power, Nicholas II, Alexandra.

Термин «политическая порнография» связан с французской революцией конца XVIII в. и впервые был введен в отечественную историографию Б.И. Колоницким¹. Речь идет, прежде всего, о проблеме десакрализации царской власти, что явилось одной из главных причин падения монархии в России. «Духовный распад в кругах высшей власти (“распутинщина”), решение государственных вопросов через дворцовые заговоры, явное влияние теневого сил на назначение высших должностных лиц – все это вызывало отвращение в широких кругах, – отмечает С.Г. Кара-Мурза. – Это отвращение, к которому нечувствительна демократия, было губительно для монархии, легитимность которой предполагает наличие *благодати*»².

Российский сюжет десакрализации власти и крушения монархии очень напоминает те процессы, которые происходили во Франции в конце XVIII в. Обреченный король Людовик XVI предстает там как «неспособный, манипулируемый, слабовольный, подкаблучник, импотент». Российское де-жа-вю: Николай II «предает Россию, продает ее Германии». Это образ активного царя и связан с его сексуальной распущенностью: у него разные любовницы, роман с фрейлиной А.А. Вырубовой и т.п. «Еще один образ Николая Второго, – выявленный в ходе исследования Колоницким, – пассивный. Это слабовольный, слабохарактерный пьяница. Жертва жены и Распутина, которые над ним издеваются, а он только пьет. В некоторых случаях он предстает как безвольный персонаж, отравленный порошками Бадмаева, и им манипулируют как хотят»³.

Королева Франции Мария Антуанетта – «иностранка, распущенная, коррумпированная шпионка», а вот аналогичные обвинения, но уже в российской интерпретации: императрица Александра Федоровна – «гессенская муха»⁴ (вредительница), предательница и шпионка («в Царскосельском дворце находится тайная радиотрансляционная станция»), спекулянтка («является покровительницей спекулянтов, которые осуществляют торговлю с Германией через Швецию»), диверсантка, готовит заговор против Николая II и т.п.⁵ При этом весьма показательным то, что и другой женский персонаж слухов – вдовствующая императрица Мария Федоровна – фигурирует в них в том же самом амплуа, что и её царствующая сноха. При упоминании Марии Федоровны подчеркивается её иностранное происхождение, но не как датчанки, а как «немки», и,

конечно, сочувствующей врагу. Отсюда – обвинения в её содействии противнику (контрабандная поставка продовольствия, шпионаж). Часто в слухах она предстает и как развратница. И, наконец, вдовствующую императрицу, так же как и Александру Федоровну, обвиняют в заговоре с целью лишения власти Николая II⁶.

Очень точным индикатором восприятия слухов, а затем и их публичной ретрансляции являются дела по оскорблению членов императорской фамилии. Этот вид преступлений обращает на себя внимание экстраординарностью и несвойственностью для российской патриархальной ментальности. Если учитывать исконные верноподданнические чувства народных масс к «царю-батюшке» и веру в незыблемость освященной самодержавной власти, то можно представить, какие глубокие, кардинальные изменения произошли в миропонимании и психологии русских людей и, прежде всего, крестьянства, если в их среде стала обычным явлением хула на царствующих особ. В связи с этим Б.И. Колоницкий считает, что была «... некая фольклорная традиция оскорбления императорской семьи, она была достаточно развита, и люди реагировали на какие-то события в соответствии с традицией»⁷.

Безусловно, решающую роль в разрушении сакрализации образа «царя-батюшки» сыграла, конечно, антиправительственная агитация революционеров, легко усваиваемая в тяжелое время на почве лишений и невзгод, вызванных, в том числе непонятной войной и неудачами на фронте. Наглядной иллюстрацией деструкции традиционных моделей сознания может служить своеобразный «синевский синдром». В 1905 г. в бедной деревне Малиновке Сердобского уезда демобилизованный солдат Синев начал «войну» с местным попом за «культурное просвещение в деревне, а царя называл кровопийцем»⁸. Подстрекательская революционная деятельность деревенского вождя увенчалась организацией нападения на имение помещика, а также поджогом дома священника.

Деморализованному и разложившемуся в маньчжурских окопах позорной войны солдату, напичканному социал-революционными и большевистскими штампами казарменных агитаторов, удалось то, чего не смогли сделать культурные и образованные интеллигенты-народники своим «хождением в народ» – подорвать веру в царя, растоптать престиж местного попа и довести ненависть к своему помещику до последней черты. Язвы Русско-японской войны способствовали воспитанию солдата Синева в революционном духе, а уже через него агрессивные, радикальные идеи проникают в деревню, разрушают патриархальные традиции, подтачивая вековые устои православия и самодержавия. Так что всплеск таких преступлений, как оскорбление царя, являлось прямым свидетельством изменений, происходивших в то время в сознании людей.

Еще более грубым оскорблением и едким насмешкам подвергся Николай II в годы Первой мировой войны. Несмотря на ура-патриотическую карикатуризацию Вильгельма II, рейтинг русского императора по сравнению с ним был крайне невысок. На фоне воинственного и победоносного кайзера враждебной державы Николай II изображался как «царь-дурак», «царь-пробка» и «царь-баба». Немецкая пропаганда намеренно и нагло противопоставляла русскому императору Вильгельма II: «Наш царь умный, а вы – дураки, и царь ваш дурак». «Но, как ни странно, – отмечает Колоницкий, – и у русских крестьян и казаков был точно такой же аргумент: царь не выполняет свои профессиональные обязанности»⁹. Русскому царю противопоставлялся деловитый и удачливый Вильгельм II: «Немецкий-то царь 40 лет к войне готовился, снаряды делал да пушки отливал, а наш-то дурак только водку продавал и театры открывал» (совершенно бесполезное дело). Или: «а наш-то пробочник только водку гнал да школы открывал»¹⁰.

При этом Б.И. Колоницкий приходит к парадоксальному выводу о том, что «...дела об оскорблении императорской семьи свидетельствуют о совершенно обратном – о сохранении монархического сознания, – считает он. – Очень часто оскорбляя одних членов императорской семьи, они противопоставляли им совершенно других, “хороших” членов императорской семьи»¹¹. Это можно представить в виде следующей схемы: «плохой царь – хороший Николай Николаевич, плохой Николай Николаевич – хороший царь, плохая мать царя – хорошая императрица, хорошая императрица – плохая мать царя и т.д.». При этом к царю была, по сути, одна, но очень серьезная претензия – он не выполняет свои монаршие обязанности, так как он «подмененный» царь и даже «самозванец».

Во взглядах на природу происхождения и каналы распространения слухов существует несколько различных мнений. Весьма общеизвестной является точка зрения, что слухи поступали «сверху вниз»: их генерировали образованные социальные верхи, а затем слухи, меняясь местами, воспринимались уже «массами», «народом». Вместе с тем очевидно, что наивные мифологемы «подмененного» царя, «самозванца» рождались и в «низах» русского общества, а затем уже курсировали «наверх». Кроме того, нельзя не принимать во внимание и то, что в годы войны Германия использовала различные каналы и способы генерирования и распространения подстрекательских, провокационных, возбуждающих слухов в отношении правящей элиты России.

Слухи об измене в высших эшелонах власти курсировали в различных слоях общества на протяжении нескольких лет. Однако А.Я. Аврех справедливо указал на то, что «Слухи об “измене” стали широко муссироваться по стране, начиная с момента галицийского разгрома и отступления

весной и летом 1915 г. Здесь мы наблюдаем два параллельных, а иногда и перекрещивающихся потока слухов: в “низах” – в обывательской массе и в “верхах” – в помещичье-буржуазных и даже придворных кругах»¹².

Вместе с тем, как считает Б.И. Колоницкий, очень часто встречающиеся в литературе противопоставления развитой культуры верхов и примитивной культуры низов не соответствуют действительности: «Изучение слухов о Марии Федоровне позволяет предположить, что механизм распространения слухов был более сложным, некоторые слухи “возникли”, по-видимому, в народной среде, имели фольклорные источники»¹³. Действительно, не настолько глубоки были различия между слухами «народными» и «интеллигентскими», циркулировавшими в «низах» и «верхах» русского общества.

Отражением взглядов «верхов» на существование измены в правительстве можно считать позицию официального органа кадетской партии газеты «Речь». «Слава богу, – отмечалось в ее передовой статье сразу после победы Февральской революции, – мы все – и многие из нас по собственному опыту – знаем, что между русской и германской реакцией всегда существовал теснейший союз, своего рода договор взаимного страхования от революции, и что этот договор не был разорван и после возникновения войны. Слава богу, мы еще помним, как горячо приветствовали в Германии Штюрмера и Щегловитова, Маклакова и Протопопова и какое место в германских планах играла “придворная партия”, группировавшаяся вокруг молодой царицы»¹⁴. В качестве причины и характера слухов «низов» Аврех назвал традиционный в таких случаях мотив – «темная, неосведомленная мысль всегда ищет объяснения, идя по линии наименьшего сопротивления»¹⁵.

Одним из центральных эпизодов в расследовании Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) «царской измены» и шпионажа стал допрос автора скандально знаменитой думской речи лидера кадетов П.Н. Милюкова, послужившей, по сути, сигналом к решающему штурму власти. Лидер кадетов недвусмысленно обвинил власти в «глупости или измене». Сделать выбор он предоставил коллегам. В итоге большинство депутатов поверили в последнее – «измену» Верховной власти, причем «...даже там, где сам я не был в нем вполне уверен»¹⁶, – признался спустя несколько лет автор сенсационных «разоблачений».

Настроение воспаленной подозрительности, зародившись в стенах Таврического дворца, очень скоро передалось всему обществу. «Здесь все потрясены разоблачениями в Государственной думе, – говорилось в письме с подписью “Борис” из Петрограда в Киев К.А. Фармаковской 3 ноября 1916 г. – “У нас чудовищная измена”, – вот что остается от рассказов, которые слышишь от бывших на заседании Думы. Как же воевать, стараться, проливать кровь, когда все делается

«для виду», «так, чтобы не победить», «так как сепаратный мир невозможен»¹⁷. Даже после Февральской революции, когда монархия прекратила свое существование, подозрения о «чудовищной измене» не развеялись, и когда возник вопрос: «А кого, собственно, мы победили?» в феврале 1917-го, то были варианты: победа над бюрократией, патриотическая победа – «Мы победили немца внутреннего, чтобы победить внешнего». «Для многих это была патриотическая, антинемецкая, может быть даже шовинистическая революция, – считает Б.И. Колоницкий. – Когда рабочие уходили с оборонных заводов, инженеры им кричали: “Что ж вы делаете, ребята? Война идет!”. А они отвечали: “Ну и что, царица сама шпионка”»¹⁸.

Однако не все поддались настроениям измения фобии и шпиономании, трезво оценивая ситуацию в стране и речь известного политика. А.И. Савенко был «решительно не согласен» с линией поведения, усвоенной левым крылом Прогрессивного блока, и «уже выступил против тех, кто тянет блок на дно». «Одно – политическая борьба, а другое – хулиганство. К сожалению, наши парламентарии, опирающиеся на улицу, совершенно не обладают чувством меры», – писал 10 ноября 1916 г. в Киев Н.К. Савенко. А 15 ноября в письме тому же адресату Савенко так откликнулся на речь поддержавшего Милюкова В.В. Шульгина: «Мой девиз: “помни о войне” и “не зарываться”». К сожалению, Шульгин сильно подпал под влияние Милюкова и зарывается. А может быть, просто ведет свою линию по карьеристским соображениям»¹⁹.

Выступление, или, как его назвал Савенко, «хулиганство» лидера кадетов, больно задело одного из университетских учителей и коллег Милюкова. Оценивая думский расклад в свете последних событий, известный московский историк, «октябрист» и член Государственного совета В.И. Герье делился своими мыслями с А.Н. Куломзиным в письме от 16 ноября: «Прежде, по крайней мере, можно было указывать на октябристов как на людей, понимающих потребности переживаемого нами исторического момента. Теперь все забрали в руки милюковские кадеты, не понимающие и не желающие понять сути нашего политического законодательства. Они воображают, что депутаты призваны к участию в самом правительстве... Но что простительно Чхеидзе и ему подобным, то непростительно дипломированному нахалу. Это свойство его мне известно с его студенческой скамьи»²⁰, – писал о Милюкове преподававший ему в университете медиевист Герье.

Вместе с тем депутат, заслуживший эпитеты «хулигана» и «дипломированного нахала», получил целый ряд одобрительных откликов. «Совесть» и почетный председатель кадетской партии, издатель газеты «Речь» И.И. Петрункевич был очень доволен милюковской речью и реакцией на нее Думы. «И кто бы мог подумать,

что четвертая Дума проявит столько политического смысла, – писал он из Кореиза в Петроград В.И. Вернадскому 18 ноября 1916 г. – Мне всегда казалось, что П.Н. Милюков в ряду своих талантов и способностей не обладает одной – способностью организации. Он дал блестящее опровержение этому, ибо ему удалось соединить несоединимое». На следующий день в письме Ф.И. Родичеву, считавшему, что Милюков один обладает верой в победу и волей к ней, он доказывал, что Милюков «пробуждает, превращает в динамическое состояние и веру, и волю в других»²¹.

«Динамическое состояние», в которое привел общество Милюков своей речью, разразилось в итоге Февральским переворотом, а спустя несколько месяцев после этого лидеру кадетов пришлось уже перед лицом ЧСК давать пояснения по поводу своего эмоционально-популистского заявления. Только теперь в показаниях следственной комиссии он должен был разъяснить и подтвердить свои обвинения, выраженные формулой «трусость или измена», достоверными фактами, а не слухами или домыслами.

Прежде всего Милюков сообщил комиссии о стране происхождения подобных слухов. «Когда я приехал в Швейцарию, – вспоминал он, – то там было общее мнение тогдашней эмиграции, что русское правительство через своих агентов ведет переговоры с Германией. Это считалось общепризнанным»²². Когда же он стал доискиваться фактов и конкретных данных по этому вопросу, то ему дали определенную информацию, большая часть которой затем была включена в его речь.

Во-первых, эмигранты указали на германофильские салоны в Швейцарии и, прежде всего, на салон Е.К. Нарышкиной, «перетащенный из Италии». «Туда специально приезжал чиновник, присланный Штюрмером, – уточнял Милюков, – он, очевидно, наблюдал, вроде Ратаева, и другое лицо (не помню его фамилии, кажется, она названа в моей речи), специально посланное для сношений и бывшее в этом салоне постоянным посетителем. Все это вызвало большие подозрения со стороны эмигрантов»²³. Вместе с тем Милюков уточнил, что для него «в дальнейшем выяснилась невинность этой дамы (Нарышкиной. – Ю.В.), но все, что сообщалось за границей о ней, особенно относительно ее поездки туда, приуроченной ко времени этих переговоров, было подозрительно. Она – родственница жены Извольского, останавливалась у него в посольстве, чем его шокировала, жила довольно долго и демонстрировала и там свои германофильские симпатии»²⁴.

Во-вторых, Милюков получил записки некоего Августа Рея²⁵, адресованные лично ему, как председателю партии народной свободы. В одной из этих записок содержались сведения о том, что посол России во Франции А.П. Извольский принимает участие в переговорах с германцами и что эти переговоры ведутся через банковские структуры. Причем указывались случаи сношений агентов

Извольского с банками. Это последнее заявление Рея показалось Милюкову очень подозрительным, и когда он вернулся в Париж, то первым делом попытался прояснить эту ситуацию у Извольского. Посол связался с премьер-министром А. Брианом, который сообщил ему, что «Рей значитесь на фишке, как человек подозрительный, как агент, но агент особого типа, квалифицированный, не платный, не наемный. Относительно банков он сказал, что, правда, были сношения с банками, но по вопросу о займе или по финансовому вопросу, который, по поручению министра финансов, надо было провентилировать за границей»²⁶.

Между тем к Извольскому в Париже сложилось довольно враждебное отношение, отчасти из-за его угловатости в личных отношениях, но в особенности потому, что его жена-баронесса была остзейского происхождения. «Все это казалось демонстративным, особенно для чувствительных французов, – пояснял Милюков. – Может быть, обороты речи, которые для нас прошли бы незаметно, обращали на себя их внимание, и указывалось, что в русском посольстве германофильское гнездо»²⁷.

Эти обстоятельства, а также сведения в иностранных газетах о неприглядном закулисном назначении Штюрмера и его связях с «темными силами» послужили канвой для речи Милюкова 1 ноября 1916 г., а также способствовали формированию у него собственного взгляда на проблему измены и шпиона в высших кругах русского общества. Для лидера кадетов с самого начала показалось подозрительным то, что новый глава правительства приблизил к себе проходимца из лагеря «темных сил» И.Ф. Манасевича-Мануйлова, и он решил, что «тут дело не чисто». Еще больше укрепило депутата в мыслях, что здесь есть что-то таинственное в способе сношений с германцами, – это прошлое Манасевича-Мануйлова, о котором ему сообщил Извольский²⁸.

ЧСК прежде всего заинтересовал вопрос о том, откуда почерпнул сведения Милюков для свой речи относительно измены царицы. «Самое сильное место, об Александре Федоровне и об ее связи с этим кругом, я взял из германской газеты»²⁹, – засвидетельствовал Милюков. – Я воспользовался этим, во-первых, как способом, чтобы сказать это в наиболее удобной форме в Государственной Думе, а во-вторых, чтобы показать, что за границей уже имеются эти сведения»³⁰. После скандальной речи Милюкова состоялось заседание Совета министров, на котором Штюрмер решительно выступил с требованием отсрочки Государственной Думы, т.е. перерыва ее занятий. Поддержки он не встретил, большинство министров высказалось против этого, и единственное, что ему удалось добиться по вопросу преследования депутата, так это санкции выдвинуть обвинение Милюкову в клевете не от имени правительства, а лично от него – Штюрмера.

В обстановке антисамодержавного настроения и обвинений царской четы в симпатиях к Германии

и даже в измене ЧСК должна была ответить на этот злободневный вопрос: так ли это на самом деле? Допросы видных политиков, отнюдь не благосклонных к бывшему правителю, сразу же опровергли слухи в царской измене. Даже автор «разоблачительной» речи П.Н. Милюков в своих показаниях признал, что в ответ на германские попытки найти точку соприкосновения и повлиять на русскую дипломатию «царь реагировал определенно отрицательно, но обстановка кругом него была очень подозрительная...»³¹.

В марте 1917 г., в самом начале своей работы, ЧСК была направлена по ложному следу. Подобная ситуация возникла в связи со скандальной публикацией озаглавленной «Загадочная переписка Алисы Гессенской с ее друзьями» в газете «Российская республика». В сенсационной статье приводились тексты телеграмм бывшей императрицы и некоего Арнольда Розенталя с мая по октябрь 1916 г. Эти телеграммы, по мнению газеты, давали основание обвинить царицу «в шпионстве в пользу Германии». «Аляповатость подделки, – свидетельствует С.В. Завадский, – бросалась в глаза, но Муравьев так и взвился»³². Достойна восхищения «прозорливость» сенатора. Правда, обнаружил он «аляповатость подделки» как и все члены Комиссии только после тщательно проведенной по этой публикации проверки следователем Г.П. Гирчичем. Особое предварительное следствие по этому вопросу было вызвано тем, что ЧСК никак не могла проигнорировать скандальное газетное сообщение. В результате чего выяснилось, что все тексты сочинила и передала репортеру служащая петроградской цензуры за обещание газетчика презентовать ей торт, если она даст ему какой-нибудь сенсационный материал.

Слухи о германофильстве императрицы-немки и ее измене упорно циркулировали в российском обществе с самого начала войны. Но ответа на вопрос, – так ли это, на самом деле, – ждали от ЧСК. Поэтому расследование этого сюжета стало одной из первоочередных и приоритетных задач в деятельности Комиссии, а не прихотью министра юстиции или председателя ЧСК. Рассуждая об особом отношении Керенского и Муравьева к бывшему императору, А.Я. Аврех утверждал, что «...Муравьев не посмел даже настоять на производстве обыска у царя...»³³. Напротив, факты свидетельствуют о другом.

Следователь В.М. Руднев, которому было поручено дознание по этому вопросу, провел глубокое и беспристрастное расследование в этом направлении. Им были произведены тщательные осмотры помещений членов Императорской фамилии и Царских покоев на предмет существования там прямого телеграфного провода в Берлин. В итоге следователь пришел к выводу: «...никаких указаний на сношение Императорского Дома с немецким, во время войны, установлено не было. При проверке же мною слухов об исключительно благожелательном отношении Императрицы к

раненым военнопленным-немцам выяснилось, что отношение Ее к раненым немцам было таким же одинаково теплым, как и к раненым русским воинам, причем такое свое отношение к раненым Императрица объясняла выполнением лишь Завета Спасителя, говорившего, что кто посетит больного, тот посетит Его Самого»³⁴.

Также ослабили подозрения в измене Императрицы и показания И.Ф. Манасевича-Мануйлова, который, ссылаясь на Г.Е. Распутина, заявил на допросе, что царица «стоит страшно за продолжение войны и что про нее говорят неправду, что она стоит за мир. Это он мне много раз говорил искренно, потому что была такая обстановка, что он не врал, – я глубоко убежден в этом. На царя, наоборот, он смотрел так, что царь ненадежный и царь скорее может уступить, чем она»³⁵.

В поисках ответа на этот вопрос ЧСК обратилась и к переписке царя и царицы. По свидетельству члена Комиссии А.Ф. Романова, Муравьев через коменданта Царскосельского дворца «намякнул» Николаю II о том, «... чтобы бывший император сам отдал свою переписку, что тот и сделал, самолично рассортировав и разложив ее по конвертам со свойственной ему аккуратностью»³⁶. После исследования переписки стало ясно, что она полностью подтверждает слова «старца» и показания Манасевича-Мануйлова. Теперь стало очевидно, что царь и царица отвергали даже самую возможность постановки вопроса о сепаратном мире. В их переписке находим также и объяснение этому факту: все свои надежды на упрочение власти и преодоление революционного кризиса в стране царская чета полностью связывала с военной победой³⁷.

Такие же выводы сделал на основе материалов допросов секретарь Комиссии А.А. Блок: «Я читал показания С.Д. Сазонова, которые он дал следователю. Царь быстро схватывал вопросы внешней политики. Во внутренней был просто не осведомлен. Он и Александра Федоровна относились отрицательно к Вильгельму (случай свиданий, фразы по этому поводу). Александра Федоровна получила английское воспитание и никаких немецких симпатий не выражала, как и царь <...>. Германофильство выражалось, разве, у Маклакова <...>. Николай II унаследовал не любовь к немцам от Александра III»³⁸.

Даже автор публичного обвинения царицы в измене П.Н. Милюков так и не смог назвать президиуму ЧСК в ходе допроса неопровержимых фактов, которые подкрепляли бы его хлесткую, но малодоказательную думскую речь. «Не знаю, что говорится о ее сношениях, допустим, что они были лично характера, это возможно, но что они были, это, несомненно, – неуверенно и путанно пояснял он на допросе. – Были лица, которые приезжали регулярно, говорилось, что это поездки за лекарствами, вероятно, были личные сношения с родственниками, были предлоги, были случаи протекции, которые оказывались раненым и даже

убитым на счет похорон их, были случаи непосредственного влияния, была общая атмосфера сочувствия Германии <...> Я не делаю вывода, что были политические переговоры, но что вызывало сочувствие, для меня это несомненно»³⁹. В то же время на просьбу председателя комиссии назвать эти случаи и этих лиц Милюков так и не смог ничего конкретного пояснить: «Я знал раньше, но теперь не помню, не могу сказать, если вспомню, скажу»⁴⁰, – невразумительно ответил он.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что многочисленные слухи о царской измене и венчающая их публичная речь известного депутата с думской трибуны, хотя на деле и оказались досужими домыслами, однако сыграли роковую роль в дискредитации и десакрализации царской власти, и в конечном итоге – в ее падении.

Примечания

- ¹ См.: Колоницкий Б.И. «Политическая порнография» и десакрализация власти в годы Первой мировой войны (слухи и массовая культура) // Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998; Он же. К изучению механизмов десакрализации монархии. Слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны // Историк и революция: Сб. статей к 70-летию Олега Николаевича Знаменского / Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб., 1999. С. 72–86; Он же. Политическая порнография: случай России (1914–1917). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.leontief.ru/inc2/articles/237/307/basket/kolonizkii.pdf>.
- ² Кара-Мурза С.Г. Гражданская война 1918–1921 гг. – урок для XXI века. М., 2003. С. 38.
- ³ Колоницкий Б.И. Политическая порнография: случай России (1914–1917).
- ⁴ Александра Федоровна – принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская – она и до войны с Германией не пользовалась пониманием и любовью российских подданных, а с началом Первой мировой войны ее образ стал прочно ассоциироваться с «гессенской мухой» – насекомым-вредителем, уничтожающим посевы злаков. Аллегорический образ насекомого-вредителя не оставлял сомнений во вредительских действиях императрицы по отношению к России.
- ⁵ См.: Колоницкий Б.И. Политическая порнография: случай России (1914–1917).
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2524. Л. 97а.
- ⁹ Колоницкий Б.И. Политическая порнография: случай России (1914–1917).
- ¹⁰ Колоницкий Б.И. Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны. М., 1998. С. 58.
- ¹¹ Колоницкий Б.И. Политическая порнография: случай России (1914–1917).
- ¹² Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 80.
- ¹³ Колоницкий Б.И. Политическая порнография: случай России (1914–1917).
- ¹⁴ Речь. 1917. 18/31 марта.

- ¹⁵ Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. С. 80.
¹⁶ Миллюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 194.
¹⁷ Ганелин Р.Ш. Государственная дума и правительственная власть в перлюстрированной переписке кануна 1917 г. // Отечественная история. 1997. № 1. С. 150.
¹⁸ Колоницкий Б.И. Политическая порнография: случай России (1914–1917).
¹⁹ Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 151.
²⁰ Там же. С. 152.
²¹ Там же.
²² Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: В 7 т. М.; Л., 1924–1927. Т. 6. С. 344.
²³ Там же.
²⁴ Там же. С. 345.
²⁵ А. Рей – известный архитектор, натурализованный француз, переехавший в Германию и находившийся в дружеских отношениях с Вильгельмом II.
²⁶ Падение царского режима. Т. 6. С. 344–345.
²⁷ Там же. С. 345.
²⁸ В бытность А.П. Извольского министром иностранных дел России к нему обратился германский посол Ф. Пурталес с заявлением о попытке подкупа одного из сотрудников «Нового Времени». При этом указывалась

- довольно солидная цифра (около 800.000 руб.), которая была дана в распоряжение Пурталеса для этой цели. Посредником в этой операции был И.Ф. Манасевич-Мануйлов, который и озвучил это предложение.
²⁹ «Neue Freie Presse».
³⁰ Падение царского режима. Т. 6. С. 346.
³¹ Там же. С. 368.
³² Завадский С.В. На великом изломе. (Отчет гражданина о пережитом в 1916–17 годах) // Архив русской революции: В 22 т. М., 1991. Т. 11. С. 50.
³³ Аврех А.Я. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки. Т. 118. М., 1990. С. 88.
³⁴ Руднев В.М. Правда о царской семье // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 39, 57.
³⁵ Падение царского режима. Т. 2. С. 54.
³⁶ Романов А.Ф. Император Николай II и Его правительство (По данным Чрезвычайной следственной комиссии) // Русская летопись. Париж. 1922. Кн. 2. С. 20.
³⁷ См.: Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг., 1923. Т. 3. С. 347; 1926. Т. 4. С. 50.
³⁸ Блок А.А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 341–342.
³⁹ Падение царского режима. Т. 6. С. 369–370.
⁴⁰ Там же. С. 370.

УДК 94(47).084.5+821.161.1.09+929 [Буденный+Бабель]

БУДЕННЫЙ ПРОТИВ БАБЕЛЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛЕМИКИ (Статья первая)

Ю.В. Парсамов

Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: parsamov@gmail.com

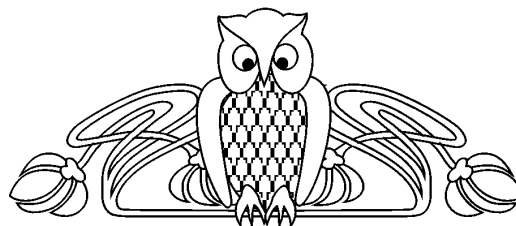
Работа посвящена изучению политического фона статьи С.М. Буденного «Бабизм Бабеля». На основе архивных документов устанавливается, что осенью 1924 г. готовилась крупная политическая кампания, направленная против главного редактора журнала «Красная новь» А.К. Воронского, которая, в свою очередь, должна была стать частью более широкой кампании против члена политбюро Л.Д. Троцкого. Инициатором статьи Буденного, а также ряда других неопубликованных материалов против «Конармии» Бабеля был К.Е. Ворошилов, ближайший сторонник Сталина в борьбе за власть. Помощниками Ворошилова и непосредственными исполнителями в этом деле были военный прокурор С.Н. Орловский и писатель А.И. Тарасов-Родионов.

Ключевые слова: Конармия, Гражданская война, политика, общественная жизнь, журнал.

Budyonny Versus Babel: Political Aspects of Controversy

Yu.V. Parsamov

The paper deals with the political background of S.M. Budyonny's essay The Babism of Babel. Based on archival documents it establishes

the fact of major political campaign against A.K. Voronsky, the Chief Editor of the magazine Krasnaya Nov being prepared in the autumn 1924. That campaign was only a part of the wider campaign aimed against L.D. Trotsky, the member of Political Bureau. K. Ye. Voroshilov, the closest Stalin's supporter in his struggle for power, initiated Budyonny's essay as well as the number of yet unpublished works against Babel's Red Cavalry. S.N. Orlovsky, a military prosecutor and A.I. Tarasov-Rodionov, a writer were Voroshilov's assistants and actual authors of the article.

Key words: Red Cavalry, Civil war, policy, social life, magazine.

В третьем номере журнала «Октябрь» (сентябрь–октябрь) за 1924 г. в разделе «Наша трибуна» была опубликована статья С.М. Буденного «Бабизм Бабеля из «Красной нови»». Написанная в характерном для журнальной полемики тех лет грубом стиле («большой садист», «дегенерат»), переходящем в политический донос («идеологически чуждый нам <...> гр. Бабель не мог видеть величайших сотрясений классовой борьбы» и т.д.), статья эта имела широкий резонанс и почти сразу же обросла множеством литературных мифов и легенд. Рассказывали, например, что Буденный, встретив Бабеля на каком-то большом

приеме, погнался за ним с саблей вокруг стола¹ или, однажды проезжая в открытой машине мимо А.К. Воронского, печатавшего Бабеля в «Красной нови», Буденный «сильно выругался: “И тебя и твоего Бабеля надо выдрать арапником!”»². Однако при всем внешнем комизме ситуации и у Бабеля, и у покровительствующего ему А.М. Горького были основания опасаться, что за литературной вылазкой Буденного скрывается нечто большее, чем личное мнение некомпетентного в вопросах литературы командарма. Для писателей речь шла в первую очередь о недопустимости применения к литературе внелитературных критериев. Это и заставило Горького выступить в защиту Бабеля и включиться в полемику с Буденным на страницах «Правды». Сам Бабель, назвав в личном письме к А.Г. Слоним ответ Буденного Горькому «документом, полным зловонного невежества и унтер-офицерского марксизма»³, в полемике не участвовал.

В исследовательской литературе эта история традиционно замыкается на Буденном. Так, например, А. Геребен верно отмечает, что Буденный «не был в данное время “самостоятельной политической” фигурой, в борьбе этой если он и принимал, то весьма пассивное участие, но удар “рикошетом” по Воронскому был нанесен весьма ощутимый»⁴. Однако дальше констатации факта автор не идет и не поясняет, кто же тогда принимал *активное* участие и почему понадобилось «рикошетом» бить по Воронскому. Не проясняют ни одного из этих вопросов ни статья Г.С. Меркина, специально посвященная данной проблеме⁵, ни новейшая биография Бабеля, написанная немецким исследователем Р. Круммом⁶. Не лучше обстоят дела и у специалистов по Буденному. Оба его биографа А. Золототрубов и Б. Соколов ограничиваются лишь изложением общеизвестных данных по этой проблеме⁷.

Итак, обратимся еще раз к статье Буденного. Этот небольшой документ четко делится на две части. Первая содержит в себе брань в адрес Бабеля и ничего особо интересного собой не представляет. Гораздо интереснее часть, где «автор» переходит на личность Воронского как редактора «Красной нови». Буденного «удивляет», «как мог наш советский художественно-публицистический журнал, с ответственным редактором коммунистом во главе, в 1924 г. у нас в СССР допускать петь подобные песни. Не проверив их идеологического смысла и исторически-правильного содержания». И далее: «Неужели т. Воронский так любит эти вонючие бабы-бабелевские пикантности, что позволяет печатать безответственные небылицы в столь ответственном журнале, не говорю уже о том, что т. Воронскому отнюдь не безызвестны фамилии тех, кого дегенерат от литературы Бабель оплевывает художественной слюной классовой ненависти»⁸.

Это место нуждается в обстоятельном комментарии. Непредвзятый читатель тех лет,

следящий за периодической печатью, должен был испытать удивление. Во-первых, поражала литературная осведомленность командарма, успевшего почитать М.П. Арцыбашева (Санина), А.И. Куприна, а также А.С. Суворина, П.Н. Миллюкова и А.И. Деникина. Во-вторых, неясно было, почему именно «Красная новь» вызвала такой гнев командарма. Да, на ее страницах в 1923–24 гг. в четырех номерах (7-м за 1923 и 1-м, 3-м и 4-м за 1924 гг.) было опубликовано 15 рассказов из цикла «Конармия», включающего в себя 35 рассказов, причем только 9 из них увидели свет впервые, остальные были перепечатаны из «Известий Одесского губисполкома». К тому времени Бабель уже не был начинающим писателем. Даже если не брать в расчет его одесские публикации, труднодоступные для широкого читателя, то все равно в различных столичных журналах рассказы из «Конармии» публиковались раньше, чем в «Красной нови». Для сравнения: их было опубликовано 14, т.е. почти столько же, сколько и в «Красной нови». Особенно охотно эти рассказы печатал «Лэф» (6 рассказов). При этом сам Бабель, по воспоминанию В.Б. Шкловского, «считал это началом своей настоящей литературной судьбы»⁹.

Впрочем, можно предположить, что Буденный, кроме «Красной нови», никаких других печатных изданий в руках не держал и о существовании Бабеля узнал лишь из этого журнала. Но в таком случае, куда смотрела редакция, состоящая из А.И. Безыменского, Ф.А. Березовского, Л.Г. Лелевича, Ю.Н. Либединского, С.А. Родова и А.И. Тарасова-Родионова, которые Бабеля знали очень хорошо, а некоторые из них совсем недавно приветствовали его появление в литературе в своем журнале «На посту». Они-то уж наверняка могли «открыть глаза» разгоряченному командарму и объяснить ему, что ответственность за публикации Бабеля «Красная новь» разделяет не только с Лэфом, но и с «30 днями», «Огоньком» и даже газетой «Правда». Почему же они этого не сделали, и почему даже в названии статьи Буденного было акцентировано «из “Красной нови”»? Здесь возможно несколько объяснений. Либо редакция «Октября» намеренно утаила от командира Первой конной, что Бабель «клеветал» на его армию не только в «Красной нови», либо в их интересы входила атака именно на этот журнал. Первое предположение вряд ли может быть принято. Зачем оставлять в заблуждении Буденного, ведь читателя журналов все равно не обманешь, и у него все равно появится вопрос: «Почему именно из “Красной нови”?». Значит, остается второе – удар сознательно наносился по журналу Воронского. Но с какой целью? Конечно, причин для этого было много. Группа «Октябрь» давно вела борьбу с литературным направлением Воронского. Еще в 1923 г. ими был запущен в литературный оборот термин «вороновщина» и т.д. Осенью того же года группа «Октябрь» заключила соглашение с идейно близкой к ней

группой Леф¹⁰. Именно с этого журнала начинается литературная известность Бабеля. Его переход в 1924 г. во враждебную «Красную новь» мог быть воспринят как ренегатство, и таким образом было бы вполне естественно обрушиться одновременно и на Бабеля, и на «Красную новь». Но внутрিলитературно-журнальные склоки вовсе не предполагали втягивание в них Буденного, человека бесконечно далекого от литературы, или, во всяком случае, для такого втягивания нужны были совершенно особые причины, выходящие за пределы журналистики и литературы. И причины эти следует искать в плоскости политической борьбы осени 1924 г.

Вся первая половина года ушла на форсированное создание посмертного культа В.И. Ленина. Для дальнейшей борьбы за власть, давно ведущейся между членами политбюро, было необходимо наличие некоего абсолютного носителя истины (естественно, мертвого), для того чтобы, обвиняя противника в несоответствии этому абсолюту, можно было, с одной стороны, наносить ему чувствительные удары, а с другой – демонстрируя собственную верность и полную готовность горячо защищать «абсолютную» истину, наращивать собственный политический капитал. Осенью 1924 г. началась очередная кампания по дискредитации Л.Д. Троцкого, находившегося в то время в Кисловодске. Непосредственным поводом послужила написанная им книга «Уроки Октября», вызвавшая бурную полемику в партийной печати. Подчеркивая собственную роль в октябрьском перевороте, а заодно напоминая партийным кругам, что из большевиков только он и Ленин осенью 1917 г. последовательно проводили курс на вооруженное восстание, Троцкий недвусмысленно давал понять, что именно он является единственным политическим наследником Ленина.

После того как Ленин осенью 1923 г. утратил дееспособность, Троцкий фактически оказался самым могущественным и влиятельным членом политбюро. Он контролировал армию и флот как председатель Реввоенсовета и нарком по военным и морским делам, и вместе с тем проводил активную литературную политику. Публикации его литературно-критических статей сначала в «Правде», а затем в отдельном сборнике представляли собой официальную политику партии в области литературы и служили руководством для писателей. И.В. Сталин, ставший в 1922 г. генсеком, начал аппаратные игры по лишению Троцкого этих двух рычагов влияния. На протяжении 1923–1924 гг. Сталин постепенно добивается расширения состава Реввоенсовета за счет включения в него своих людей и соответственно уменьшения удельного веса сторонников Троцкого. Первым крупным достижением Сталина в этом направлении стало смещение с поста заместителя председателя Реввоенсовета в марте 1924 г. Э.М. Склянского, одного из ближайших

людей Троцкого. Еще более значительной победой Сталина стала замена в должности командующего Московским военным округом Н.И. Муралова, близкого друга Троцкого, К.Е. Ворошиловым, всецело преданным Сталину, в мае 1924 г. появление Ворошилова в Реввоенсовете Республики и во главе Московского военного округа имело для Сталина тем большее значение, что Ворошилов лично ненавидел Троцкого. Истоки этой ненависти восходят к периоду Гражданской войны, когда Ворошилов возглавлял так называемую «царицынскую оппозицию», направленную против строительства централизованной армии¹¹. Ворошилов очень хорошо усвоил, что его военная карьера полностью зависит от Сталина¹², и что его перевод в Москву в первую очередь нужен Сталину для борьбы против Троцкого. Бывший член реввоенсовета Первой конной армии в 1924 г. пользовался весьма сомнительной репутацией, как и сама армия. К тому времени ее еще не овеяла романтическая легенда непобедимости и героизма. Скорее, с ней ассоциировались эксцессы бандитизма, неизбежные в любой войне. Сам Ворошилов вынужден был признать: «Бойцы знают, что их в тылу называют бандитами»¹³. Партийная и военная верхушка хорошо помнила события сентября – октября 1920 г., когда конармейцами были убиты комиссар 6-й дивизии Г. Шепелев и «несколько лиц комсостава»¹⁴. Шепелев был убит при попытке остановить еврейские погромы, которые проводились под лозунгами «бей жидов, коммунистов, комиссаров и спасай Россию»¹⁵. С арестами и расстрелом рядовых участников погромов вопрос был закрыт. Карьера Ворошилова благодаря Сталину быстро пошла вверх. Сталину нужны были наверху свои люди для ослабления позиций Троцкого. Правда, Ворошилов не мог бороться с Троцким идеологически. В марксизме, как, впрочем, и других теоретических вопросах, он не был силен, но Конармия была, безусловно, его темой. Поэтому публикация Воронским бабелевских рассказов в «Красной нови» стала подходящим моментом, для того чтобы, нанеся удар по Воронскому, косвенно ударить и по Троцкому¹⁶. Кроме того, на развенчании Бабеля можно было начать «канонизацию» Конармии как героической и непобедимой и тем самым нажать себе политический капитал, превратившись из высокопоставленного чиновника с сомнительным прошлым в легендарного военкома. Таким образом, заказ со стороны Сталина, если допустить, что он имел место, вполне соответствовал интересам самого Ворошилова.

Не следует упускать из виду и то, что героизация Первой конной способствовала также повышению военного престижа самого Сталина и одновременно била по военной репутации Троцкого. Последний, как известно, в отличие от первого был противником формирования конных армий. Позже, в разгар борьбы с троцкизмом, расхождение их в этом вопросе всячески подчер-

кивалось как пример сталинской правоты. Так, на общем собрании землячества Первой конной 24.1.1932, когда уже легенда окончательно сложилась, подчеркивалось: «Мы должны показать, что мы прежде всего большевики и никогда с троцкизмом наша Конная Армия не была связана и вопреки троцкизму была создана против него. Все конармейцы знают, что Троцкий был против формирования и организации Первой Конной, т. Сталин был за это. Когда ему Троцкий и троцкисты доказывали своей ученостью, что не было в истории таких больших конных масс, у Мурата <sic!> было только 5 тысяч, и он им указывал: “А Чингисхан имел сотни тысяч, это было, вы не знаете истории, почему нам не иметь такой конницы”. Только железной волей Сталина она была создана, причем конноармейцы знают, что РВС Республики не утвердил нашего существования, и до сих пор нет документа об этом. Наша Конная армия была санкционирована, и сделано было это т. Сталиным под его ответственностью»¹⁷.

Эти слова при всем их идеологическом перекосе в принципе правильно отражают суть дела. Троцкий всегда подозрительно относился и к коннице и к крестьянству. По его мнению, «конница была самым реакционным рядом <sic!> войск и дольше всего поддерживала царский режим»¹⁸. Что касается крестьянства, то в конце жизни, подводя итог своих размышлений на эту тему, Троцкий писал: «Бесформенный обломок средневековья в современном обществе, крестьянство не может иметь самостоятельной политики, оно нуждается в вожде со стороны»¹⁹. Поэтому старая кавалерия, состоящая главным образом из богатых крестьян и казаков, казалась Троцкому вдвойне подозрительной. В противовес ей он выдвинул идею пролетарской конницы, бросив клич «Пролетарии, на коня». Однако реальное формирование красной кавалерии шло вопреки идеологическим установкам Троцкого. Первая Конная была далеко не пролетарским соединением. Поэтому ее дальнейшая канонизация стала одним из аргументов в борьбе с троцкизмом.

Есть все основания полагать, что именно Ворошилов был инициатором статьи Буденного. Во всяком случае, как будет видно из дальнейшего изложения, она готовилась в непосредственном окружении Ворошилова. В печать статья была сдана не позже сентября 1924 г.²⁰, т.е. до того, как Троцкий окончил «Уроки Октября». Замысел был следующий. Статья Буденного в «Октябре» должна была открывать полемику. Вслед за ней в редакцию «Правды» и Политбюро должны были поступать письма и статьи от «возмущенных» конармейцев. Кульминацией же всего этого должен был стать погромный доклад Ворошилова в ЦК. Понятно, что Ворошилов, не очень владевший пером, выступал лишь в роли заказчика. Непосредственными исполнителями были С.Н. Орловский и А.И. Тарасов-Родионов.

Сергей Николаевич Орловский (1891–1935) – один из ближайших к Ворошилову людей. Выпускник юридического факультета Московского университета, участник Первой мировой войны, Орловский сразу же после февральской революции перешел на сторону революционизированных солдат, возглавлял комитет 10-й стрелковой дивизии Юго-Западного фронта, затем военно-революционный комитет при 4-м Сибирском корпусе. В 1918 г. он становится членом РКП(б). В начале 1919 г. добровольно вступает в Красную армию. Видимо, тогда же состоялось его знакомство с Ворошиловым. Летом 1919 г. по заданию последнего Орловский во главе пехотной группы прикрывал отход 14-й Красной армии от Екатеринослава, попал в окружение, был отрезан, но сумел прорваться и выбраться к своим с ценными сведениями о расположении белых частей, за что был награжден орденом Красного Знамени. С этого момента его судьба и карьера тесно связана с судьбой Ворошилова. В конце 1919 г. Орловский был назначен секретарем РВС Первой конной армии. По окончании Гражданской войны Ворошилов становится главнокомандующим Северо-Кавказского военного округа, а Орловский – его военным прокурором. В 1924 г. Ворошилов назначается командующим Московским военным округом, Орловский – соответственно его военным прокурором. Его карьера достигнет пика в 1930 г., когда он станет Главным военным прокурором РККА²¹. Орловскому принадлежит ряд работ на тему революционной законности²². Кроме того, он возглавляет литературно-художественную секцию землячества Конармии и выступает как ее летописец и мифолог²³. Секция занималась «популяризацией Конармии и произведений о ней»²⁴. На Орловского была возложена обязанность «проследить за правильным распределением литературы о Конармии»²⁵. Вся литературная работа Орловского по Конармии, начиная от первых антибабелевских опусов, велась под непосредственным контролем и руководством Ворошилова. После ранней смерти Орловского все его «конармейские» бумаги оказались в руках Ворошилова и теперь составляют часть архива последнего. По ним, в частности, можно судить, как должна была развертываться журнальная кампания против Бабеля и Воронского. Подробнее об этом речь пойдет в следующей статье.

Примечания

- 1 См.: Воспоминания о Бабеле. М., 1989. С. 210.
- 2 Крумм Р. Исаак Бабель. Биография. М., 2008. С. 85.
- 3 Бабель И. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 291.
- 4 Геробен А. «Конармия» И. Бабеля в литературной критике 20-х годов // Slavica. XX. Debrecen, 1984. С. 128.
- 5 См.: Меркин Г.С. Буденный и И. Бабель (К истории полемики) // Филологические науки. 1990. № 4. С. 97–102.

- ⁶ См.: Крумм Р. Указ. соч. С. 84–86. Следует заметить, что источники, которые мы вводим в научный оборот, известны данному автору, но почему-то в его монографии они не получили освещения.
- ⁷ См.: Золототрубов А. Буденный. М., 1983. С. 194–196; Соколов Б. Буденный. М., 2007. 151–154.
- ⁸ Октябрь. 1924. № 3. С. 197.
- ⁹ Воспоминания о Бабеле. С. 188.
- ¹⁰ См.: Шешуков С. Неистовые ревнители. М., 1984. С. 40.
- ¹¹ См.: Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии: В 2 т. Т. 2. М., 1992. С. 172–173; *Он же*. Сталин: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 90.
- ¹² Выступая в Ростове в ноябре 1921 г. на собрании бойцов, командиров и политработников 1-й Конармии по случаю ее двухлетней годовщины, Ворошилов, как бы заглядывая в будущее и нарушая действующую на тот момент партийную иерархию, заявил: «Сталин немногим известен, а вместе с тем, это одна из величайших в истории личностей. Он является вторым лицом в нашей Республике. Во время гражданской войны он проявил недюжинный талант стратега, а также он впервые своим светлым чутьем и головой почувствовал необходимость создания такой крупной, сильной Конной Армии, которая могла бы противостоять вражьиим силам». Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 74. Оп. 2. Д. 73. Л. 48.
- ¹³ Там же. Л. 14 об.
- ¹⁴ Первая Конная армия: за кулисами славы // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 70. См. также: Веди ж, Буденный, нас смелее... Уголовное дело 1-й Конной // Совершенно секретно. 1998. № 8; *Поликарпов В.Д.* У истоков легенды о Буденном // На фронтах истории Гражданской войны. М., 2009. С. 26–86.
- ¹⁵ *Генис В.Л.* Первая Конная армия: за кулисами славы // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 71.
- ¹⁶ О взаимоотношениях Троцкого и Воронского и совпадении их эстетических позиций см.: *Динерштейн Е.А.* А.К. Воронский. В поисках живой воды. М., 2001.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 74. Оп.2. Д. 74. Л. 42.
- ¹⁸ *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 2. С. 68.
- ¹⁹ Там же. Т. 1. С. 118.
- ²⁰ Третий номер «Октября» датируется сентябрем–октябрем, т.е. к сентябрю номер был уже сверстан.
- ²¹ О его деятельности в этой должности и о загадочной смерти см.: *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 1. С. 24–29.
- ²² См.: *Орловский С.Н., Малкис В.Я.* Революционная законность и Красная армия. М., 1926; *Они же*. Что должен знать красноармеец о военном суде. М.; Л., 1928; *Они же*. Советское военное уголовное право: Учение о материальном и процессуальном военно-уголовном праве. М.; Л., 1930.
- ²³ См.: *Орловский С.Н.* Первая Конная армия. М., 1930; *Он же*. Десять лет 1-й Отдельной особой кавалерийской бригады имени И.В. Сталина. М., 1930; *Он же*. Великий год. Дневник конноармейца. М.; Л., 1930; *Он же*. В Первой Конной армии // На службе пролетарской революции: Сб. статей о К.В. Ворошилове. М., 1931.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 74. Л. 7. Под непосредственным наблюдением секции вышел фильм «Первая Конная», была написана и поставлена пьеса Вишневского «Конармия», написана поэма Алтайского «К.Е. Ворошилов», подготовлены и проведены пятидесятилетние юбилеи Ворошилова (1931), Буденного (1933).
- ²⁵ Там же. Л. 7–8.

УДК 940.5

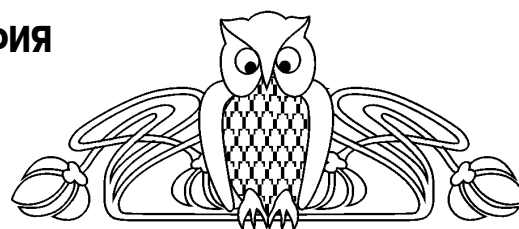
СОВРЕМЕННАЯ ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ЮЗЕФЕ ПИЛСУДСКОМ И САНАЦИОННОМ ЛАГЕРЕ

И.К. Ким

Волгоградский государственный педагогический университет
E-mail: kokes@mail.ru

Статья посвящена представлению в современной польской историографии Юзефа Пилсудского как организатора майского переворота 1926 г. в Польше, лидера санационного лагеря и создателя режима санации, а также характеристике самого санационного лагеря. Представляются оценки, содержащиеся в новейших исследованиях польских авторов по данным проблемам, обращается внимание на основные тенденции развития современной польской исторической науки.

Ключевые слова: Польша, история Польши, историография, политические отношения, майский переворот 1926 г. в Польше, Пилсудский, санация.

Contemporary Polish Historiography about Jozef Pilsudski and the Sanacja Camp

I.K. Kim

The article is devoted to the presentation in contemporary Polish historiography Jozef Pilsudski, as the organizer of the May 1926 coup d'état in Poland, the leader of the sanacja camp and creator of the sanacja regime, as well as the characteristics of the sanacja camp. In this article are presented the opinions of the Polish authors in the latest studies on those problems and the main trends of contemporary Polish history science.

Key words: Poland, history of Poland, historiography, political relations, May coup 1926 d'etat in Poland, Pilsudski, sanacja.

Современные польские исследователи нечасто обращаются к проблеме режима санации, существовавшего в межвоенной Польше в 1926–1939 годах. Обобщающие работы научно-популярного характера, затрагивающие эту проблему, написаны П. Вечоркевичем, В. Рошковским, Т. Наленчем, Я. Жарыном (его труд издан на нескольких языках, в том числе и на русском) и А. Чубиньским¹. Научные труды в основном посвящены узким темам: биографиям политических деятелей В. Сулея (о Пилсудском) и К. Кавальца (о Дмовском), историко-правовым вопросам А. Айненкеля, иным сюжетам П. Вечоркевича, Е. Томашевского и З. Ляндау, А. Чубиньского². Интерес представляют также «Энциклопедия истории Второй Республики», статьи в которой о Пилсудском и лагере санации написаны А. Хойновским, интервью этого же автора популярному историческому журналу, материалы конференции, посвящённой 80-летию майского переворота 1926 г.³, установившего режим санации.

На состояние современной польской историографии оказывает влияние политический фактор. Нынешняя III Республика в Польше считается правопреемницей не Польской Народной Республики, а межвоенной II Республики (1918–1939 гг.), большая часть которой приходилась на режим санации. По утверждению А. Грабского, польская историография ныне «находится под преобладающим давлением творящейся Истории». Трансформация строя в Польше создала для историографии «новые **шансы**, но также принесла ей новые **угрозы**». Первой из них А. Грабский называет опасность «**новой политизации историографии**», другой – «**депрофессионализация польского историописания**»⁴.

Отказ от официальной историографии способствовал плюрализму исторической науки с доминированием немарксистских направлений, близких к консерватизму и либерализму. «Политическому плюрализму в Польше соответствует множество исторических концепций, а историография может снова, так же как когда-то заняться профессиональными проблемами и методологическими дискуссиями»⁵, – подчёркивает П.С. Вандыч. По мнению А. Грабского, «самой важной задачей нашей современной историографии является потребность выработки нового, очищенного от окружающих его мифов, целостного образа Польши»⁶. Позитивистская традиция в польской историографии видна в высказывании Х. Парафьянович: «Историки должны добиваться внимания к фактам, а не заниматься интерпретациями, поскольку это политическая или идеологическая манипуляция»⁷.

В работах, посвящённых периоду режима санации, центральной фигурой по праву является Юзеф Пилсудский – организатор майского пере-

ворота 1926 г., создатель режима санации и лидер санационного лагеря. В данной статье будут представлены оценки и мнения современных польских авторов о нём и о возглавляемом им санационном лагере.

А. Хойновский полагает, что целью майского переворота для Пилсудского было создание прецедента подчинения президента Войцеховского, и если бы президент уступил, то «это открыло бы путь к такому вмешательству в будущем», Пилсудский «тогда не должен был бы выводить войска на улицу, но мог бы говорить “этого не позволяю”»⁸. Неудача этой военной антиправительственной демонстрации привела к кровопролитной смене власти и формированию диктаторского режима санации.

Современные польские авторы подчёркивают личный характер диктатуры Пилсудского. Польский вариант авторитаризма В. Сулея характеризует как «тесно связанный с личностью Пилсудского»⁹. П. Вечоркевич подчёркивает, что диктатура Пилсудского «опиралась исключительно на его личный авторитет»¹⁰. К. Кавалец отмечает, что после переворота штурвал управления перешёл «в руки личности всеми уважаемой и заслуженной, но находящейся над общественным мнением и не контролируемой в своих начинаниях»¹¹. Последнее подчёркивает также А. Хойновский, говоря о том, что Пилсудский в период своей диктатуры «встал над действующим правом»¹². Это стало возможным, в частности, благодаря харизме Пилсудского, о которой П. Вечоркевич пишет: «Маршал, наделённый харизматической индивидуальностью, мог объединять вокруг себя фанатичных сторонников»¹³. Я. Жарын отмечает позитивное восприятие Пилсудского польским общественным мнением: «Указывалось на патриотизм и бескорыстие маршала Пилсудского»¹⁴.

С точки зрения процессов, происходящих в современной польской историографии, представляет интерес дискуссия по проблеме отношения Пилсудского к демократии на конференции в Люблине. М.М. Дроздовский назвал «антиисторичным» представление об антидемократическом, авторитарном характере политической мысли Пилсудского. К. Олейник на вопрос: был ли Пилсудский демократом? – отвечал: «Я убеждён, что был...». В то же время другая часть исследователей высказалась против такого мнения. Т. Куляк отметила: «Говорить о демократизме человека, который считался гениальным вождем партии и мог дать соответствующий приказ и призвать к порядку, это говорить не о демократии». В. Парух обратил внимание на «отсутствие каких-либо позитивных высказываний о демократии» у Пилсудского, который «не замечал положительного в демократии, беспощадно критикуя всё, что касалось домайского периода». П. Вечоркевич, соглашаясь с такой точкой зрения, находил положительное в отсутствии приверженности Пилсудского демократии: «Я бы не видел в нём демократа и, слава

Богу. Считаю, что демократия в парламентском издании была несоответствующей» для недостаточно развитых государств типа Польши¹⁵.

Ошибки Пилсудского, ограниченность его возможностей нечасто упоминаются современными польскими авторами, чаще критикуется созданный им авторитарный санационный режим. Отвечая на вопрос: стремился ли Пилсудский к основательной перестройке Польши? А. Хойновский говорил в интервью: «По моему мнению, да, хотя может этого не смог. Вся трагедия Пилсудского основывалась на том, что он не умел систему, которую вводил, представить в рамках институционально-правовых гарантий. Он часто ждал, что оздоровление отношений в государстве принесёт смена людей, передача власти тем, у кого чистые руки. ... В то же время у него не было рецепта, чтобы её [мораль общественной жизни. – И.К.] изменить. Пока он правил, казалось, что этим овладеет. В последние годы жизни кризис этого стиля правления был связан с тем, что маршал не видел преемников, которые смогли бы править Польшей как он, гарантируя поддержание моральных стандартов в политике. И одновременно он не позаботился о том, чтобы создать новый правовой механизм выявления правящих элит». Тот же автор оценивает создание концентрационного лагеря в Березе как «пример беспомощности Пилсудского и его людей перед лицом проблем, с которыми боролась Польша»¹⁶, подчёркивая сохранение при диктатуре Пилсудского элементов демократии.

Упущением в деятельности Пилсудского А. Хойновский считает также то, что созданная им «система власти опиралась на межличностные отношения в правящей группе. Он в то же время не позаботился о гарантии стабильности этой системы на путях институционально-правовых решений... Тем самым, послемайская система оказалась мало прочной»¹⁷. А. Чубинский обращал внимание на иные негативные стороны правления Пилсудского: «Пилсудский избегал программных высказываний. Его программу, если она вообще существовала, не знали даже его ближайшие сотрудники»¹⁸.

Пилсудский в межвоенной Польше возглавлял лагерь своих сторонников, называвшийся пилсудчиковским, а после переворота – преимущественно санационным или санации. Сам термин «санация» в польской историографии используется исключительно для обозначения этого правящего с 1926 г. в Польше лагеря¹⁹.

Современные польские авторы указывают на высокую степень социальной и идейно-политической разнородности санационного лагеря, изменение соотношения сил между отдельными его группами и эволюцию этого лагеря. А. Хойновский пишет, что санационный лагерь «имел характер интеллигентско-чиновничий, его базой была бюрократия государст[венная] и самоуправленческая, как гражданская, так и воен[ная]... В

состав широко понимаемой элиты власти входили представители отдельных полит[ических] кругов, которые поддержали переворот при доминирующей позиции легионерско-пеовяцкой группы»²⁰, то есть легионеров, воевавших в 1914–1917 гг. вместе с Пилсудским на стороне германского блока против России, а также членов подпольной Польской военной организации (ПОВ), действовавшей на территории царства Польского против российских властей.

А. Чубинский обращал внимание на то, что в санационном лагере после переворота кроме пилсудчиков, «происходящих из движения социалистического и легионерско-пеовяцкого», оказались представители совершенно иных политических сил (консерваторы, людовцы и бывшие эндеки). Все группы лагеря «отличались между собой как с точки зрения социальной, так и идейно-политической», а объединяла их «вера в Пилсудского». В первые годы существования режима, по мнению того же автора, было несколько идейно-политических ориентаций в лагере: «фашизирующая группа полковников с п[о]лк[овником] Валеры Славекком во главе», «помещичье-консервативная группа с кн[язем] Янушем Радзивиллом», «социалистическо-синдикалистское течение с Енджеем Морачевским» и «либерально-демократическая группа с проф[ессором] Казимежем Бартемом во главе». До 1930 г. эти группы боролись между собой, а в 1930–1935 гг. «доминирующие позиции получила группа полковников»²¹.

Исследовательница Т. Куляк полагает, что «говорить о пилсудчиках весь период межвоенного двадцатилетия – это говорить именно о времени и группе людей, которые меняются. Термин оставался, в то же время это были другие люди и они имели другие цели...»²². В. Рошковский указывал на то, что правящий лагерь был «очень разнородной политической силой» и «эволюционизировал вправо»²³. А. Айненкель обращает внимание на то, что на трансформацию государственного устройства с 1926 г. «будут оказывать воздействие всё большее влияние концепции правящего лагеря, перемещающегося по вопросам устройства всё более чётко на правые позиции»²⁴.

Польские авторы в целом сходятся во мнении, что после смерти Пилсудского в 1935 г. начинается последний этап эволюции лагеря его сторонников, сопровождавшийся усилением разногласий между тотализирующей и либеральной группировками, а также уходом из лагеря санационной левицы, трансформацией социальной базы лагеря. В 1935–1939 гг. большинство авторов отмечают усиление в санационном лагере тоталитарных сил и националистических (эндецких) идей вместо государственных, что нашло выражение в создании в 1937 г. новой проправительственной организации Лагеря национального объединения (ОЗН). Его базой, по мнению П. Вечоркевича, «должна была стать

государственная администрация, проправительственные профессиональные союзы, а также самые разнородные организации и общества общественные, культурно-просветительские или филантропические вместе с такими, как Союз слепых или домашних хозяек. Хотя количество завербованных таким образом членов шло на сотни тысяч, и даже миллионы, они не создавали нового политического качества. Чтобы его получить, в Лагерь кооптировали раскольников из оппозиционных партий»²⁵.

А. Айненкель полагает, что во второй половине 1930-х гг. часть лагеря переживала эволюцию, которая «сближала её с националистической идеологией эндеции»²⁶. Е. Томашевский и З. Ляндау считают, что после 1935 г. начался «постепенный поворот части политиков правящей группы в направлении открытого национализма»²⁷, что отразилось в программе ОЗН. «Программа ОЗН свидетельствовала о желании расширить базу власти сторонниками национального лагеря. ... ОЗН соперничал с эндецией, перенимая её программу. В политической мысли ОЗН появились элементы до сих пор чуждые пилсудчикам. Государственническая идеология была заменена национализмом. ... В программе ОЗН появился также неотделимо сопровождающий национализм антисемитизм», – пишет Т. Наленч. Он же добавляет о следствиях такой трансформации лагеря: «Тоталитарные и националистические склонности ОЗН... дали результат противоположный желаемому. Они должны были усилить базу власти, а привели к углублению декомпозиции». В результате многие сторонники Пилсудского посчитали действия правящей группы «предательством идей Маршала», что стало причиной глубоких трещин в лагере санации во второй половине 1930-х гг.: «Полковников» поражал отказ от государственнической идеологии и копирование лозунгов эндеции. Оживилась также пилсудчиковская левизна, обеспокоенная эволюцией ОЗН к тоталитаризму. Протестующие круги интеллигенции обратились к демократическим корням пилсудчиковского лагеря»²⁸.

На особенность организации санационного лагеря обращает внимание А. Хойновский: «Пилсудчики не были в состоянии создать сильную партию. Они не имели традиции объединения в партию, были скорее конспиративной группой, группой закулисного влияния»²⁹. Это сказалось на организационных формах лагеря в период режима санации, который не сформировал собственной политической партии, а довольствовался квазипартийными структурами. Т. Наленч показывает разницу между двумя такими структурами, главными организациями санационного лагеря – Беспартийным блоком сотрудничества с правительством (ББВР, 1928–1935 гг.) и ОЗН (1937–1939 гг.): первый был «разрозненной федерацией групп самого разного обличья, в то же время ОЗН опирался на единую структуру, жёстко

иерархизированную, управляемую военными методами. В нём не было места для какой бы то ни было разнородности. Всё руководство формировалось назначением, в то время как в ББВР действовал принцип выборности»³⁰.

Тем самым для современной польской историографии характерен отход от однозначно негативных оценок личности Ю. Пилсудского и его деятельности, существовавших в официальной историографии Польской Народной Республики. Признавая авторитарность его правления, недемократизм взглядов и методов правления, польские авторы дают ныне в целом положительную оценку его деятельности, в том числе доказывая, что его правление было лучшим из возможных вариантов развития межвоенной Польши. Современные оценки санационного лагеря также отошли от однозначно отрицательных, характерных для эпохи ПНР. При этом в отличие от самого лидера этого лагеря в современной польской историографии оценки санационного лагеря не отличаются позитивностью. Внимание обращается на высокую степень социальной и идейно-политической неоднородности лагеря, борьбу отдельных его групп, а также чётко выраженную эволюцию в правонационалистическом направлении, которая после смерти Пилсудского привела к расколу этого лагеря. В оценках и выводах лагеря санации можно усматривать определённую связь с результатами изучения этого лагеря в предыдущую историческую эпоху.

Примечания

- ¹ Ejsler J., Szwarc A., Wiczorkiewicz P. Polska. Dzieje polityczne ostatnich dwustu lat. Warszawa, 1997; Roszkowski W. Najnowsza historia Polski. 1914–1945. Warszawa, 2003; Historia Polski. Т. 11. Polska 1831–1939. Warszawa, 2007; Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я. История Польши с древнейших времён до наших дней. Варшава, 1995; Czubiński A. Historia Polski. 1864–2001. Wrocław e. a., 2002.
- ² Suleja W. Józef Piłsudski. Wrocław e. a., 2004; Kawalec K. Roman Dmowski. 1864–1939. Wrocław e. a., 2002; Ajnenkiel A. Konstytucje polskie. 1791–1997. Warszawa, 2001; Wiczorkiewicz P. Historia polityczna Polski. 1935–1945. Warszawa, 2005; Tomaszewski J., Landau Z. Polska w Europie i świecie. 1918–1939. Warszawa, 2005; Czubiński A. Stronictwo Demokratyczne (1937–1989). Zarys dziejów. Poznań, 1998.
- ³ Encyklopedia historii Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1999; Siła i bezradność Piłsudskiego. Rozmowa z Prof. Andrzejem Chojowskim // Mówią wieki. Magazyn Historyczny. 2006. № 5/6; Zamach stanu Józefa Piłsudskiego 1926 roku. Lublin, 2007.
- ⁴ Grabski A. Zarys historii historiografii polskiej. Poznań, 2000. S. 224, 246.
- ⁵ Ibid. S. 244–245.
- ⁶ Ibid. S. 246.
- ⁷ Zamach stanu Józefa Piłsudskiego. S. 485.

- ⁸ Siła i bezradność Piłsudskiego. S. 12.
- ⁹ *Suleja W.* Op. cit. S. 358.
- ¹⁰ *Ejsler J., Szwarc A., Wieczorkiewicz P.* Op. cit. S. 103.
- ¹¹ *Kawalec K.* Op. cit. S. 250.
- ¹² Encyklopedia. S. 300.
- ¹³ *Ejsler J., Szwarc A., Wieczorkiewicz P.* Op. cit. S. 103.
- ¹⁴ *Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я.* Указ. соч. С. 248.
- ¹⁵ Zamach stanu Józefa Piłsudskiego. S. 446, 471, 473–474.
- ¹⁶ Siła i bezradność Piłsudskiego. S. 13, 15.
- ¹⁷ Encyklopedia. S. 301.
- ¹⁸ *Czubiński A.* Stronnictwo... S. 19.
- ¹⁹ Encyklopedia. S. 396.
- ²⁰ Encyklopedia. S. 396.
- ²¹ *Czubiński A.* Stronnictwo... S. 18–21.
- ²² Zamach stanu Józefa Piłsudskiego. S. 471.
- ²³ *Roszkowski W.* Op. cit. S. 279.
- ²⁴ *Ajnenkiel A.* Op. cit. S. 198.
- ²⁵ *Wieczorkiewicz P.* Op. cit. S. 6.
- ²⁶ *Ajnenkiel A.* Op. cit. S. 225.
- ²⁷ *Tomaszewski J., Landau Z.* Op. cit. S. 124.
- ²⁸ Historia Polski. S. 419.
- ²⁹ Siła i bezradność Piłsudskiego. S. 11.
- ³⁰ Historia Polski. S. 418.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 274.5 (470.44) (09) + 929 Фесслер

И.А. ФЕССЛЕР В ПОВОЛЖЬЕ: О ЧЕМ «ЗАБЫЛ» АВТОР МЕМУАРОВ

Д.В. Горбачев

Саратовский государственный университет
E-mail: dmitr87@inbox.ru

Статья представляет собой первый в отечественной и европейской историографии пример критического анализа мемуаров немецкого мыслителя, общественного и религиозного деятеля, литератора и масона И.А. Фесслера, касающихся его пребывания в Саратовском Поволжье в 1810–1820-х гг. Автор статьи ставит целью оценить степень информативности и достоверности мемуаров, для этого выясняя, о каких темах Фесслер предпочёл умолчать (обстоятельства его переезда в Саратовскую губернию из Петербурга, саратовское масонство, конфликты, связанные с церковной жизнью поволжских немцев).

Ключевые слова: И.А. Фесслер, мемуары, анализ источника, поволжские немцы, масонство, церковное управление.

I. A. Fessler in Volga Region

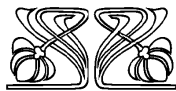
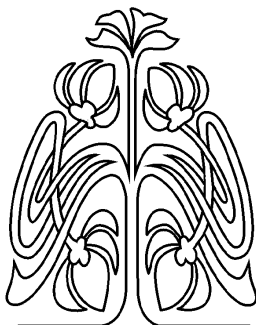
D.V. Gorbachev

In Russian and European historiography D. V. Gorbachev's article presents the first example of a critical analysis dealing with memoirs of I. A. Fessler, being a German thinker, public and religious figure, writer and freemason. The author purposes to estimate the reliability of information about Fessler's stay in Saratov Volga region in 1810–1820th which is described in these memoirs. In connection with this aim author ascertains the subjects, which are passed by Fessler over (circumstances of his journey from St. Petersburg to Saratov province, Saratov Freemasonry, conflicts connected with a church practice of the Volga Germans).

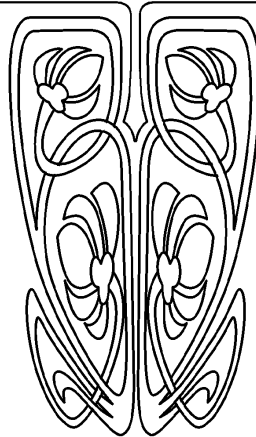
Key words: I. A. Fessler, memoirs, sources analysis, the Volga Germans, Freemasonry, Church administration.

Жизненный путь некогда хорошо известного в России и Европе немецкого мыслителя и писателя, доктора теологии Игнатия Аврелия (в монашестве – Иннокентий) Фесслера тесно связан с историей Саратовского Поволжья.

Фесслер оставил после себя мемуары, которые всегда служили едва ли не самым важным источником для его биографов. Данные мемуары под названием «Воспоминания о моих семидесятилетних скитаниях»¹ были целиком созданы в Саратовской губернии, где Фесслер находился с 1811 года. Однако та их часть, что касается его пребывания в Саратове, практически не была использована исследователями, поскольку как самостоятельной проблемой изучением деятельности Фесслера в Поволжье практически никто не занимался². Исследователи же, которые в своих работах все же упоминали о Фесслере в связи с историей Саратовской губернии, мало интересовались собственно биографией Фесслера и опирались на иные источники, содержащие либо официальную информацию о его деятельности на посту руководителя Саратовской евангелической консистории, либо проливавшие свет на его тайные масонские предприятия³. Даже наиболее с научной точки зрения обстоятельное и современное исследование жизни и деятельности Фесслера, принадлежащее перу австрийского исследователя Петера Ф. Бартона⁴ весьма поверхностно и фрагментарно использует

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

этот источник. П.Ф. Бартон черпает из мемуаров Фесслера «исторические факты», не пытаясь (да и не имея порой возможности) сопоставить их с данными других источников и поставить вопрос о полноте и достоверности сообщаемых автором событий. Для П.Ф. Бартона мемуары Фесслера остались практически единственным источником информации о пребывании Игнатия Аврелия в Саратовском крае⁵.

Таким образом, та часть мемуаров Фесслера, которая касается его пребывания в Саратовском Поволжье, до сих пор практически подвергалась критическому анализу, а содержащаяся в ней информация крайне слабо использована в научной работе.

В настоящей статье и предпринимается попытка восполнить эту лагуну. При этом интересна не только фактологическая сторона вопроса (насколько достоверны и полны воспоминания Фесслера), но и содержащиеся в мемуарах философские размышления, позволяющие нам лучше понять некоторые аспекты его мировоззрения.

Первое, что обращает на себя внимание – масон Фесслер ни слова не упомянул о саратовском масонстве. Фесслер «забыл» о ложе, основанной им в Саратове в 1815 г.⁶, которая к началу 1820-х гг. насчитывала более двадцати членов, среди которых были почти все должностные лица возглавляемой Фесслером Саратовской евангелической консистории, ряд русских офицеров, близких впоследствии к декабристским организациям. Это была одна из первых в России лож нового типа – неподконтрольная властям и полностью автономная, не входящая ни в какие масонские союзы⁷. Мемуары Фесслера были изданы в Бреслау в 1824 г., а в 1822 г. масонские ложи были запрещены в России императорским указом и афишировать свою принадлежность к братству стало небезопасно.

В воспоминаниях Фесслера о его пребывании в Саратовском крае преобладает беглое описание фактических событий, автор редко и скупко комментирует их обстоятельства или уточняет подробности. В мемуарах много смысловых пробелов, они порой откровенно фрагментарны и, как выясняется при знакомстве с другими источниками, далеко не полны. Так, Фесслер изображает свой переезд из Петербурга в Вольск как результат «высочайше дарованной свободы», которая позволила ему в провинциальной тиши плотней заняться научной работой⁸. Автор ничего не говорит о том, что его отъезд из столицы был по сути высылкой, которая явилась следствием неудачной попытки реформировать русское масонство, результатом масонских интриг и доносов, обвинений в политической неблагонадёжности и «безбожии»⁹.

Фесслер не скрывал того, что пост руководителя пансиона «ПроPILEи» в Вольске он рассматривал как sineкура и занимался не столько делами порученного ему учреждения, сколько

работой над своим главным историческим трудом – «Историей венгров»¹⁰. Однако мемуарист обходит молчанием тот факт, что несмотря на свой образ жизни тихого кабинетного учёного, он в преддверии войны с Францией стал объектом подозрений в шпионаже¹¹.

В 1815 г. Фесслер вместе с семьёй переселился по приглашению религиозного братства гернгутеров в поволжскую немецкую колонию Сарепту¹². Он с большой теплотой вспоминает о жителях колонии и её администрации, отмечая их радушное гостеприимство и интерес к его теологическим воззрениям, и особо подчёркивает, что именно это подвигло его вновь, после двадцатилетнего перерыва, начать читать церковные проповеди¹³. При этом Фесслер скромно умалчивает о том, что его проповеди имели такой успех, что в Сарепте он превратился в некое подобие местного духовного лидера, особенно для молодого поколения колонистов, проникшегося его идеями. Его влияние, соединённое с тягой всюду, куда он только ни попадал, затевать реформу, даже привело к тому, что община обратилась к руководству духовного сообщества в германском городе Гернгут с проектом реформирования всего братства. Однако эта инициатива не получила поддержки от консервативного немецкого руководства гернгутеров¹⁴.

Несмотря на то, что своей деятельности на посту руководителя Саратовской евангелической консистории Фесслер посвятил в мемуарах отдельную и довольно объёмную главу, рассказ о ней тоже очень неполон – характерной чертой мемуаров и в этой части является замалчивание «проблемных» тем, Фесслер явно не хотел рассказывать о конфликтах и интригах, связанных с церковным управлением.

Своё назначение Фесслер описывает как божественную милость. Будто Бог призвал в свою службу его, мечтавшего на склоне лет лишь о покое, и тем самым наделил его особой миссией¹⁵. При этом он не упоминает об интригах, которыми сопровождалось создание протестантских епископств и консисторий в России в 1819 г., – столичные друзья Фесслера добивались его назначения на пост Петербургского епископа, главного в стране, которому формально подчинялись все остальные, но слишком многим не хотелось видеть во главе всех российских протестантов деятельного и неуживчивого Фесслера¹⁶. В связи с этим назначение Фесслера на пост епископа Саратовского и суперинтенданта и духовного председателя Саратовской евангелической консистории порой вообще трактуется как sineкура, выпавшая ему вместо более высокого и ответственного поста¹⁷.

Фесслер упоминает о том, что своё руководство поволжскими протестантами, к которому он фактически приступил в 1820 г., ему пришлось начать с разбирательств с местными пасторами – Фрюауфом из Лесного Карамыша и Лиммером из Саратова¹⁸. Однако Фесслер лишь бегло

упоминает об этих конфликтах, совершенно не касаясь их причин и обстоятельств и ничего не говорит о том, что если разбирательство с, выражаясь современным языком, «профессионально непригодным» Фрюауфом прошло быстро и без проблем, то скандал с Лиммером, который подозревал новоиспечённого епископа в попытках «вернуться к католичеству»¹⁹, вышел за пределы диоцеза, вовлёл в свою орбиту местную лютеранскую общину, к которой Фесслер вынужден был обратиться как к посреднику в споре²⁰, потребовал вмешательства центральной власти, даже вызвал определённый резонанс за границей, после того как Фесслер и отстранённый от своего поста Лиммер опубликовали друг против друга полемические сочинения²¹.

Фесслер признаёт в своих мемуарах, что его нововведения вызвали определённое недовольство и обвинения в деспотизме²², однако он не конкретизирует причины и суть этих обвинений, фактически он игнорирует в своих мемуарах обвинения в свой адрес, предпочитая не полемизировать с противниками, а удовлетвориться тем, что «дискуссия была закрыта» и он смог, опираясь на консисторию, провести свои преобразования²³.

Подробно Фесслер останавливается только на второстепенном споре вокруг пасторского одеяния²⁴, которое он попытался унифицировать, словно специально отвлекая внимание читателей от более важных вопросов.

Фесслер рассказывает в своих мемуарах о реорганизации церковного управления, вызванной недостатком пасторов и представлявшей собой создание новых приходов и вызов для них пасторов из-за границы²⁵, но не упоминает о том, что в ходе этого мероприятия он ликвидировал автономию поволжских кальвинистов, подчинив их общины лютеранским пасторам²⁶, и лишь мимоходом сетует на «сектантский дух между лютеранами и реформатами»²⁷, появление которого сам во многом спровоцировал.

Специально останавливаясь на осуществлённой им реформе церковных обрядов и служб²⁸, Фесслер однако не упоминает о том, что эта реформа послужила причиной для того, чтоб его начали обвинять в стремлении реставрировать в лютеранской церкви католические порядки – бывший католик, перешедший в лютеранство, Фесслер возродил в протестантских общинах длинную торжественную литургию, изображения святых и отменённое ещё при Лютере публичное покаяние²⁹.

Понимая, какие негативные эмоции вызывает у лютеран сам епископский сан, напоминающий о папской власти, Фесслер вообще не упоминает о своём назначении на эту должность, называя себя лишь суперинтендантом и духовным президентом консистории³⁰.

Фесслер касается в своих мемуарах мероприятий по улучшению школьного образования в колониях, вызову новых учителей и шульмей-

стеров, но умалчивает о проблемах, которые возникли при этом с центральной властью, – МВД, курировавшее в то время образование, отвергло предложенный Фесслером проект расширения учебного курса в колониальных школах, введения в них преподавания русского языка, устройства удобных школьных зданий и заведений за счёт общин «учительской семинарии» (говоря современным языком – педагогического училища)³¹.

Ценной стороной мемуаров Фесслера является также то, что это на сегодняшний день практически единственный источник, проливающий свет на его повседневную и личную жизнь во время пребывания в Поволжье. В них нашли отражение переживания Фесслера из-за смерти 21 августа 1823 г. его жены Каролины Марии. Фесслер вспоминает умершую супругу в первую очередь как «верную и заботливую жену, нежную мать и наставницу своих детей, умную хозяйку и набожную терпеливую женщину»³², что подчёркивает его приверженность традиционным христианским семейным идеалам и представлениям о роли женщины.

Упоминает Фесслер в своих мемуарах и о своём новом браке с вдовой Амалией Мовильон, последовавшем вскоре после смерти Каролины Марии, аргументируя своё намерение жениться в третий раз в возрасте шестидесяти восьми лет желанием найти опять же таки «верную женскую душу» и «хорошую хозяйку»³³.

Характерной чертой мемуаров Фесслера являются обширные философско-дидактические отступления, по большей части связанные с религиозными вопросами. Доктор теологии Фесслер указывает на ряд причин переоценки собственных религиозных взглядов (контакты с поволжскими гернгутерами, опыт религиозных размышлений прошлых лет), но главной причиной считает смерть своей шестилетней дочери Анжелики Марии 2 апреля 1816 г.³⁴ Это была не первая потеря в семье Фесслера – 17 марта 1811 г. умерла его дочь Аврелия, которой не было и двух лет³⁵ – но смерть Анжелики Марии стала для него еще большим ударом, который привёл его, как он сам выразился, к «осознанию своей ничтожности перед Богом»³⁶.

Бывший вольнодумец Фесслер предстает перед читателями его мемуаров как человек покорный и готовый к самоуничижению (которое, однако, не мешало ему проявлять крутой нрав в церковном управлении), как пастор, сделавший служение Богу целью своей жизни. Фесслер считает, что всю жизнь заблуждался, потому что «хотел от Бога больше, чем ничего»³⁷, и при этом заявляет, что теперь, когда он целиком смирился перед Богом, тот «унизил его, чтобы помочь»³⁸ и призвал его к себе на службу в качестве «работника одиннадцатого часа»³⁹.

Фесслер, мировоззрение которого всегда отличалось соединением очень разных элементов, в своих мемуарах твердит о своём «ничтожестве» перед Богом и одновременно обосновывает свои

претензии на особую миссию и власть в вопросах религии и духовной жизни колонистов.

Большое отступление Фесслер посвящает вопросам воспитания, однако все его рассуждения в этой области вертятся вокруг одной только религиозной компоненты. В представлении Фесслера все должно быть пронизано религией и никакая человеческая мудрость не должна мешать «свободной работе божественного духа в сердце»⁴⁰.

В целом воспоминания Игнатия Аврелия Фесслера о его пребывании в Саратовском Поволжье представляют собой ценный источник, позволяющий восстановить основную событийную канву этого периода его жизни, а также охарактеризовать эволюцию его мировоззрения в эти годы. Однако нельзя упускать из виду того, что эти мемуары отличаются крайне избирательным подбором упоминаемых фактов, многочисленными замалчиваниями «скользких» тем, стремлением не касаться конфликтов, постоянно вспыхивавших вокруг Фесслера. Воспоминаниям Фесслера свойственна довольно низкая степень откровенности с читателями, что, возможно, связано с тем, что автор на момент публикации был высокопоставленным лицом и не хотел придавать огласке многие факты своей биографии, касающиеся проблемных тем. При использовании информации из этого источника исследователю необходимо проверять и дополнять её с помощью иных источников, в первую очередь архивных.

Примечания

- ¹ Fessler I.A. Rueckblicke auf seine siebenzigjaerige Pilgerschaft. Breslau, 1824. Переизданий мемуаров впоследствии не было, они сохранились до нашего времени в единственной редакции. Данный источник относится к типу письменных, а точнее, к их разновидности – нарративным источникам, и представляет собой связное повествование автора об основных событиях своей жизни в хронологическом порядке, иногда прерываемое его пространными рассуждениями на философские темы. Аудиторией, к которой обращался автор в своём сочинении, очевидно, была немецкоговорящая образованная публика первой половины XIX в. – интеллигенция прусской и австрийской монархии, а также мелких германских государств, чиновничество, образованное бюргерство, лица духовного звания.
- ² См. напр.: Попов Н.А. И.А. Фесслер, биографический очерк // Вестник Европы. 1879. № 12. С. 586 – 643.
- ³ См.: Спасский Н.А. (Русский). О народном образовании в немецких поселениях в Поволжье // Русский вестник. 1897. № 8-10; Лушин А. Н., Серков А. И. Тайна саратовского масона // Четыре века. Саратов, 1991; Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М., 1997; Серков А. И. История русского масонства XIX века. СПб., 2000; Малов Н. М. Новые материалы по истории масонства в Саратовском крае // Саратовский краеведческий сборник: Научные труды и публикации / Под ред. В.Н. Данилова. Саратов, 2002. С. 190–215;
- Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории (XVI – XX вв.). М., 2003.
- ⁴ См.: Barton P. F. Ignatius Aurelius Fessler. Wien-Koeln-Graz, 1969.
- ⁵ См. также его работы: Barton P. Jesuiten, Jansenisten, Josephiner. Eine Fallstudie zur fruhen Toleranzzeit: Der Fall Inocentius Fessler. Wien; Koeln; Graz, 1978; Idem. Erzieher, Erzaehler, Evergeten. Ein Beitrag zur politische Geschichte, Geistes- und Kirchengeschichte Schlesiens und Preussens 1786/1788–1796. Fessler in Schlesien. Wien; Koeln; Graz, 1980.
- ⁶ См.: Лушин А. Н., Серков А. И. Указ. соч. С. 137-138.
- ⁷ См.: Серков А. И. Указ. соч. С. 170-171. Исследователь масонской деятельности Фесслера в Поволжье должен целиком полагаться на другие источники, в первую очередь – архивные материалы. См.: НГИКМЗ. Ф. Аверниевых. ГОМ-16082-160. П. 129; НИОР РГБ. Ф. 147. К. 89. Ед. хр. 24; ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 491; ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2240 («Записка о масоне Фесслере...»).
- ⁸ Fessler I.A. Rueckblicke... P. 355.
- ⁹ См.: Копф М. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб., 1861. С. 259; Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 346, 378-379; Письма П.И. Голенищева-Кутузова к гр. А.К. Разумовскому // Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. Т. 2. СПб., 1880. С. 332, 501.
- ¹⁰ Fessler I. A. Die Geschichte der Ungern und ihrer Land-sassen. 1 – 10 Theil/ Leipzig 1815-1825.
- ¹¹ Цит. по: Малов Н. М. Указ. соч. С. 196.
- ¹² См.: Fessler I.A. Rueckblicke... P. 358.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ См.: Дитц Я. Указ. соч. С. 295–296.
- ¹⁵ См.: Fessler I.A. Rueckblicke... P. 370.
- ¹⁶ См.: Barton P.F. Ignatius Angelina Fessler. P. 498.
- ¹⁷ См.: Beratz G. Die deutschen Kolonien an der unteren Wolga in ihrer Entstehung und ersten Entwicklung. 1764-1914. Saratov, 1915. P. 232; Schmidt D. Studien uber die Geschichte der Volgadeutschen. Pokrovsk; Moscou; Kharkov, 1930. P. 203; Дитц Я. Указ. соч. С. 296.
- ¹⁸ См.: Fessler I. A. Rueckblicke... P. 379.
- ¹⁹ См.: Дитц Я. Указ. соч. С. 296, 301-302; Bourret J.-F. Les Allemagns de la Volga. Histoire culturelle d'une minorité. 1763-1941. Lyon, 1986. P. 173.
- ²⁰ Об этом ценную информацию могут дать архивные источники. См.: ГАСО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 7. Л. 370, 374. Подробнее см.: Горбачев Д.В. Три саратовских письма И.А. Фесслера: анализ новых источников // Новый век: история глазами молодых: Сб. науч. тр. аспирантов и студентов Ин-та истории и междунар. отношений СГУ. Саратов, 2009. Вып. 8, ч. 2. С. 133–138.
- ²¹ См.: Limmer K. Meine Verfolgung in Russland. Eine aktenmaessige Darstellung der Jesuitischen Umtriebe des D. Ignatius Fessler und seiner Verbuendeten in Jenen Gegenden (von Karl Limmer, vormals Consistorial-Rath und Prediger zu Saratow), Le. 1823; Fessler I.A. Geschichte der Entlassung des gewesenen Pastors in Saratow Karl Limmer. Dospat.; Riga, 1823.
- ²² См.: Fessler I. A. Rueckblicke... P. 395.
- ²³ Ibid. P. 396.

²⁴ Fessler I. A. Rueckblicke... P. 412–414.

²⁵ Ibid. P. 381–382, 387.

²⁶ См.: Bonwetch G. Geschichte der deutschen Kolonien an der Volga. Stuttgart, 1919. P. 74.

²⁷ Fessler I. A. Rueckblicke... P. 401.

²⁸ Ibid. P. 390–391.

²⁹ См.: Думц Я. Указ. соч. С. 297–299.

³⁰ См.: Fessler I. A. Op. cit. P. 374.

³¹ См.: Снасский Н.А. (Русский). Указ. соч. С. 50–51.

³² Fessler I. A. Op. cit. P. 403.

³³ Ibid. P. 404.

³⁴ Ibid. P. 358.

³⁵ Ibid. P. 356.

³⁶ Ibid. P. 362, 364.

³⁷ Ibid. P. 363.

³⁸ Ibid. P. 364.

³⁹ Ibid. P. 370.

⁴⁰ Ibid. P. 369.

УДК 271.2 (470.44)(09) + 929

РАБОТА Г.И. ЧЕРНЫШЕВСКОГО НАД СОСТАВЛЕНИЕМ «ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОГО И СТАТИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ САРАТОВСКОЙ ЕПАРХИИ» (1850–1856 годы)

И.Е. Захарова

Музей Н.Г. Чернышевского
E-mail: Sarusadba@yandex.ru

Составление в середине XIX в. историко-статистических описаний епархий по всей России по проекту Синода явилось важным этапом в развитии региональной истории и краеведения. На основе приводимых в статье архивных материалов можно проследить методику работы протоиерея Г.И. Чернышевского над составлением статистического исследования по истории Саратовской епархии.

Ключевые слова: XIX век, Синод, Саратовская епархия, консистория, «Саратовские епархиальные ведомости», духовенство, Г.И. Чернышевский, Иаков (Вечерков), А.М. Правдин, В.П. Соколов, А.А. Лебедев.

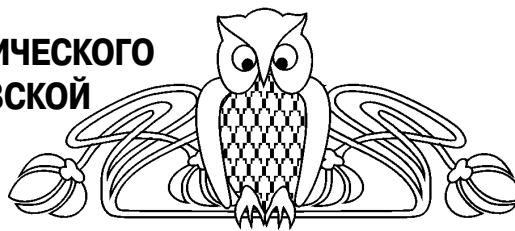
Work G.I. Chernyshevsky over Drawing up of «The Church-Historical and Statistical Description of the Saratov Diocese» (1850–1856)

I.E. Zaharova

Drawing up in the middle of XIX in history-statistical descriptions of dioceses across all Russia under the Synod project was the important stage in development of regional history and study of local lore. On the basis of archival materials resulted in article it is possible to track a technique of work of archpriest G.I. Chernyshevskii over drawing up of statistical research on stories of the Saratov diocese.

Key words: XIX th century, the Synod, the Saratov diocese, consistory, «the Saratov diocesan sheets», clergy, G.I. Chernyshevsky, Iakov (Vecherkov), A.M. Pravdin, V.P. Sokolov, A.A. Lebedev.

Историко-статистические описания епархий Русской православной церкви XIX – нач. XX вв., наряду с епархиальными ведомостями, справочниками и трудами церковно-археологических комитетов, обществ и комиссий, относятся к числу основных печатных источников по региональной церковной истории России дореволюционного периода. При этом этот особый жанр был до-

вольно распространен в церковно-исторической регионалистике того периода. Публиковались как общепархиальные описания, так и историко-статистические описания церквей и монастырей (отдельными книгами и в епархиальных или губернских ведомостях). Работу по составлению епархиальных историко-статистических описаний, предпринятую по проекту правительствующего Синода в середине XIX в., можно считать вехой в развитии региональной истории и краеведения.

Ошибочным представляется суждение, что составление Историко-статистических описаний епархий началось только после предписания Синода от 19 мая – 6 октября 1850 г. по предложению обер-прокурора Николая Александровича Протасова. По инициативе местных протоиереев подобные материалы собирались и ранее. Известно, что в 30–40-е гг. подобные описания епархий по России были сделаны, например, в Могилевской, Оренбургской, Казанской и др. епархиях¹.

По материалам к истории Саратовской епархии, собранным и опубликованным А.А. Лебедевым в начале XX в., также видно, что в 30–40 гг., когда епархией управлял архиерей Иаков (Вечерков), подобная работа проводилась². Существует также мнение, что в 1840-х гг. Чернышевский по указанию Иакова занимался составлением исторического описания Саратовской епархии, используя присылаемые по требованию архиерея материалы³. В частности, А.А. Лебедев указывает в «Материалах...», что результатом обработки поступивших Иакову сведений со всех концов епархии «явилось “Церковно-историческое и статистическое описание Саратовской Епархии”», составленное в 1845 г. прот. Г.И. Чернышевским,

отцом известного писателя Н.Г. Чернышевского», но далее он ошибочно дает ссылку на публикацию в «Саратовских Ведомостях» за 1882 г. материалов, собранных самим Чернышевским в 1850–56 гг.⁴

С другой стороны, известный исследователь истории раскола Н.С. Соколов считал, что рукопись «Историческое описание...» 1845 г. была написана самим Саратовским епископом Иаковом (Вечерковым), собравшим для ее составления и проверившим материалы, и хранилась «в библиотеке Императорского русского географического общества»⁵. Соколов также указывает, что в библиотеке Саратовской духовной семинарии он нашел рукописный том, в котором собрано преосвященным Иаковом «... до 14 записок разных благочинных Саратовской епархии, которым поручено было составить описание всей епархии (по уездам) в церковно-историческом отношении». Их составление относится к 1839–1841 гг.⁶

Составление епархиальных описаний в середине XIX в. имело особую значимость, поскольку впервые в истории России было задумано подготовить по единому плану подробное научное описание всех ее регионов в церковно-историческом плане.

Конечная цель Духовно-учебного управления при Святейшем Синоде – на основе подготовленных описаний создать общий курс истории Российской церкви.

Разработчиком программы по составлению епархиальных описаний, которую 21 октября 1850 г. разослали всем правящим архиереям, был директор Духовно-учебного правления А.И. Карасевский⁷.

В силу разных обстоятельств, в частности по причине смерти Карасевского, к 1860 г. стало ясно, что замысел не будет осуществлен в полной мере. И 23 февраля 1861 г. по предложению обер-прокурора А.П. Толстого присланные в Синод описания епархий были возвращены на места, где их должны были опубликовать⁸.

Несмотря на то, что замысел удался лишь частично, было сделано немало. Исходя из материалов, представленных в рапортах архиереев в Синод, можно отметить, что в течение 1850-х гг. в большинстве епархий были собраны уникальные материалы по региональной церковной истории, обработаны и частично подготовлены к публикации. Причем собранные сведения не утратили актуальности до настоящего времени.

Так случилось, что рукопись Чернышевского практически затерялась в Синоде, и если бы не хлопоты секретаря Саратовской духовной консистории Александра Матвеевича Правдина, курировавшего в 70-х гг. «Саратовские епархиальные ведомости», она, возможно, так и не была напечатана⁹.

Оценку важности опубликованного Правдиным труда Чернышевского дает В.П. Соколов в историческом очерке «Саратовские Епархиальные

Ведомости за пятьдесят лет их существования (июнь 1865 г. – май 1915 г.)», изданном в 1915 году.

«Из статей, напечатанных в “Ведомостях”..., особенную цену имеет работа Чернышевского, составленная последним в 1856 году, по резолюции еп. Афанасия, от 14 ноября 1850 года, состоявшейся по поводу полученного им, Афанасием, определения Св. Синода, от 19 мая – 6 октября того же 1850 года, “о желательности иметь полное церковно-историческое описание всех епархий в России, в виде пособия для изучения истории Российской церкви”. Составленное по готовой, синодальной, программе, с некоторыми, лишь незначительными, отступлениями, “Описание” Чернышевского обнимает следующие пункты: 1). Начало и распространение христианской религии в пределах Саратовской епархии. 2). Время учреждения самой епархии. 3). Епархиальная иерархия в непрерывном порядке с кратким жизнеописанием архиереев, преимущественно тех, которые или по своей святости или по другим каким обстоятельствам заслуживают особенное внимание. 4). Монастыри, находящиеся в епархии. 5). Сведения о соборах, приходских, домовых и др. церквях, с особенными указаниями на замечательнейшие из них по древности или по каким-либо важным обстоятельствам. 6). О св. иконах, замечательных по особенной древности, с приложением сказаний и записей о них. 7). Сведения о благочестивых обычаях и установлениях, существующих в епархии; каковы: особенные посты, крестные ходы, путешествия для поклонения св. угодникам и пр.

“Описание” это в декабре 1856 года представлено было еп. Афанасием Обер-прокурору Св. Синода, в канцелярии которого оно надолго застряло и лишь в 1882 году было возвращено в Саратовскую Консисторию, по просьбе секретаря последней А.М. Правдина.

В наше время, когда Ученая Архивная комиссия за 28 с лишком лет своего существования (открыта 12 дек. 1886 г.) собрала, описала и напечатала массу документов, относящихся, между прочим, и к истории Саратовской епархии, “Описание” Чернышевского утратило свою новизну и часть своего значения, устарело и по изложению, но 33 года тому назад, когда оно впервые напечатано было в “Ведомостях”, “Описание” имело свое значение и производило впечатление сколько своим содержанием, сколько же и именем его автора, пользовавшегося в свое время заслуженною известностью. Нельзя поэтому не сказать искреннего спасибо А.М. Правдину за его хлопоты по розыску и напечатанию этого, во всяком случае, исторического документа»¹⁰.

К работе Г.И. Чернышевского, опубликованной в «Саратовских ведомостях» Правдиным, обращались и саратовские исследователи. Их интересовало само содержание публикации, сведения, которые приводились о состоянии церковью и монастырей по епархии, и личность Г.И. Чер-

нышевского как одного из первых историков Саратовского края¹¹.

В Государственном архиве Саратовской области (ГАСО) среди дел Саратовской Духовной консистории хранятся документы, которые дают представление о проведении Г.И. Чернышевским работы над составлением описания Саратовской епархии¹². Документы этого дела неоднократно просматривались исследователями истории церкви и старообрядчества. Собранные здесь материалы дают представление, каким образом собирались сведения по всей епархии для составления Церковно-исторического описания благочинным саратовских градских церквей протоиереем Г.И. Чернышевским.

В деле собраны материалы, на основании которых можно представить методику работы Чернышевского, его деятельность по сбору сведений от благочинных Саратовской епархии о состоянии церквей и монастырей, о расколе, о духовенстве и православных обычаях, о переписке с епархиальным правлением. Часть сведений статистического характера предоставлялась Чернышевскому непосредственно из Духовной консистории, сведения о приходах поступали от благочинных из Камышина, Петровска, Кузнецка, Царицына и других округов, сведения о состоянии монастырей поступали от их настоятелей. Нужно также отметить, что для составления историко-статистических обзоров Чернышевскому необходимо было иметь статистические сведения за несколько лет: с момента образования епархии в 1828 г. по 1851 год.

Особая работа была проделана по сбору сведений о состоянии церквей на момент отделения Саратовской епархии от Пензенской в 1828 г. и по состоянию епархии на 1851 г. – на момент составления описания. Информация, поступающая от благочинных и настоятелей монастырей, сверялась и дополнялась по клировым ведомостям. Эту работу по запросу Чернышевского выполняли непосредственно столоничальники Саратовской духовной консистории.

Среди материалов сохранились несколько листов, написанных рукой Чернышевского, на которых он представляет отчет о проделанной работе за 1850–1851 год¹³. Здесь дается описание состояния епархии на 1828 год. Сведения собраны по всем церквям, монастырям и духовенству со всех уездов, вошедших в состав Саратовской епархии, а также статистические сведения о епархии на 1851 год.

Среди материалов дела большую часть составляют рапорты Чернышевского, представленные в Саратовскую духовную консисторию и непосредственно архиерею Афанасию, строго контролировавшему ход работы по сбору статистических сведений и составлению описаний¹⁴.

Работа по сбору сведений затянулась, в частности, по причине того, что сбор сведений по епархии занял больше двух лет – с 1851 по

1853 год. Несколько рапортов Чернышевский отправил в Консисторию и архиерею, указывая на задержку сведений вольским священником Соловьевым¹⁵. Только в середине июля 1852 г. Соловьев представил сведения для описания, о чем так же имеется в деле рапорт¹⁶. Все остальные благочинные и настоятели монастырей Саратовской епархии успели представить сведения до окончания 1851 года – в период с мая по декабрь.

Первый статистический отчет на основании собранных материалов Чернышевский представил уже 28 марта 1851 года. Он разработал таблицу в соответствии с вопросами, указанными в записке по составлению описания, которую предложил дополнить и исправить в соответствии с данными клировых ведомостей, хранившихся в архивах Консистории. Таблицу он озаглавил таким образом: «Сведения, входящие в состав церковно-исторического и статистического описания Саратовской епархии»¹⁷.

В таблице были выделены разделы: В подгруппе «А»: «1. Общее число церквей, отделенных от Пензенской Епархии к Саратовской, при открытии последней в 1828 году. Между ними: а) соборных; б) приходских; в) домовых; г) кладбищенских; д) единоверческих; е) при монастырях; В том числе: каменных; деревянных. 2. Общее число, бывшее в то же время: а) духовенство: 1 – белого – мужского пола / женского; 2 – монашествующего; б) прихожан – мужского / женского пола. 3. Общее число, бывшее в то же время раскольников сект: а) Беглопоповской – муж. пол. / жен.; б) Поморской; в) Спасовской; г) Молоканской; д) Скопческой или Хлыстовской».

Такая таблица с просьбой заполнить ее сведениями по уездам, передавалась в Консисторию.

В подгруппе «Б»: К 1 января 1851 г. в Саратовской епархии указывалось количество церквей, состояние клира (количество церковнослужителей штатных и заштатных, жен и вдов, детей мужского и женского пола); расписывались данные по прихожанам: а) военным, б) статским, в) купцам, г) мещанам и другим обывателям городского сословия; д) крестьянам: государственным, удельным, помещичьим; отдельно выделены дворовые люди. Причем в отдельных столбцах были сведения об отчисленных в 1851 г. к Астраханской и Самарской епархиям (по отдельности) – по тем же пунктам. Далее сведения о раскольниках; о единоверческих церквях, молитвенных домах; о священнослужителях при них и прихожанах (муж. и жен. пола). Здесь имеется пометка о недостатке сведений по Николаевскому уезду.

Отдельно – сведения о монастырях. Монастырей православных: мужских, при них церквей (каменных, деревянных); монастырствующих и послушников; женских – по тем же пунктам. Монастырей единоверческих – по тем же пунктам, а также сведения по отчисленным к Астраханской и Самарской епархиям.

Наконец, 3 мая 1856 г. с сопроводительным рапортом Чернышевский передал рукопись в Консисторию¹⁸.

Еще один интересный документ в деле – свидетельство о возвращении рукописи Чернышевского в консисторию из Ведомства православного исповедания при Св. Синоде от 19 мая 1878 года.

Внизу приписка: «Историко-статистическое описание Саратовской епархии отослано в редакцию Епарх. ведомостей 28 апреля 1882 г. за № 4264»¹⁹.

На обороте: «Опись бумаг, относящихся к сему делу, поступивших от благочинных: 1) 1836 г. августа 24 дня протоиерея Ремезова с описанием монастырей и соборов; 2) 1 ноября того же года, священника Росницкого; 3) 4 января 1839 г. протоиерея Ястребова; 4) 1851 г. мая 2. Протоиерея Крепкогорского, с сведениями к составлению церковно-исторического и статистического описания; 5) – 22 мая, протоиерея Алоизова по сему же предмету; 6) – 25 мая, протоиерея Ципровского о том же с приложениями; 7) – июля 8-го, протоиерея Лугарева, с сведениями о том же; 8) – 27 июля священника Лебедева, о том же; 9) – 27 августа, священника Молчанова (?), о том же; 10) 10 сентября, протоиерея Бибикова, с приложениями о том же; 11) 10 сентября, протоиерея Покровского, с приложениями о том же; 12) 12 сентября, протоиерея Диаконова, с приложениями; 13) 26 сент. священника Казанского (?) о том же; 14) 21 декабря, протоиерея Вязовского, о том же; 15) Описание Губернского г. Саратова и уездов его»²⁰. По этой записи можно представить какими документами располагал Г.И. Чернышевский при составлении описания. Однако это далеко не все материалы, присланные ему для работы.

След этих рукописей теряется в редакции «Епархиальных ведомостей», хотя Правдин утверждал, что все материалы вернул в Консисторию²¹.

Работа Чернышевского по истории Саратовской епархии, действительно, не единственная, да и не первая из опубликованных. В 1865 г. в «Епархиальных ведомостях» публикуется статья А.Ф. Леопольдова об открытии Саратовской епархии²², несколько позже, в 1878 г. выходит публикация А.М. Правдина к 50-летию Саратовской епархии «Историческая записка о Саратовской епархии (за 50-летие 1828–1878 гг.)»²³, а в 1895–97 гг. в саратовских «Епархиальных ведомостях» публикуются «Краткие сведения о церквях Саратовской епархии, существующих при них причтах и приходах»²⁴.

Работа Чернышевского интересна как в методологическом плане, так и в источниковедческом.

По сохранившимся рапортам и приказам можно представить, с какими трудностями пришлось столкнуться Чернышевскому, как он настойчиво пересиливает нерадивость духовенства и методично ведет работу над сбором и анализом представляемых (заметим, что в течение длительного периода времени!) материалов, делает лаконичные описания церквей и прослеживает историю монастырей; сообщает биографические сведения о саратовских архиереях за период с 1828 по 1851 г., сообщает интересные сведения о мощевиках и чудотворных иконах и т.д., причем строго в соответствии разработанному правительством плану.

К этой работе обращались и будут обращаться историки, исследователи церковной истории, старообрядчества и сектантства. Значимость ее в достоверности сообщаемых данных, которые тщательно отбирались и проверялись Г.И. Чернышевским.

Приложение

В деле «Составление церковно-исторического и статистического описания Саратовской епархии (1850–1878) Г.И. Чернышевским» из Государственного архива Саратовской области хранится составленная Г.И. Чернышевским таблица для систематизации собранных сведений в ходе работы над составлением описания Саратовской епархии (ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 2210. Л. 7–9). Этот документ является иллюстрацией методики работы Чернышевского и дает представление о характере сведений статистического содержания, которые были ему необходимы. Сведения представлялись в консисторию от благочинных и настоятелей монастырей со всей епархии, затем передавались Чернышевскому. Процесс прохождения материалов через консисторию занимал много времени – присланные сведения доходили до составителя через две-три недели с момента их отправки. Чтобы как-то упорядочить полученную информацию и иметь возможность добавлять новые данные к уже имеющимся, Чернышевский и разработал эту таблицу. По некоторым пунктам данные отсутствуют. Это свидетельствует о том, что не все сведения собраны на момент составления таблицы. За недостающими сведениями Чернышевский обращался в консисторию, предлагая столоничальникам заполнить предложенную им таблицу, что и выполнялось на основании статистических сведений из хранящихся в консистории клировых ведомостей со всей епархии.

ДОКУМЕНТ

(Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 135. Оп. 1. Д. 2210. Л. 7–9).

Рапорт в Саратовскую Духовную консисторию Саратовского Градского Благочинного Протоиерея Гавриила Чернышевского от 28 марта 1851 г.

«Всеподчтеннейше представляя при сем в Саратовскую Духовную Консисторию составленную мною таблицу сведений, нужных при составлении описания Саратовской епархии, который прошу приказать выставить в той таблице числа и, по засвидетельствовании, к нему сведений, обратно с выставленными числами возвратить ко мне, с приложением копии с Высочайшего повеления об открытии Саратовской Епархии и с присовокуплением сведений, когда именно состоялось открытие Епархиального Управления».

СВЕДЕНИЯ

Входящие в состав церковно-исторического и статистического описания Саратовской Епархии

А

I. Общее число церквей, отделенных от Пензенской Епархии к Саратовской, при открытии последней в 1828 году, было, 497

Между ними: а) соборных 10
 б) приходских 480
 в) домовых -
 г) кладбищенских 5
 д) единоверческих -
 е) при монастырях 2
 В том числе: каменных: 193
 деревянных 304

II. Общее число, бывшее в то же время: а) духовенство: 1) белого.. муж. пола 5707, жен. 5738
 2) монастырского неизвестно
 б) прихожан муж. 259635 жен.

III. Общее число, бывшее в то же время раскольников муж. пол. жен.
 сект: а) Беглопоповской 9225 — 9874
 б) Поморской или Перекрещеванской 1807 — 1913
 в) Спасовской или Некаевской 526 — 462
 г) Молоканской: Воскресенской..... 2308 — 2676
 Субботницкой или Жадовской 1129 — 445
 д) Скопческой или Хлыстовской..... 15 — 31
 [и так далее, если были другие секты - <зачеркнуто>]

Б

К 1-му января 1851 года в Саратовской Епархии состояло:

1. Церквей православных

а) соборных	13
б) приходских	652
в) домовых	3
г) кладбищенских	23
д) молитвенных дом	74
Итого.....	745

В том числе: каменных298
деревянных ...477

[<на полях приписки:>

окрыжных – 3
приписных – 3
при каз. заводах – 4]

При означенных церквях

1. Священноцерковнослужителей:

1) штатных	3023
2) заштатных	173
Жен их и вдов	3579
детей: а) мужского пола	4219
б) женского пола	4418

	В том числе в 1851 году отчислено к Епархиям	
	Астраханской	Самарской
	1	2
	20	97
	-	-
	1	2
	3	39
	25	141
	8	26
	17	115
	115	532
	9	24
	137	635
	155	741
	168	788

2. Прихожан:

	муж. пол	жен. пол	муж. пол	жен. пол	муж. пол	жен. пол
а) военных	16560	29307	481	934	1564	3424
б) стацких.....	3014	3241	162	77	264	291
в) купцов	38692	41560	868	886	3195	3346
г) мещан и других обыва- телей городских сословий						
д) Крестьяне:	678547	700894	34542	33477	126470	127424
1) государственных						
2) удельных.....						
3) помещичьих.....	16730	16691	85	24	587	543
Дворовых						
/Л. 9/						
3. Раскольников						
Сект: а) Беглопоповской	13537	15643	18	26	4187	4702
б) Поморской или Пер.	2287	2538	-	-	726	842
в) Спасовской или Нек.	-	-	-	-	-	-
г) Молоканских:						
1) Воскресенской	3725	4093	668	712	1552	1641
2) Суббот. или Жадов.	268	279	101	188	-	-
д) Скопческой или Хлыс.	7	6	-	-	-	-

	В том числе в 1851 году отчислено к Епархиям	
	Астраханской	Самарской
4. Церквей единоверческих: а) соборных -	-	-
б) приходских.....5	-	2
приписных.....1	-	-
в) домовых—	-	-
молитвенных домов6	-	-
г) кладбищенских1	-	-
в том числе: деревянных церкв3	-	-
мол. домов5	-	-
каменных церк4	-	-
мол. домов—	-	1
При сих церквах		
1) Священноцерковнослужителей18	-	3
жен их и вдов10	-	2
детей: мужского пола11	-	3
женского пола10	-	3
2) Прихожан... мужского пола5567	-	2328
женского пола6201	-	2698
По Николаевскому уезду недост. свед. о душах коих муж. и жен. 2110.		
III. Монастырей православных		
1) Мужских2	-	-
/Л.9об/		
При сих монастырях		
а) церквей: 1) каменных5	-	-
2) деревянных—	-	-
б) монашествующих23	-	-
в) послушников25	-	-
2) Женских 1	-	-
В них: а) церквей: 1) каменных3	-	-
2) деревянных—	-	-
б) монашествующих15	-	-
в) послушниц22	-	-
IV. Монастырей единоверческих		
1) Мужских2	-	2
в них: а) церквей: 1) каменных—	-	-
2) деревянных2	-	2
б) монашествующих13	-	13
в) послушников23	-	23
2) Женских1	-	1
В них: а) церквей: 1) каменных—	-	-
2) деревянных1	-	1
б) монашествующих9	-	9
в) послушниц9	-	9

Благочинный Саратовских Градских церквей
Протоиерей Гавриил Чернышевский.

Примечания

- См.: *Раздорский А.И.* Историко-статистические описания епархий Русской православной церкви (1848–1916). Сводный каталог и указатель содержания. СПб., 2007. С. 14.
- См.: *Лебедев А.А.* Материалы для истории Саратовской Епархии. Т. 1, вып. 1. Саратов, 1907. С. 2–5.

- См.: *Вардугин В.И.* Хранители времени. Музеи Саратова и Саратовской области. Саратов, 2000. С. 11.
- Там же. С. 5.
- Соколов Н.С.* Раскол в Саратовском крае. Опыт исследования по неизданным материалам. Т. 1. Поповщина до пятидесятих годов настоящего столетия. Саратов, 1888. С. VIII.

- ⁶ Соколов Н.С. Раскол в Саратовском крае... С. XIX.
- ⁷ См.: Раздорский А.И. Указ. соч. С. 16.
- ⁸ Там же. С. 581.
- ⁹ Примечания А.М. Правдина к публикации «Церковно-исторического и статистического описания Саратовской епархии» Г.И. Чернышевского // Саратовские епархиальные ведомости. Отд. неоф. 1882. № 31 (25 авг.). С. 204–205.
- ¹⁰ Соколов В.П. Саратовские Епархиальные Ведомости за пятьдесят лет их существования (июнь 1865 г. – май 1915 г.). Исторический очерк. Саратов, 1915. С. 51–52.
- ¹¹ См.: Демченко А.А. Н.Г. Чернышевский. Научная биография. Ч. I. Саратов, 1978. С. 41–42; *Он же*. У истоков саратовского краеведения // Годы и люди: Сб. Саратов, 1990. Вып. 5. С. 168–183; Майорова А.С. Первый труд по истории Саратовской епархии // Южный Урал: история и историография: Межвуз. сб. науч. статей. Вып. 1. Уфа, 2008. С. 137–146.
- ¹² См.: Церковно-историческое и статистическое описание Саратовской епархии (1850–1853 гг.) // ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 2210. 42 л.
- ¹³ Там же. Л. 8–9 об. Сведения, входящие в состав
- церковно-исторического и статистического описания Саратовской епархии, представленные Г.И. Чернышевским в Консисторию. Записи в черновом варианте. Состояние епархии на 1828 г. и на 1851 г.
- ¹⁴ Там же. Л. 4; 7.
- ¹⁵ Там же. Л. 24–27.
- ¹⁶ Там же. Л. 32–33.
- ¹⁷ Там же. Л. 7–9 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 39.
- ¹⁹ Там же. Л. 41.
- ²⁰ Там же. Л. 41 об.
- ²¹ Примечания А.М. Правдина ... // Саратовские епархиальные ведомости. Отд. неоф. 1882. № 31 С. 205.
- ²² См.: Леопольдов А.Ф. Открытие Саратовской Епархии и сведения о первых архиереях // Саратовские Епархиальные ведомости. 1865. № 1. С. 20–26; № 2. С. 21–25; № 3. С. 29–32; № 4. С. 17–31; № 5. С. 29–32; № 8. С. 18–26.
- ²³ См.: Правдин А. Историческая записка о Саратовской епархии (за пятидесятилетие 1828–1878 года). Саратов, 1879. 48 с.
- ²⁴ Лебедев А.А. Указ. соч. С. 6.

УДК [94:329.055.4](470.44) |1921/1923

САРАТОВСКИЕ МЕНЬШЕВИКИ В 1921–1923 ГОДАХ: ПОД ПРЕССОМ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Е.А. Рязанцева

Саратовский государственный университет
E-mail: lenaryazantzeva@rambler.ru

В статье на основе материалов местных архивов и периодической печати анализируется деятельность меньшевиков в Саратове и губернии в начале 1920-х гг., выявляются изменения, произошедшие в рядах партии в этот период, формы и методы сопротивления возраставшему давлению со стороны большевиков в рамках становления и укрепления советской власти.

Ключевые слова: меньшевики, история политических партий, Саратовский Исполнительный комитет, история регионов России, репрессии.

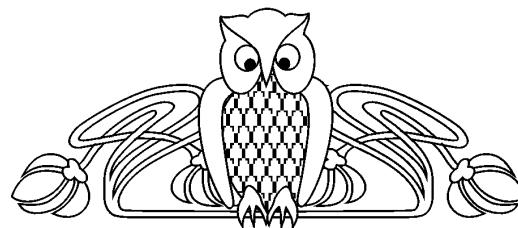
Saratov Mensheviks in 1921–1923-s: under the Press of Soviet Power

Е.А. Ryazantzeva

In the article, based on the reference sources of local Archives and the periodical press, the activity of Mensheviks in Saratov and Province at the beginning of 1920-s is analysed, the changes which took place in the composition of the party and also the forms and methods of resistance to the increasing pressure of Bolsheviks in the context of formation and consolidation of Soviet Power are revealed.

Key words: Mensheviks, the history of political parties, Saratov Executive Committee, the history of regions, repressions.

В последние годы проблема изучения истории меньшевизма в России стала особенно актуальной.

В данном контексте весьма плодотворным представляется обращение к региональному аспекту указанной проблематики, создающему основу для более глубокого и детального рассмотрения истории меньшевистской партии. В настоящий момент в исторической литературе практически не освещен вопрос о деятельности провинциальных меньшевистских организаций в годы становления советской власти, несмотря на то, что в ходе усиления преследований меньшевиков важную роль во многом стали играть местные партийные комитеты.

Одним из таких сюжетов по праву является проблема взаимоотношений саратовской организации меньшевистской партии с местными властями в начале 1920-х гг., периоде, наложившем серьезный отпечаток на политику саратовских большевиков в отношении своих политических оппонентов из числа умеренных социалистов. В рамках данной темы особое внимание следует уделить периоду 1921–1923 годов. Это было время последнего всплеска активности саратовских меньшевиков, прекращения легальной политической деятельности и, как результат, решения части местных социал-демократов о ликвидации меньшевистской организации.

В годы Гражданской войны Саратов оказался в сложном положении с военной и экономической точки зрения. В конце 1920 – начале 1921 г. ситуация достигла особенной остроты. Неурожаи, перебои с продовольствием, продолжение политики «военного коммунизма», проблема бандитизма приводили к снижению авторитета большевистской партии среди населения. В этой обстановке местная партийная организация посчитала особенно опасной деятельность саратовских умеренных социалистов, чьи взгляды и лозунги могли в сложившейся ситуации найти активный отклик среди населения. В докладе Губчека сообщалось, что антисоветские настроения распространились не только среди обывателей, но и среди должностных лиц советских учреждений, на заводах и фабриках значительно возросла агитация против компартии¹. Осенью 1920 г. был усилен контроль над деятельностью меньшевиков и эсеров, занятых в советских органах, что нередко приводило к арестам их лидеров, кроме того, были предприняты меры к расширению осведомительной сети среди рабочих и антисоветских политических групп².

Зимой 1921 г. положение в Саратове продолжало ухудшаться. Уже в конце февраля Саратовским Исполкомом было заявлено о неизбежности сокращения пайка³. Учитывая и без того плачевное состояние большинства населения, сокращение продовольствия могло вызвать рост негативного отношения к советской власти. Как показывают отрывки из писем жителей Саратова, многие рабочие были настроены против большевиков, влияние ячеек Российской коммунистической партии (Р.К.П.) на заводах минимально, рос авторитет меньшевиков и анархистов, поэтому власти опасались возможных выступлений и бунтов⁴. Понимая, что катализатором для открытого проявления недовольства могут стать лозунги меньшевиков и эсеров, выявлявшие недостатки большевистской политики в области экономики, саратовские власти санкционировали череду арестов умеренных социалистов. В плане работы Саргубчека на первую половину 1921 г. выражались опасения о возможности активизации организационной борьбы со стороны умеренных социалистов в военном и агитационно-пропагандистском плане⁵.

Задержания социал-демократов зачастую производились без предъявления внятных обвинений, то есть главным основанием становились оппозиционные политические убеждения. Саратовский меньшевик Илья Гольц, арестованный в это время, вспоминал, что в тюрьме оказалась почти полностью меньшевистская и эсеровская верхушка – Либер, Налетов, Винавер, Затонский⁶.

Апогеем данного процесса стала волна рабочих забастовок на предприятиях Саратова в марте 1921-го, поводом для которых стало уменьшение хлебного пайка. И если на первых порах происходило обсуждение продовольственного положе-

ния, то вскоре стали высказываться упреки в адрес советской власти и ЧК, требования перевыборов в Саратовский Совет, свободы слова и независимых союзов, освобождения политических заключенных⁷. Но вместо эффективных действий, направленных на улучшение положения рабочих, местные власти решили перенаправить недовольство населения в иное русло и одновременно покончить со своими политическими оппонентами в лице саратовских меньшевиков и эсеров.

В послании Саратовского Губкома в Москву утверждалось, что в возникновении политических требований в процессе забастовок виноваты саратовские меньшевики, кроме того, учитывая их влияние на рабочих некоторых предприятий, было заявлено о необходимости провести над ними показательный суд, чтобы дискредитировать их в глазах рабочих⁸. В докладе председателя Губчека даже утверждалось, что активные члены антисоветских партий, арестованные в конце зимы, непосредственно готовили рабочие выступления, хотя и предполагали начать их позднее марта, надеясь на эскалацию недовольства рабочих⁹.

По всей видимости, обвинения в адрес меньшевиков и эсеров в этом смысле можно рассматривать как определенный политический ход, так как действия центральных и местных властей таким способом формально выводились из-под критики. Принимая во внимание тот факт, что ещё в феврале главные деятели местной меньшевистской организации находились в тюрьме, вряд ли можно говорить о возможности организации меньшевиками массовых рабочих забастовок.

Официальным обвинением меньшевиков в возникновении рабочих волнений начавшаяся травля не закончилась. Перед саратовскими большевиками стояла задача их дискредитации в глазах населения. С первых чисел марта 1921 г. в саратовской прессе проводилась обширная клеветническая кампания против умеренных социалистов, начало которой было положено заголовком «Гоните предателей дела рабочего класса – меньшевиков и эсеров». Она велась с целью создания гипертрофированно отрицательного образа меньшевиков и эсеров и навязывания населению выгодной большевикам картины происшедшего.

В первую очередь было заявлено, что те трудности, с которыми столкнулась страна, являются выгодными для разрушительной деятельности и агитации социал-предателей меньшевиков и эсеров. «Стране грозит призрак голода: меньшевики и эсеры спекулируют на этом и разрушают строительную работу, начатую Советской властью!»¹⁰ Члены меньшевистских и эсеровских организаций обвинялись в развязывании забастовочного движения, которое могло свести на нет все действия советской власти по устранению причин кризиса в стране.

Кроме того, они официально признавались пособниками контрреволюционеров и западных агентов. Заявлялось, что это друзья белогвардей-

цев, подголоски буржуазии и предатели рабочего класса, которые ведут преступную агитацию, сея смуту в рядах рабочих¹¹, при том что меньшевики традиционно выступали как защитники интересов рабочего класса, а многие саратовские меньшевики сами были рабочими.

Особо клеветнический характер носили сообщения о тех целях, к которым якобы стремились умеренные социалисты. Со страниц газеты они характеризовались как злейшие враги революции и социализма, изменники рабочего дела, которые хотели взорвать советскую республику изнутри, создавая возможность для победы капитала¹². Эти обвинения в корне противоречили положениям социал-демократической доктрины, кроме того, конкретных примеров реализации контрреволюционных намерений меньшевиками в прессе не приводилось, критика носила скорее декларативный и пропагандистский характер.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что одновременно с обвинениями в адрес меньшевиков и эсеров «Известия» призывали саратовских рабочих не поддаваться их влиянию. Особенностью данных высказываний было то, что в газете содержался именно призыв к борьбе против агитации меньшевиков, то есть вновь имело место своеобразное внушение некоторой установки, модели поведения читателям со стороны местной власти.

Одновременно были приняты определенные меры, дискриминировавшие положение меньшевиков в советских учреждениях. В Саратове было реализовано решение ЦК РКП. о недопустимости назначения меньшевиков на ответственные посты в продорганы¹³. Делалось все возможное для блокировки любых возможностей социал-демократической агитации и работы среди населения. Согласно постановлению Губисполкома запрещались всякого рода сборища, митинги и собрания без специального разрешения Президиума Губисполкома¹⁴.

Начавшаяся кампания перевыборов в Саратовский Совет вызвала резкое усиление критики умеренных социалистов в прессе. Губисполком призывал рабочих быть бдительными и не верить обманным утверждениям меньшевиков и эсеров, отдать голоса компартии¹⁵. Принимая во внимание бросающуюся в глаза настойчивость подобных призывов, можно предположить, что в среде саратовских рабочих, положение которых продолжало оставаться плачевным, сохранялось недоверие к политике советской власти и симпатии к социал-демократическим лозунгам.

Результаты выборов¹⁶ принесли победу большевикам, получившим 447 депутатских мест из 587. Несмотря на это, в мае давление и контроль над деятельностью меньшевиков и эсеров со стороны местной власти лишь усилились. В докладе о деятельности Губчека за апрель–май 1921 г. сообщалось об усилении работы среди левых партий, попытках наладить агентурную сеть в саратовской

тюрьме, где в тот момент находились основные лидеры местных меньшевиков и эсеров¹⁷.

Одновременно продолжилась травля социалистов на страницах периодической печати. Здесь следует подчеркнуть противоречие, которое возникло в оценке местной большевистской властью политической ситуации в губернии и степени активности оппозиционных партий. В отчете Губисполкома о состоянии Саратовской губернии сообщалось, что организованного влияния анти-советских партий на рабочих и крестьян в мае не наблюдалось¹⁸. В газетных же статьях за этот период утверждалось, что враги советской власти мобилизуют все силы, происходит объединение кадетов, меньшевиков, эсеров, которые действуют по всем направлениям¹⁹.

Лето 1921 г. было для Саратова одним из тяжелейших. Проблема голода стала в регионе основной. «Жизнь за последнее время стала кошмарной... У нас невероятный голод... Люди умирают прямо на улице...»²⁰. Это негативно сказывалось на доверии к большевистской власти. В месячных сводках Губисполкома подчеркивалось, что политическое состояние губернии было крайне неудовлетворительным²¹.

В подобных условиях большевистские власти опасались возможного роста популярности социал-демократов, которая в сложившейся ситуации мог сыграть роль своеобразного детонатора. В программе Саргубчека говорилось, что тяжесть экономического положения может спровоцировать сближение рабочего класса с противниками советской власти и РКП., поэтому необходимо усилить осведомительную работу в массах и в рядах антисоветских социалистических партий²².

Одновременно в прессе продолжали появляться заметки о контрреволюционной деятельности меньшевиков в масштабах страны и губернии. К меньшевикам и эсерам применялись ставшие уже традиционными эпитеты: «Лакеи и агенты европейского капитала», «социал-предатели», «приспешники буржуев»²³. Им также вменялись в вину непосредственные подрывные действия, направленные против советской власти и народа. Шло параллельное обвинение членов столичной меньшевистской организации в причастности к контрреволюционному заговору и местных социал-демократов в спекуляции на голоде как способе подрыва авторитета большевистской власти и возвращения к старым порядкам²⁴. В этих же заметках тщательно рисовался образ компартии как защитника прав рабочего класса, который, невзирая на надежды социал-предателей, стоял на страже завоеваний революции.

Если обратиться к архивным документам и воспоминаниям очевидцев, можно заметить, что реальный масштаб деятельности саратовских меньшевиков был слабо сопоставим с газетными заявлениями. Сформированный в тюрьме меньшевистский комитет устраивал дискуссии, писал и переправлял на «волю» руководящие статьи для

издания подпольной саратовской меньшевистской газеты «Социал-демократ»²⁵. Оставшиеся на свободе социал-демократы предпринимали попытки налаживания хотя бы минимальной организационной работы. «В Саратове устанавливается некоторая деятельность меньшевиков в союзе Всемередпросантруд, есть сведения об организации ими здесь своих кружков»²⁶. Но вряд ли можно говорить о том, что саратовские меньшевики имели возможность радикально повлиять на ситуацию в городе или представляли серьезную угрозу для местной большевистской власти. Меньшевики не могли осуществлять активную деятельность в течение длительного срока уже по той причине, что об этом было известно местной ЧК, что давало ей возможность пресечь их действия в любой момент.

Осенью преследование саратовских меньшевиков заметно усилилось в связи с теми проблемами, которые встали в это время перед местной властью. Ситуация с продовольственным снабжением населения губернии становилась критической. Кроме того, в ноябре должны были состояться перевыборы в Саратовский Совет, что предполагало необходимость проведения обширной пропагандистской предвыборной кампании. Начало этой кампании в прессе было положено сообщениями о контрреволюционном заговоре в Петрограде с участием кадетов, эсеров и меньшевиков, которые являлись пособниками западного империализма, прикрываясь деятельностью комитетов помощи голодающим²⁷. Следующим шагом местных властей стала обширная чистка местных партийных рядов, важной целью которой считалось исключение из партии бывших меньшевиков, вступивших в неё после 1918 г., «сумевших примазаться» к Р.К.П., на деле «ведя тихую сапу» против Советов²⁸.

В преддверии выборов нападки на умеренных социалистов в печати стали ещё крикливее. Читателям внушалось, что нельзя верить возможным заявлениям социал-демократов о фальсификации свободных выборов, отсутствии свободы слова, преследованиях и терроре со стороны компартии в отношении политических оппонентов²⁹. Но, принимая во внимание тот факт, что возможности легальной деятельности местная меньшевистская организация была лишена ещё весной в связи с новыми правилами регистрации обществ и союзов, к тому же, осенью последовал новый виток арестов умеренных социалистов, можно утверждать, что подобные заявления со стороны меньшевиков и эсеров были вполне обоснованными.

К началу 1922 г., фактически, все возможности для деятельности социал-демократов в Саратове были пресечены. Но местные большевистские власти, на деле обескровив меньшевиков, продолжали опасаться распространения их лозунгов. Среди архивных источников за 1922 г. пока не удалось найти каких-либо ясных упоминаний о действиях саратовских социалистов,

несмотря на это, в течение всего года в прессе велась активная кампания по их окончательной дискредитации в глазах населения. Борьба власти с реальной организацией перешла в плоскость борьбы с идеями, которые казались большевикам особенно опасными в связи с переходом к новой экономической политике.

Зимой на страницах «Известий» встречались заявления о происках социал-предателей меньшевиков и эсеров в рамках нэпа, их попытках извратить принципы профсоюзного движения, прикрываясь лозунгами «независимых» профсоюзов³⁰. Заметное усиление нападков на меньшевиков началось летом, в связи с подготовкой и проведением судебного процесса над социалистами-революционерами. Газетные статьи сообщали, что меньшевики, безусловно, являлись соучастниками эсеров в их попытках взорвать советскую власть с помощью затуманивания сознания рабочих³¹. Каких-либо конкретных примеров разлагающей деятельности меньшевиков на территории Саратовской губернии ни в одной из статей не приводилось. Учитывая августовское постановление Губисполкома, поставившее создание каких-либо обществ и созыв собраний под контроль Губчека и предусматривавшее обязательное указание партийной принадлежности учредителей, у местных социалистов фактически не было сил и возможностей для легальной политической деятельности³².

С наступлением осени поток обвинения в адрес меньшевиков продолжал возрастать, особенно увеличившись в процессе подготовки к перевыборам в Совет. Необходимо было поддерживать у населения идею постоянной опасности и скрытой враждебности буржуазной оппозиции. В середине октября вышла статья под заголовком «Партия контрреволюции и Гражданской войны», целиком посвященная разоблачению предательской сущности меньшевизма³³. Социал-демократы обвинялись в мелкобуржуазности и попытке использовать послабления нэпа для свержения советской власти.

Большое внимание уделялось разбору сущности меньшевистских лозунгов. В резолюции XIII губернской конференции Р.К.П. заявлялось, что меньшевики, представляя интересы империализма, провозгласили лозунг «свободных Советов без коммунистов», надеясь в случае успеха на беспомощность подобных Советов, что помогло бы им прийти к власти³⁴.

Обращаясь к источникам, отражающим события 1923 г. в Саратове, можно отметить интересную закономерность. Что касается первой половины года, единственные упоминания о меньшевиках встречаются, как и в отношении предыдущего периода, только на страницах «Известий», причем статьи написаны в таком же обвинительном тоне. Совершенно другая картина предстает при рассмотрении материалов за второе полугодие, когда свою активную деятельность начала группа местных социал-демократов, со-

лидаризовавшихся с политической линией компартии и приступивших к процессу ликвидации организации.

В первых выпусках «Известий» за 1923 г. встречались в основном упоминания о ренегатстве социал-предателей меньшевиков и эсеров, стремившихся, как и западная буржуазия, к восстановлению власти капитала, о распускаемых ими гнусных сплетнях по поводу состояния здоровья Ленина³⁵. В начале лета на страницах «Известий» впервые появилась статья «Черед за меньшевиками», написанная представителем саратовской меньшевистской организации Ю. Иоффе. Автор писал, что те сознательные меньшевики, которые не порвали своих связей с пролетариатом, должны принять единственно верную программу компартии, официально уничтожив остатки своей организации³⁶.

5 июля состоялось совещание инициативной группы бывших меньшевиков по вопросу о слиянии с Р.К.П. Главным вопросом стало выяснение настроений среди представителей местной меньшевистской организации по поводу готовности её к самоликвидации и вхождению в состав компартии. Как показывают материалы заседания, собравшиеся констатировали отход большинства активных меньшевиков от РСДРП(м) и необходимость широкой агитации в пользу слияния с Р.К.П.³⁷ Отсюда можно предположить, что подобная точка зрения все же не была единогласна принята всеми саратовскими социал-демократами. Существование в городе меньшевиков, сохранивших свои убеждения, подтверждается и обязательным постановлением ЦК от 10 июля для всех Губкомов о средствах борьбы с меньшевиками, предписывавшим пресекать любую их агитацию на предприятиях, одновременно усиливая антименьшевистскую пропаганду, устроить тщательную проверку состава учебных заведений, советских учреждений и профсоюзных на предмет выявления скрытых меньшевиков³⁸.

В то же время в «Известиях» был опубликован призыв от лица членов инициативной группы (В.Д. Петрова, К.К. Ткачева, Ю.Г. Иоффе, А.Н. Елшина, М.Д. Чевлева) ко всем социал-демократам меньшевикам, как вышедшим, так и оставшимся в рядах партии. Его основным содержанием стало заявление об ответственности меньшевиков за свои действия в годы революции и Гражданской войны и необходимости ликвидировать остатки партии, учитывая предательскую и преступную программу руководителей меньшевистского ЦК³⁹.

В августе деятельность группы по ликвидации была продолжена, что выразилось в проведении общих собраний и городских совещаний по выявлению политической линии и программы дальнейших действий. Было принято решение о командировке в Москву А.Н. Елшина с целью создания там группы по ликвидации или установления связей для созыва российской конференции

по этому вопросу⁴⁰. Другим направлением работы саратовской инициативной группы стали переговоры с Губкомом о возможности освобождения арестованных меньшевиков. Избранному бюро инициативной группы поручалось в случае недостаточности обвинений ходатайствовать об их освобождении, чтобы в дальнейшем привлечь их в состав группы⁴¹.

С началом осени развернулась активная подготовка к созыву городской конференции меньшевиков по вопросу о ликвидации. Для этого были выбраны агитационные группы для работы на фабриках и заводах⁴². Конференция состоялась 21 октября, председателем был избран В.Г. Сосновцев. В ходе собрания были заслушаны три доклада, легшие в основу итоговой резолюции. Их содержание сводилось к следующему: социал-демократическая доктрина оказалась несостоятельной, официальные вожди партии все больше склоняются к политике, противоречащей интересам пролетариата, поэтому единственным выходом для меньшевиков, не порвавших с рабочим классом, является решение о ликвидации своих партийных организаций и присоединение к платформе компартии⁴³.

Данное решение можно в какой-то мере считать предательством. Но, анализируя те условия, в которых пришлось существовать саратовской меньшевистской организации в период 1921–1923 гг., степень давления, оказывавшегося на неё со стороны местных большевистских властей, невозможность наладить легальную работу, можно сказать, что возникновение ликвидационной группы было в какой-то степени обоснованным. Кроме того, как показывают документы, к ней присоединились далеко не все саратовские меньшевики, да и среди членов самой группы зачастую возникали противоречия⁴⁴.

Так или иначе, указанный период, начавшийся для местных меньшевиков с роста их влияния среди населения и активизации работы в качестве оппозиции большевистской диктатуре, к концу октября 1923 г. окончился официальной ликвидацией организации по инициативе её же представителей, чему предшествовало двухлетнее существование в условиях не прекращавшегося прессинга и усиливавшегося контроля со стороны большевистской власти.

Примечания

- 1 См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 521. Оп. 1. Д. 718. Л. 43.
- 2 См.: ГАСО. Ф. 456. Оп. 1. Д. 630. Л. 10.
- 3 Там же. Л. 39.
- 4 Там же. Д. 675. Л. 218–220.
- 5 Там же. Ф. 521. Оп. 1. Д. 974. Л. 61.
- 6 См.: Гольц И. По дорогам и ухабам жизни (Последний меньшевик). Иерусалим, 2003. С. 101–102.
- 7 См.: Raleigh D.J. Experiencing Russia's Civil War:

- politics, society, and revolutionary culture in Saratov. 1917–1922. Princeton, 2002. P. 288–289.
- 8 См.: ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 633. Л. 4. В июне ЦК было принято решение о командировании в Саратов Крыленко для проведения процесса над меньшевиками, но из-за его болезни поездка была отложена и в итоге не состоялась.
- 9 См.: ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 716. Л. 1.
- 10 Известия Саратовского Губернского Исполнительного Комитета. 1921. 5 марта. № 50.
- 11 См.: Известия... 1921, март. № 50, 51, 52, 58.
- 12 Там же. № 50, 54.
- 13 См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 27. Оп. 2. Д. 42. Л. 16.
- 14 См.: ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 608. Л. 25.
- 15 См.: Известия... 1921, апрель. № 88, 89, 90, 91.
- 16 См.: Известия... 1921. 5 мая. № 97. Интересно, что в политической сводке Саргубчека есть замечание, что 60% избирателей уклонилось от голосования.
- 17 См.: ГАСО. Ф. 521. Оп. 4. Д. 18. Л. 1.
- 18 Там же. Оп. 1. Д. 643. Л. 1.
- 19 См.: Известия... 1921. 20 мая. № 110.
- 20 ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 717. Л. 9, 10, 24, 26.
- 21 Там же. Д. 643. Л. 8.
- 22 ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 718. Л. 61.
- 23 См.: Известия... 1921. 8 июня. № 126; 30 июня. № 143; 2 июля. № 144; 12 августа. № 180.
- 24 Там же.
- 25 См.: Гольц И. Указ. соч. С. 103–105.
- 26 ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 718. Л. 59.
- 27 См.: Известия... 1921. 6 сент. № 200; 14 сент. № 207.
- 28 Там же. 25 сент. № 217.
- 29 Там же. 23, 24, 27 нояб. № 265, 266, 269.
- 30 Там же. 1922, январь. № 5, 13.
- 31 Там же. Май-июль. № 110, 128, 177.
- 32 См.: ГАСО. Ф. 521. Оп. 3. Д. 25. Л. 163 (об).
- 33 См.: Известия... 1922. 15 окт. № 236.
- 34 Там же. 18, 24 окт. № 238, 243.
- 35 Там же. 1923, январь-март, № 8, 29, 59.
- 36 Там же. 12 июня. № 129.
- 37 См.: ГАНИСО. Ф. 51/95. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.
- 38 Там же. Ф. 27. Оп. 3. Д. 40. Л. 13–13 (об).
- 39 См.: Известия... 1923. 12 июля. № 155.
- 40 См.: ГАНИСО. Ф. 151/95. Оп. 1. Д. 117. Л. 1–2.
- 41 Там же. Д. 121. Л. 5, 7, 11.
- 42 Там же. Д. 117. Л. 5.
- 43 Там же. Л. 12–13.
- 44 Там же. Ф. 521. Оп. 1. Д. 116. Л. 10–13, 15; Д. 117. Л. 17.

УДК 338.45(470.44)/(1941/1945)

ЭВАКУАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В САРАТОВСКУЮ ОБЛАСТЬ И СОЦИАЛЬНО- БЫТОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАБОЧИХ КАДРОВ (1941–1945 годы)

С.О. Козурман

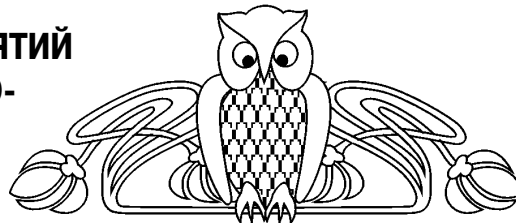
Саратовский государственный университет
E-mail: kozurman@front.ru

В статье освещаются важные экономические и социальные процессы в истории Саратовской области периода Великой Отечественной войны. Рассматриваются функционирование и роль многочисленных эвакуированных предприятий, их место в системе саратовской промышленности. Анализируются сложности повседневной жизни рабочих, деятельность власти по решению новых проблем военного времени. Отмечаются рост миграционной активности значительной части населения области и её причины.
Ключевые слова: эвакуация, промышленность, завод, рабоче, прокуратура, дезертирство.

Evacuation of the Industrial Enterprises to the Saratov Region and Socially-household Problems of Personnel (1941–1945)

S.O. Kozurman

Work covers the important economic and social processes in the history of the Saratov region of the period of the Great Patriotic War. Functioning and a role of the numerous evacuated enterprises, their

place in system of the Saratov industry is considered. Complexities of an everyday life of workers, power activity under the decision of new problems of a wartime are analyzed. Growth of migratory activity of a considerable part of the population of area and its reason is marked.

Key words: evacuation, industry, factory, workers, Office of Public Prosecutor, desertion

В годы Великой Отечественной войны Поволжье стало крупным центром размещения эвакуированного населения, хозяйственных объектов, ценностей культуры. Гигантское по своим масштабам перебазирование промышленных предприятий изменило экономический облик многих тыловых регионов СССР не только на период войны, но и на всё послевоенное время. Фактически, в первые часы после нападения Германии спасение материальных ресурсов и населения заняло важное место в действиях власти. Уже днём 22 июня Сталин в разговоре с Я.Е. Чадаевым отметил, что необходимо «... поручить кому-то заняться эвакуацией населения, предприятий и другого имущества из прифронтовых районов на Восток.

Ничего не должно достаться врагу»¹. Для этих целей в оперативном порядке 24 июня был создан Совет по эвакуации, а главным директивным документом явилось постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР 27 июня «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Оно ясно говорило о том, что в первую очередь эвакуации подлежали важнейшие промышленные объекты, а также квалифицированные рабочие, инженеры и служащие этих предприятий². Таким образом, как бы изначально задавалось основное направление усилий советских руководителей различного ранга. Пристальное внимание было уделено тыловым регионам. Специальные работники Совета по эвакуации заранее брали на учёт все возможные здания и постройки (в том числе недостроенные и законсервированные), где можно было бы разместить эвакуированные предприятия³, т.е. действия центральной и местных властей во многом носили превентивный продуманный характер. Необходимо отметить, что среди промышленных предприятий первыми перевозили заводы, выпускавшие оборонную продукцию⁴.

Важная роль в эвакуационных процессах была отведена Саратовской области. При определении конкретного региона размещения того или иного объекта Советом по эвакуации учитывался ряд необходимых компонентов: наличие и близость предполагаемой сырьевой базы, однотипных или смежных производств, присутствие потенциальной рабочей силы, свободных помещений. Немаловажным фактором было удобство расположения и технические возможности транспортной сети⁵.

Заметим, что точное количество предприятий высчитать почти невозможно. Это обусловлено самой спецификой перебазирования. Эвакуируемое предприятие могло прибыть полностью, т.е. со всем оборудованием и рабочими. Завод в равной степени мог быть разделён на несколько частей и отправлен в разные места СССР. Могло прибыть только оборудование или его часть, наконец, от предприятия приезжали только рабочие, причём не в полном составе. При непосредственном размещении завод монтировался как на новых местах, так и на площадках уже имеющихся местных предприятий. Эвакуированные рабочие заводов порой сливались с местными коллективами. Всё это объективно затрудняет подсчёт количества эвакуированного имущества. Тем не менее можно отметить около 100 заводов, фабрик, ремонтных мастерских, эвакуированных в Саратовскую область. По имеющимся данным, более всего среди них было предприятий, относящихся к пищевой промышленности, а также авиационных и электротехнических заводов, значение которых для страны в целом было весьма велико. Большая часть эвакуированных объектов прибыла из Украинской ССР (примерно 30%) и Ленинграда (25%), значительное количество было эвакуировано из

Москвы и районов Белорусской ССР. Украинские и белорусские фабрики и заводы представляли в основном пищевую и лёгкую промышленность, тогда как из Москвы и Ленинграда прибывали машиностроительные, оборонные заводы или их части⁶.

Задачу выпуска качественной продукции в максимально короткие сроки затрудняли объективные факторы военного времени. Восстанавливать выпуск продукции приходилось в невиданно сжатые сроки, а между тем, по оценке специалистов того времени, для успешного восстановления производства требовалось около года и больше. Такие сроки были, конечно, неприемлемы, поэтому перед работниками различных отраслей встала крайне тяжёлая задача⁷. Выполнить планы, как правило, сильно превышенные и рассчитанные на работу в мирное время, было малореальным. В отчёте Саратовского обкома ВКП(б) в феврале 1943 г. признавалось, что в 1941 и начале 1942 г. «ряд предприятий области работали с перебоями и не выполняли производственных планов»⁸. Действительно, анализ прокурорских докладных записок по обследованию 11 крупнейших эвакуированных предприятий в Саратове (за второе полугодие 1941 г.) показывает, что только один завод (№ 307, из Ржева) перевыполнил план, остальные редко дотягивали до 50%⁹. В конце января 1942 г. об этом говорили на пленуме Саратовского обкома ВКП(б). Постоянная критика в адрес руководства заводов, городских властей иногда помогала. Например, резко увеличили и выполнили планы завод им. Урицкого в Энгельсе и швейная фабрика из Витебска «Знамя индустриализации»¹⁰. Но всё же медленный выпуск продукции нельзя объяснить только несознательной работой руководителей, их безответственностью и т.д. (тем более что это было не всегда так). В тех же докладных записках прокуратуры постоянно фигурируют одинаковые факторы. Мы их можем разделить на две группы. Первая относится к нехватке материала, оборудования, электроэнергии, вообще организационным трудностям восстановления. Вторая, не менее важная, группа проблем в той или иной степени непосредственно касается рабочих кадров. Имеет смысл более обстоятельно её рассмотреть.

Как правило, вместе с эвакуированными заводами на места прибывало 30–40 % рабочего коллектива от того, который ожидался. Так, по восьми предприятиям, перебазированным в Саратов, из ожидаемых 15 540 человек прибыли 4 660, или 30%. И хотя во многом это были высококвалифицированные кадры, их малое количество не могло обеспечить должную работу предприятия¹¹. В общем потоке эвакуированных процент собственно рабочих был не высок, значительную часть составляли их семьи¹². С целью ликвидации пустующих рабочих мест саратовские власти призывали активнее проводить в жизнь политику вовлечения на производство неработающих слоев населения, в особенности молодёжь и

домохозяйек¹³. Эта тактика срабатывала не всегда. Вместо нее часто вступала политика мобилизации. Неработающих граждан учитывали, и тех, кто не был занят делом по уважительной причине, отправляли на различного рода работы. Естественно, что работы эти не требовали какой-либо особой квалификации. Так, по заводу им. Урицкого Саратовский областной Совет дважды принимал решения (19 мая и 15 июня 1943 г.) о мобилизации граждан, общим числом в 530 человек¹⁴. Для подготовки же работников сложного производства в дело вступали ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения, которых в апреле 1944 г. в области насчитывалось 56, а учащихся в них 15 579 человек¹⁵.

Массовое прибытие эвакуированного населения резко сократило объём жилищного фонда в тыловых районах страны. Бытовая скученность стала неотъемлемым элементом повседневной жизни горожан¹⁶. 13 сентября 1941 г. СНК СССР издал постановление «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения». Предполагалось возвести различные сооружения упрощенного типа, наподобие барачков, землянок и т.п. Рассчитано постановление было прежде всего на размещение рабочих и их семей¹⁷. Исполнительный комитет Саратовского областного Совета принял соответствующее постановление 4 октября 1941 г. В срочном порядке выявлялись ещё недостроенные здания, а с приближением холодов производилось утепление уже существующих¹⁸. Типичным приёмом являлось «уплотнение жилого фонда», т.е. подселение эвакуантов к городским жителям, а нередко и добровольно-принудительное временное выселение последних в сельскую местность. Не всем рабочим коллективам удалось обеспечить достойные жилищные условия. Нередко в документах отмечаются сильная скученность, холодные неотопливаемые помещения, антисанитарное состояние, грязь и завшивленность. Такая ситуация наблюдалась на заводе № 614 Наркомата вооружений, харьковском заводе «Серп и молот» и др.¹⁹ Труднее всего жилось, пожалуй, в общежитиях, которые обычно размещались в бараках без бытовых удобств²⁰. Вместе с тем нельзя назвать распространение плохих жилищных условий массовым явлением. Стабильно тяжёлое, но обеспечивающее существование положение было характерно для большинства жителей Советского Союза военного времени. Дополнительно отметим, что предприятия, наиболее важные в военно-экономическом отношении, в Саратовской области отличались достойными жилищными условиями. Например, на заводах № 572 из Ленинграда, Станкостроительном заводе и др. рабочие, служащие и их семьи были расселены по частным квартирам, несемейные рабочие размещались по общежитиям²¹.

Руководство Советского Союза стремилось разными путями решить проблему материально-го, прежде всего продовольственного, снабжения

рабочих и всячески стимулировало региональные власти. В Саратовской области с 1 сентября 1941 г. в крупных городах²² вводились продовольственные карточки на хлеб, сахар и кондитерские изделия, а с 23 октября карточки были введены в малых городах и рабочих посёлках²³. Устанавливались две категории по снабжению населения. В первую вошли рабочие, служащие, инженерно-технические работники важнейших отраслей промышленности, во вторую – все остальные, не попавшие в список перечисленных специальностей. Рабочие первой категории получали, как правило, 800 г хлеба в день, второй – 600 г²⁴. Вообще, «... чем важнее для обороны страны была работа, сложнее условия и характер труда, тем выше была норма продуктов»²⁵. По-разному ощущали горожане недостаток продовольствия, но «досыта не питался почти никто»²⁶.

С целью улучшения и упорядочения снабжения рабочих крупных предприятий в феврале 1942 г. были организованы отделы рабочего снабжения (орсы)²⁷. Они получали по государственным планам снабжения продовольственные товары и централизованно направляли их на конкретные предприятия. Также крупные эвакуированные предприятия прикреплялись к сельскохозяйственным районам области, к конкретным колхозам с целью децентрализованных заготовок овощей и мяса. Авиационный завод № 213, например, был прикреплен к Базарно-Карабулакскому и Баландинскому районам²⁸. Видимо, эта практика была успешной, поскольку в более поздний период, в 1943 г., мы встречаем несколько решений исполкома областного Совета о передаче ряда бесхозных, плохо обрабатываемых земель некоторых колхозов²⁹ тем колхозам, которые уже не первый месяц стабильно снабжали крупные предприятия и нуждались в ресурсных базах для увеличения поставок³⁰.

Наконец, позаботились власти о развитии сети индивидуальных огородов для рабочих и служащих. Местные государственные и партийные органы выявляли все пустующие земли в городах и вокруг них, которые могли быть использованы под огороды. В дело нередко шли парки, скверы и т.п. Оказывалась помощь в приобретении семян и мелкого инвентаря³¹.

Состояние столовых при заводах нередко оставляло желать лучшего. Отсутствие ложек, вилок, столов, стульев было в них весьма характерным явлением. Качество обедов порой тоже было не на высоте³². Как исключение отмечены даже случаи прямого воровства некоторых руководителей предприятий, в результате чего столовые заводов лишались продуктов питания, а рабочие оставались голодными³³. Но более всего раздражали рабочих многочисленные очереди в обеденные перерывы, чтобы нормально пообедать приходилось отстоять по 1,5–2 часа, как результат – опоздание на работу и простой производства³⁴.

В деле работы с эвакуированным населением необходимо отметить факт помощи специальных уполномоченных СНК союзных республик, откуда это население и было эвакуировано. Особенно стоит выделить уполномоченных Белорусской ССР. Они наиболее часто выезжали на предприятия в регионы с белорусским населением, изучали нужды трудящихся, оказывали им реальную помощь по обеспечению питанием, одеждой, розыску членов семей. В Саратовской области побывали 13 уполномоченных ЦК КП(б)Б и Белорусской ССР³⁵.

Таким образом, мы можем отметить, что государство старалось разными путями обеспечить рабочий класс хотя бы минимальными потребностями. Уровень жизни рабочих, в том числе эвакуированных, был невысок, что объясняется направлением всех материальных и духовных сил со стороны государства на трудовую мобилизацию, на работу через подвиг. Вопросы жизнеобеспечения уходили как бы на вторые роли, так как все силы тыла отдавались на отпор врагу.

С материально-бытовыми проблемами и не только с ними тесно связаны разнообразные проблемы движения рабочих кадров в Саратовской области в годы войны. Пребывание больших масс эвакуированного населения на протяжении 1941–1945 гг. вызывало специфические, присущие только этому слою населения социально-бытовые явления, которые, в свою очередь, непосредственно влияли на миграционное движение в городах и сёлах области.

Устойчивым явлением на эвакуированных предприятиях была реэвакуация кадров. Желание по разным причинам вернуться домой охватывало весьма широкие слои рабочих. Обратные отъезды фактически имели место уже в 1941 г. и дальше только усиливались. Реэвакуацию можно разделить на законную, т.е. санкционированную государством, и самовольную, которая, естественно, не одобрялась. Для того чтобы выехать за пределы области, нужно было получить специальный пропуск от органов милиции. Особой категорией в соответствующей инструкции были эвакуированные. Им разрешалось возвращаться на места прежнего жительства лишь при наличии специального разрешения³⁶. Большие реэвакуационные потоки наблюдались тогда, когда проводились специальные акции по возвращению населения. Например, 22 ноября 1943 г. ГКО постановил вернуть на железнодорожный транспорт всех эвакуированных железнодорожников. Соответствующее решение принял исполком Саратовского облсовета 2 декабря 1943 г. Согласно ему руководители заводов и фабрик освобождали от работ всех ранее эвакуированных железнодорожников и передавали их в распоряжение управления Рязано-Уральской железной дороги³⁷. В том же 1943 г. руководителей саратовских предприятий обязали отпустить всех рабочих, ранее трудившихся в Сталинградской области на заводе № 264 и Ста-

линградском тракторном заводе, эвакуированных в августе–декабре 1942 г., причём на лиц, ранее самовольно вернувшихся на СТЗ и завод № 264, прекращались возбужденные дела³⁸.

В остальное время власти стремились закрепить новые кадры на местах и прекратить постоянные отъезды рабочих. В миграционном отношении особенно проявили себя москвичи. Так, за первое полугодие 1942 г. прибыло из Москвы 5 699 человек, а выбыло 3 732³⁹, во втором полугодии прибыло 1 150, выбыло – 5 996⁴⁰. В то же время из прибывших ленинградцев (5 097 человек) в 1942 г. выбыло только 103 человека⁴¹. Известно, что ещё 20 сентября 1941 г. Московский горсовет издал специальное постановление о запрещении въезда в Москву лицам, эвакуированным из неё и стремящимся вернуться из мест эвакуации⁴². Видимо, до конца это постановление не выполнялось, так как рабочим из Саратова разрешали отъезд в Москву по срочным обстоятельствам, однако подчёркивалось, что возвращаться они должны без семьи⁴³. Позднее, в сентябре 1942 г., были подвергнуты осуждению эвакуированные работники-коммунисты 3-го Подшипникового завода, отправившие свои семьи из Саратова⁴⁴. Очевидно, что обком и силовые структуры стремились всячески удерживать новых рабочих в области, особенно квалифицированных.

Неотъемлемым элементом миграций периода войны были миграции в форме ухода с предприятий. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. рабочие и служащие военной промышленности и смежных с ней отраслей на время войны прикреплялись к заводу, а уход с него карался 5–8 годами лишения свободы⁴⁵. Дезертирство не прекращалось на протяжении всей войны. Главным фактором, побуждавшим рабочих к фактическому побегу, являлись невыносимые материально-бытовые условия жизни. С фабрики им. Самойловой за период января–августа 1943 г. сбежали 113 человек, в подавляющем большинстве – эвакуированные. Причиной было плохое питание, отмечались случаи опухания от голода⁴⁶. На авиационном заводе № 213 только за один день, 23 января 1942 г., из общежитий сбежали 16 человек, молодых рабочих. Причина: грязные неотопляемые помещения, отсутствие минимальных удобств⁴⁷.

Партийное руководство всячески осуждало дезертиров, создавало отрицательное общественное мнение о них, устраивало массовые обсуждения и коллективное порицание провинившихся. Силовые структуры рьяно преследовали беглецов, организовывали на крупнейших производствах открытые процессы. Одним словом, репрессивные меры преобладали. Вместе с тем многие работники на местах ясно осознавали, что одними карательными акциями мало чего можно добиться, что проблема требует иного решения.

Не случайно на заседании бюро обкома ВКП(б) 12 марта 1942 г. в адрес некоторых хозяйственников было сделано характерное замечание: «... отдельные руководители предприятий данный Указ поняли односторонне, считая, что судебное воздействие является как будто бы единственной мерой борьбы с дезертирством, не развернули большевистской борьбы по политическому воспитанию и созданию культурно-бытовых условий рабочим и служащим своих предприятий...»⁴⁸. Схожие замечания выдвигала саратовская прокуратура, говоря о необоснованных преданиях суду рабочих, о нежелании разобраться в причинах дезертирства, об отсутствии помощи в решении бытовых проблем рабочих и т.д.⁴⁹

Так называемая массово-политическая работа среди эвакуированных трудящихся частично действительно приносила результаты. В частности, среди коммунистов завода им. Урицкого удалось ликвидировать опоздания, прогулы и побеги в феврале 1942 г. по сравнению с октябрём 1941 г.⁵⁰ На эвакуированных предприятиях Фрунзенского района удалось сократить число прогульщиков и дезертиров в августе по сравнению с июнем 1944 г.⁵¹ Однако всеобщей панацеей пропагандистская тактика не стала.

Резкий рост дезертирства наблюдался в период освобождения ряда территорий Советского Союза от врага. В распоряжении заместителя наркома внутренних дел Круглова ясно сказано, что рабочие отправляются «в районы, освобождённые от немецких оккупантов, к месту прежнего жительства»⁵². Какое-то определённое число дезертиров на предприятиях эвакуированной промышленности присутствовало всегда. Этот показатель мог составлять от 3 до 10 человек в месяц, что говорит о некоем устойчивом слое дезертиров. Рабочие уходили и с тех предприятий, где с уровнем жизни дела обстояли неплохо, т.е. не было экономического повода для дезертирства. Учитывая, что большинство дезертиров – это молодые люди в возрасте до 25 лет, мы склонны предположить, что речь может идти о психологическом надломе человека. Не выдерживая повседневных военных будней, эти люди отправлялись в поисках лучшей доли в иные места, без конкретных ориентиров на будущее. Ликвидировать такие настроения было практически невозможно, пока существовал сам феномен военной повседневности.

Пребывание эвакуированных рабочих и промышленных объектов на территории Саратовской области привнесло целый ряд неизвестных ранее процессов, фактов, достижений и проблем. Многочисленные предприятия существенно изменили хозяйственный облик области, заставили по-другому работать социально-экономические структуры. Прибытие новых граждан вызвало крупные процессы миграции населения, внесло новое в повседневную жизнь городов области, поставило перед саратовскими властями целый ряд важных вопросов. Эвакуированные предприятия

и эвакуированные рабочие кадры способствовали значительному вкладу Саратовской области в дело Великой Победы.

Примечания

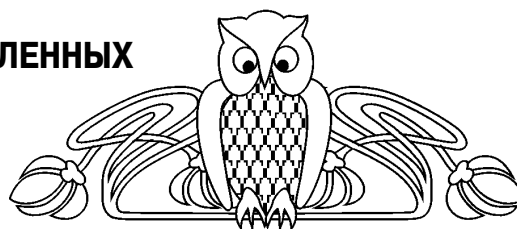
- 1 Ответы управляющего делами Совнаркома СССР 1940–1950 гг. доктора экономических наук Я.Е. Чадаева на вопросы профессора Г.А. Куманева. 20 мая 1982 г. // Куманев Г.А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск, 2005. С. 482.
- 2 См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 201–202, 208.
- 3 См.: *Первухин М.Г.* Перебазирование промышленности // Советский тыл в Великой Отечественной войне. Трудовой подвиг народа. М., 1974. Кн. 2. С. 17.
- 4 См.: *Куманев Г.А.* На службе фронта и тыла. Железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. М., 1976. С. 92.
- 5 Через Саратовскую область проходило 911 км Рязано-Уральской и 346 км Пензенской железной дороги. Огромно также значение Волги, как важного речного пути. См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2329. Л. 95 об.
- 6 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2307. Л. 244–245; Д. 2315. Л. 111–112; Д. 2357. 140, 143, 144–145; Д. 2895. Л. 1–3, 63–67.
- 7 См.: Беседа профессора Г.А. Куманева с наркомом боеприпасов военных лет, генерал-майором инженерно-артиллерийской службы П.Н. Горемыкиным. 15 января 1976 г. // Куманев Г.А. Говорят сталинские наркомы... С. 257.
- 8 История Саратовского края. 1917–1965. Саратов, 1967. С. 274.
- 9 ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 10. Д. 15. Л. 1–20, 39–49, 62, 66, 68–72.
- 10 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2672. Л. 12–13.
- 11 См.: *Митрофанова А.В.* Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.). М., 1960. С. 328; *Быкова В.А.* Трудовой подвиг молодых волжан в годы Великой Отечественной войны (по материалам машиностроительных предприятий Поволжья) // Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: проблемы истории тыла. Самара, 1993. С. 55.
- 12 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2349. Л. 123–125.
- 13 См.: Саратовская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Документы, 1941–1945 гг. Саратов, 1969. С. 69; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2672. Л. 13 об.
- 14 ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 216. Л. 41; Д. 224. Л. 22, 263.
- 15 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2384. Л. 5.
- 16 См.: *Лихоманов М.И.* Размещение и использование эвакуированного населения в восточных районах // Советский тыл в Великую Отечественную... С. 188.
- 17 См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 50–52.
- 18 ГАСО. Ф. Р-1738. Д. 184. Оп. 1. Л. 177–178.
- 19 ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 10. Д. 15. Л. 5, 8.
- 20 См.: Советский рабочий класс. Краткий исторический очерк (1917–1973). М., 1975. С. 400.

- ²¹ ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 10. Д. 15. 13–15.
- ²² Города: Саратов, Балашов, Вольск, Аткарск, Петровск, Ртищево.
- ²³ Города: Хвалынский, Балаково, Новоузенск, Бальцер (Красноармейск). Рабочие посёлки: Аркадак, Горный, Красный текстильщик, Баланда, Ершов.
- ²⁴ См.: Саратовская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Архивные документы. Саратов, 2005. С. 22–24, 39–41.
- ²⁵ Советский рабочий класс... С. 397.
- ²⁶ Там же. С. 398.
- ²⁷ См.: Лихоманов М.И., Позина Л.Т., Финогенов Е.И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны 1941–1942 гг. Л., 1985. С. 43; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 1985. С. 522.
- ²⁸ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2484. Л. 14.
- ²⁹ Как правило, это были колхозы бывшей Немецкой республики, заселённые эвакуированными горожанами, из-за безграмотных и непродуманных действий руководства страны и области, не «блиставшие» трудовыми подвигами.
- ³⁰ ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 219. Л. 66; Д. 222. Л. 63–64.
- ³¹ См.: Саратовская область в годы Великой Отечественной... С. 76–77.
- ³² ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2313. Л. 165–166.
- ³³ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2886. Л. 26–30.
- ³⁴ Там же. Д. 2678. Л. 45, 66.
- ³⁵ См.: Олехнович Г.И. Помощь белорусского народа сражающейся Родине // Советский тыл в Великую Отечественную... С. 348; Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 217.
- ³⁶ ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 10. Д. 1. Л. 84.
- ³⁷ ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 220. Л. 161.
- ³⁸ Там же. Ф. Р-2374. Оп. 11. Д. 1. Л. 239.
- ³⁹ Там же. Ф. Р-2052. Оп. 9а. Д. 29. Л. 1.
- ⁴⁰ Там же. Л. 20.
- ⁴¹ Там же. Л. 1, 20.
- ⁴² Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 188–189.
- ⁴³ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2678. Л. 100–101.
- ⁴⁴ Там же. Д. 2752. Л. 85.
- ⁴⁵ См.: Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М., 1942. С. 78–79.
- ⁴⁶ ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 11. Д. 6. Л. 43.
- ⁴⁷ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3371. Л. 12–14.
- ⁴⁸ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2679. Л. 8–9.
- ⁴⁹ ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 11. Д. 2. Л. 232.
- ⁵⁰ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2305. Л. 91–94; Д. 2373. Л. 73–75.
- ⁵¹ Там же. Д. 3807. Л. 132 об.
- ⁵² ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 11. Д. 2. Л. 28.

УДК 355.257.72:94(571.1)

АНТИФАШИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЗАПАДНО-СИБИРСКИХ ЛАГЕРЯХ НКВД-МВД СССР И ЕГО РОЛЬ В ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДОВОГО ПРОЦЕССА

Н.М. Маркдорф

Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского государственного университета
E-mail: nmmark@mail.ru

Антифашистское движение оказало значительное влияние на производительность труда военнопленных в Западной Сибири в послевоенные годы. Администрация лагерей возлагала большие надежды на антифашистские комитеты по формированию в среде военнопленных навыков высокопроизводительного труда и роста его эффективности; снижение производственного травматизма, заболеваемости и смертности; разоблачение саботажников, вредителей, подстрекателей, участников подпольных формирований и групп. «Воспитание» новых сторонников социалистического строя происходило с большим трудом и зачастую наталкивалось на непонимание, скрытое сопротивление, а иногда открытую конфронтацию и реваншистские настроения контингента лагерей. Тем не менее, с помощью антифашистских комитетов в лагерях, спецгоспиталях, рабочих батальонах удалось существенно сократить количество диверсий и саботажа, снизить производственный травматизм, что, безусловно, повлияло на укрепление режима и организацию трудового использования военнопленных в Западно-Сибирском регионе.

Ключевые слова: антифашисты, организация труда, Западная Сибирь, военнопленные, социалистическое соревнование, производительность труда, Политотдел.

Anti-Fascist Movement of Prisoners of War in the West Siberian Camps of the NKVD-MVD USSR and its Role in Organizing the Labor Process

N.M. Markdorf

Anti-fascist movement had a significant impact on the productivity of prisoners in Western Siberia in the postwar years. Camp Administration placed great hopes on the anti-fascist committees to build skills in an environment of war high labor and the growth of its efficiency, reduction of occupational injuries, illnesses and deaths; expose the saboteurs, wreckers, instigators, participants in the underground formations and groups. «Educating» new supporters of the socialist system took place with great difficulty and often hindered by a lack of understanding, active resistance, and sometimes open confrontation and revenge mood contingent camps. Nevertheless, it, with the help of anti-fascist committees in the camps, spetsgospitalyah, labor battalions managed to significantly reduce the

number of subversion and sabotage, to reduce occupational injuries, which certainly influenced the strengthening of the regime and the organization of labor of prisoners of war in the West Siberian region.

Key words: antifascists, organization of labor, prisoners of war, Western Siberia, socialist competition, productivity, the Political Department.

Значительное влияние на производительность труда и судьбы военнопленных в Западной Сибири в послевоенные годы оказывало развернутое в лагерях антифашистское движение. Антифашистская работа стала проводиться с военнопленными с первых дней их пребывания в лагерях НКВД. Ее целью в период войны было перевоспитание пленных и превращение их в друзей СССР, подготовка антифашистских кадров, которых можно было использовать в работе не только по разложению войск и тыла противника, но и по возвращению их на родину. До января 1946 г. руководство антифашистской деятельностью в лагерях было возложено на оперативные отделения, в НКВД-МВД – на оперативные отделы, при которых имелись группы и отделения по антифашистской работе¹.

В соответствии с решением ЦК ВКП(б) МВД СССР 19 октября 1946 г. создало при ГУПВИ политический отдел. В декабре политотделам и политчастям при Управлениях лагерей Тюменской, Новосибирской, Кемеровской областей и Алтайского края передано руководство политико-воспитательной работой в антифашистских школах и курсах. В послевоенный период главным направлением их деятельности стала антифашистская агитация и пропаганда – распространение знаний основных положений марксизма-ленинизма с целью обратить основную массу военнопленных в активных участников борьбы против фашизма, готовых содействовать поражению противника и строительству новой Германии. Были и более дальние перспективы – использование военнопленных коммунистов и антифашистов в качестве своеобразной «опоры» при решении политических вопросов послевоенного устройства европейских стран. В свою очередь, антифашистская работа среди военнопленных была направлена на осуществление следующих целей: 1) формирование навыков высокопроизводительного труда и роста его эффективности; 2) снижение производственного травматизма, заболеваемости и смертности; 3) выявление саботажников, вредителей, подстрекателей, участников подпольных формирований и групп.

К антифашистской работе привлекались начальники лагерных отделений, заместители по производству, снабжению и режиму, медработники, коммунисты и комсомольцы гарнизона конвойных войск. Из числа военнопленных выявлялись коммунисты, «сочувствующие» и активисты, желающие заниматься агентурной и агитационно-пропагандистской работой. Параллельно с формированием антифашистского актива большое

внимание уделялось росту его идейного уровня. При этом основными формами являлись текущие собрания и совещания, обмен опытом по подведению итогов в решении злободневных проблем – повышения эффективности труда, снижения производственного травматизма, заболеваемости и смертности в лагерях. Каждая национальность имела свой актив, который до начала 1947 г. подразделялся на «узкий» и «широкий». Таким образом, антифашистская и идеологическая деятельность протекала дифференцированно, но с учетом национального менталитета и контролировалась инструкторами политработы лагерных отделений.

Как правило, в собраниях и совещаниях актива принимали участие администрация лагерей, оперативные и политработники. При этом в узкий актив зачислялись наиболее политически грамотные, устойчивые и последовательные антифашисты из числа широкого актива. Узкий актив состоял из таких военнопленных, которые ежедневно участвовали в политической и культурно-массовой работе и составляли существенную опору для политотделов лагерей. В своей работе узкий актив был подотчетен широкому активу и собранию антифашистов. На совещаниях активов, возглавляемых старшими антифашистами, заслушивались и обсуждались доклады о работе стенной печати, о состоянии производственной деятельности лагерей, об агитационной, пропагандистской и культурно-массовой работе.

Наряду с центральными антифашистскими школами (спецобъектами) с 6-месячным сроком обучения действовали кружки и курсы (1–3 месяца), действующие на основе специально разработанной идеологической программы. Их учебная тематика разнообразием не отличалась и сводилась к следующим основным разделам: «сущность советского социалистического строя», «развитие Лениным и Сталиным основных положений Коммунистической партии», «история классовый борьбы в соответствующей стране военнопленных», «вопросы международной политики», «антифашистская работа в лагерях»². Кроме того, обучение антифашистов немецкой национальности предусматривало специальную подготовку врачей, работников газет, профсоюзов, культурных, молодежных организаций, пропагандистов народных предприятий и машинопрокатных станций. К 1949 г. была разработана особая программа для труда военнопленных в Обществе по изучению культуры СССР³.

В качестве слушателей областных курсов в обязательном порядке отбирались лица с образованием не ниже 7 классов, преимущественно в возрасте 25–30 лет, с хорошими физическими данными и с «подходящим идеологически» социальным статусом, в основном выходцы из рабочих семей. В свою очередь, учитывались добровольцы и перебежчики, проявившие себя на фронтах войны, а также лица, подвергавшиеся репрессиям в Германии⁴.

На основании Приказа МВД СССР в 1947 г. начал деятельность институт функционеров по антифашистской работе, в соответствии с которым в лагерных отделениях были утверждены освобожденные от какой-либо иной, кроме идеологической работы, функционеры по немецкому, японскому, венгерскому и румынскому секторам, а также пропагандистские лекторские группы. Регулярными стали обучающие семинары по методике и содержанию их политической деятельности. Всего за время существования лагерей НКВД-МВД в Западно-Сибирском регионе были подготовлены и приступили к деятельности 670 человек, лекторов пропагандистских групп – около 170⁵. Таким образом удалось поднять на более высокий уровень практически все формы и методы политико-воспитательной работы.

Начиная с 1947 г. благодаря активизации политико-воспитательной, агитационно-пропагандистской и культурно-массовой работы происходит рост числа военнопленных, по различным мотивам присоединившихся к движению антифашистов. Например, на 1 января 1947 г. в крупнейшем в Кузбассе лагере № 525, насчитывавшем в это время 10 074 чел., уже 300 чел. влились в ряды антифашистов. В марте они объединились в 12 политкружков, охватывающих не только членов антифашистского актива, но и просто всех желающих. Если к концу первого полугодия 1947 г. в лагере проводили политические занятия более 20 политических кружков с численным составом 526 чел., то на начало 1948 г. уже более 10% военнопленных занимались в данных политструктурах. Стали более разнообразными формы и методы политической работы: индивидуальные и групповые беседы, лекции, собрания, конференции, на которых принимались воззвания и обращения, распространялись газеты, журналы, художественная и политическая литература на иностранных языках, демонстрировались советские кинофильмы, был организован выпуск стенных газет. В ряде лаготделений созданы общелагерные духовые оркестры, музыкальные, хоровые, драматические кружки и агитбригады, действовали радиоузлы, организованы и укомплектованы тщательно подобранной литературой лагерные библиотеки. К 1947 году библиотечный фонд только 525-го лагеря насчитывал более тысячи экземпляров книг, газет и журналов⁶.

В январе 1948 г. институт функционеров из числа антифашистского актива был заменен в лагерных отделениях выборными антифашистскими комитетами. Всего в Западно-Сибирском регионе их действовало 7, в них вошли 127 чел. Задачи общественных организаций военнопленных определялись как руководство всей деятельностью антифашистского актива, так и оказание помощи администрации лагерей в организации трудового процесса, сохранении физического состояния военнопленных и поддержания дисциплины и порядка. Как показала практика, дан-

ные мероприятия себя оправдывали не всегда. В своей основе их лидеры доверием контингента лагерей не пользовались, так как выполняли осведомительские функции, поэтому сыграть существенной роли в предотвращении, разоблачении враждебных организаций и повлиять на улучшение производственной сферы не смогли. О фактах негативного отношения к антифашистскому движению свидетельствуют многочисленные угрозы в адрес его лидеров, фиксируемые агентурой и осведомителями по всем лагерям. В этой связи наиболее характерно высказывание военнопленного Вилли Мейстера: «...было бы глупо превращать коммунистов в национал-социалистов, но почему из нас насильно хотят сделать антифашистов. Почему из меня хотят сделать настоящего борца за коммунизм. Приходится просто поражаться неразумности русских. Большинство русских ругают Гитлера, а сами забывают (называет Вождя народа), что он ограбил банк и сидел в тюрьме...». Военнопленный Рихтер Адам: «Даже если Германия войну проиграла, и пока жив хоть один немецкий солдат, то он будет бороться против русских и видеть в каждом из них своего врага. Доверия к “кашистам” нет...»⁷.

Чем активнее действовали «школы коммунизма» (антифашистские комитеты), тем активнее становилось идеологическое сопротивление их деятельности. Так, например, в период предвыборной кампании в антифашистский комитет в лагере № 93 Тюменской области была разоблачена профашистская группа, состоящая из офицеров, инженеров и военнопленных врачей, считающих себя членами КПГ, пытавшихся повлиять на ход выборов и распространяющих листовки с призывами «научить русских демократии»⁸.

На основании директивы МВД СССР № 102 от 22.05.1947 г. лучшие производственники-антифашисты репатриировались на родину. Однако количество передовиков производства не превышало 14–20%, поэтому ударный труд для основной массы военнопленных гарантом освобождения не стал. Как следствие – оперативные отделы и антифашистские комитеты констатировали ухудшение морального климата и негативное отношение к военнопленным, выполняющим и перевыполняющим производственные нормы⁹. Однако в сравнении с немецкими движение сопротивления в японских лагерных отделениях было значительно выше, что во многом объяснялось особенностями менталитета последних.

Наряду с политико-воспитательной работой применялось и политическое давление, идеологическая «обработка», искусственно поддерживался страх за жизнь в случае отказа от «учебы». Лагеря для военнопленных формировались как своеобразные закрытые «политические институты», в которых складывалась своя «лагерная культура» с определенными нормами поведения и духовными ценностями. Довольно значительную роль в судьбе бывших солдат и офицеров Третьего

рейха играло их положение в структуре лагерной иерархии, в системе агентурно-осведомительской сети, которая стала «нормой» в повседневной жизни контингента лагерей¹⁰.

В свою очередь, в обязанности антифашистских комитетов вменялись наблюдение за количеством и качеством производственных заданий, выявление исполнителей диверсионных актов, злостных саботажников и членовредителей, а также гражданских лиц, имеющих «несанкционированную» преступную связь с пленными на производстве. С этой целью был принят ряд мер по предотвращению эксцессов в виде голодовок, членовредительства, умышленной порчи оборудования, «промота» лагерного имущества, побегов со стороны «реакционных» групп военнопленных.

Борьба за превосходство на идеологическом фронте в условиях усиливающейся конфронтации между двумя противоположными системами определяла своеобразные особенности эпистолярного жанра военнопленных. Письма военнопленных-антифашистов на родину во внешнеполитической стратегии Советского государства должны были служить безоговорочным аргументом преимуществ социалистической системы перед капитализмом и «свидетельствовать» всему миру, что бывшие военнослужащие Вермахта и Квантунской армии, попавшие в плен, живы, здоровы и не нуждаются ни в чем. Жесткая цензура отбирала только те письма, в которых отражалась исключительно позитивная информация, свидетельствующая о соблюдении Советским Союзом норм международного права. Тщательно подобранная (а иногда и сфабрикованная) корреспонденция отделом агитации и пропаганды регулярно направлялась в сектор иностранного радиовещания. Часть писем передавалась Главному политическому управлению РККА для разбрасывания их с самолетов над Германией, Румынией, Венгрией¹¹.

Агитационно-пропагандистским пафосом были проникнуты высказывания и заявления бывших нацистов на собраниях и митингах, в средствах лагерной информации, в «написанных» под диктовку обращениях в адрес «вождей Советского Союза» перед отправкой военнопленных на родину, широко тиражируемых антифашистскими политактивами лагерей всеми доступными средствами¹².

После войны в деле воспитания контингента военнопленных имелось немало иных трудностей. Слабое физическое состояние, большая скученность в жилых помещениях, непривычно суровый сибирский климат, чрезмерное психическое перенапряжение не могли способствовать формированию здорового морального климата и вызывали у большинства военнопленных озлобленность, агрессивность, отчаяние и настроение полной обреченности («из Сибири обратной дороги нет»). Как следствие – возрастающие случаи суицида, членовредительства, самоистощения и самообморожения. Наиболее агрессивно и отчужденно

держались бывшие офицеры Квантунской армии, для которых сама мысль о жизни в плену была невыносимой. Не сумев самостоятельно справиться с приобретающей катастрофические масштабы проблемой, администрация лаготделений возлагала большие надежды на антифашистские комитеты.

Антифашистские комитеты из числа пленных проводили большую агитационную, политическую и культурную работу, тесно связанную с производственными задачами лагеря. Попытки решить хозяйственно-бытовые проблемы обитателей лагерей, повседневное внимание к запросам и нуждам военнопленных со стороны данных организаций все же способствовали росту их авторитета, но в то же время к лидерам антифашистского движения по-прежнему относились скептически, считая многих из них изменниками присяге и воинскому долгу, приспособленцами, «приспешниками» в корыстных целях лагерной администрации.

Антифашистское движение пыталось оказывать влияние на снижение показателей производственного травматизма. Его главная причина заключалась в неудовлетворительном соблюдении техники безопасности как персоналом, так и самими военнопленными рабочими. К тому же расследование случаев тяжелого травматизма со смертельным исходом, если это касалось военнопленных, проводилось формально. Администрация трестов и шахт полагалась на антифашистские комитеты и местные партийные организации, которые проводили соответствующую агитационно-пропагандистскую, разъяснительную и просветительскую работу и тем самым способствовали распространению среди военнопленных необходимых знаний по технике безопасности. Следует отметить, что к 1948 г. благодаря неустанной работе с личным составом руководство и антифашистские центры западносибирских лагерей сумели добиться снижения производственного травматизма в три раза¹³.

Лагеря для военнопленных включались в социалистическую плановую систему со всеми ее достижениями и уродливыми проявлениями. В ознаменование различных политических событий, годовщин и революционных праздников широко развернулось трудовое социалистическое соревнование между бригадами, лавами, сменами, ротами и батальонами. Получило распространение и индивидуальное соревнование. Через все доступные лагерю средства массовой информации широко пропагандировался передовой опыт. Учреждались переходящие Красные знамена. Выявлялись лучшие производственные коллективы, которые награждались денежными премиями. Фотографии передовиков производства вывешивались на доску почета.

Например, в январе 1949 г. в режимном лагерном отделении № 7, обслуживавшем угольные предприятия треста «Куйбышевуголь», в

трудовом соревновании, посвящённом памяти В.И. Ленина, вторая рота добилась выполнения государственных норм выработки на 128%. Взвод военнопленного командира Трайтван выполнил государственные нормы на 241%. В лагерном отделении № 4, личный состав которого использовался на строительстве шахты «Красногорская», из 27 бригад, принявших участие в соревновании, 13 перевыполнили нормы выработки, а бригады военнопленных Кобояси Хидео и Сасодзакки Отогару перекрыли план на 185% и 168%. В первом полугодии 1949 г. многие бригады, встав на вахту в честь 31-й годовщины Советской армии, добились значительных результатов. Бригады Блеке и Райнштайн выполнили месячные нормы соответственно на 193% и 215%. Лучшим производственным бригадам присваивались имена Карла Либнехта, Эрнста Тельмана и Адольфа Геннеке – забойщика из Саксонии, который 13 октября 1948 г. установил рекорд по добыче угля и стал своеобразным символом социалистического стахановского движения. С апреля 1949 г. в лагерях МВД в Западной Сибири начинает развиваться геннековское движение. Например, в лагере № 525 проведен геннековский декадник, по окончании которого победителям предоставили право подписи под письмом, адресованном А. Геннеку. Наивысшую производительность труда показали в лагерном отделении № 3, роты которого работали на шахте «Редаково-Северное» и строительстве новых шахт. Их производительность равнялась соответственно: 126,5%, 125,4%, 146,7%, 142,6% и 153,8%. В режимном лаготделении № 7 бригада военнопленного Гальтмана на строительстве выполнила норму на 416%. Бригада военнопленного Монтай, состоящая из 11 человек, работая на мехзаводе в Сталинске, выполнила декадное задание на 220%. Настоящий рекорд установил военнопленный Мокрый Генрих, 17 июня 1947 г. на каменном карьере выполнивший норму на 1014% и заработавший за смену 152 руб. 70 коп.¹⁴

Военнопленные, содержащиеся в лагерном отделении № 1, обслуживавшие шахты треста «Молотовуголь», в течение месячника германско-советской дружбы в 1949 г. до отъезда домой (в июле) выполняли государственные нормы не ниже 100%. В среднем из 100 человек, работающих на производстве, выполняли и перевыполняли государственные нормы 80 военнопленных. Средний заработок за смену составлял до 20–25 руб.¹⁵

Таким образом, антифашистская работа, отлаженная на протяжении 1940-х гг. в лагерях для военнопленных западносибирских областей, внесла довольно значительный вклад в организацию трудового использования контингента лагерей и

соответственно во многом способствовала решению жилищно-бытовых проблем военнопленных, улучшению их морально-психологического состояния. Но, с другой стороны, любой «стахановский прорыв», достижение любой ценой намеченных непомерно высоких плановых показателей, приводил к нарушению сложившегося экономического ритма промышленных объектов. К тому же за подобные «прорывы» приходилось расплачиваться здоровьем и человеческими жизнями, но во имя достижения «великой» цели все средства были хороши.

«Воспитание» новых сторонников социалистического строя происходило с большим трудом и зачастую наталкивалось на непонимание, скрытое сопротивление, а иногда открытую конфронтацию и реваншистские настроения контингента лагерей. Тем не менее, с помощью антифашистских комитетов в лагерях, спецгоспиталях, рабочих батальонах удалось существенно сократить количество диверсий и саботажа, снизить производственный травматизм, что, безусловно, повлияло на укрепление режима и организацию трудового использования военнопленных в Западно-Сибирском регионе.

Примечания

- 1 Архив информационного центра Главного управления внутренних дел Кемеровской области (далее – ИЦ ГУВД КО). Ф. 11. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.
- 2 Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1п. Оп. 10и. Д. 1. Л. 150.
- 3 РГВА. Ф. 4п. Оп. 18. Д. 23. Л. 15.
- 4 ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 5. Л. 65.
- 5 Подсчитано по: Информационный центр Главного управления внутренних дел Алтайского края (далее – ИЦ ГУВД АК). Ф. 17. Оп. 1. Д. 23. Л. 67–89; Информационный центр Главного управления внутренних дел Тюменской области (далее – ИЦ ГУВД ТО). Ф. 21. Оп. 2. Д. 12. Л. 13–17; ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 54. Л. 65–77.
- 6 РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 335. Л. 65.
- 7 ИЦ ГУВД АК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 22. Л. 20 (об.), 116–117.
- 8 РГВА. Ф. 124п. Оп. 1. Д. 6. Л. 135–141.
- 9 РГВА. Ф. 1п. Оп. 3и. Д. 35. Л. 201.
- 10 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 9401. Оп. 1. Д. 842. Л. 41–42.
- 11 ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 5. Л. 78.
- 12 РГВА. Ф. 4п. Оп. 21-н. Д. 393. Л. 1–5.
- 13 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 987. Л. 134.
- 14 РГВА. Ф. 3п. Оп. 6. Д. 2. Л. 63–65.
- 15 Мемориальный музей немецких антифашистов (далее – ММНА). Ф. 1661/104. Л. 52.

УДК27

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОЙ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СЕТИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ 1950-х – 1970-е ГОДЫ

М.Ю. Сушко

Саратовский государственный университет
E-mail: mar.suschko@yandex.ru

В статье анализируется эволюция сельской поселенческой сети Саратовской области за исторический период между переписями 1959 и 1979 гг. Автор отмечает, что тенденциями развития системы сельского расселения Саратовской области в 1950–1970-е гг. являлись сокращение числа малочисленных сельских поселений, прежде всего хуторов и деревень, укрупнение населенных пунктов, рост числа сел и поселков. Эти процессы, в конечном счете, оказывали существенное влияние на аграрную политику, в основе которой была поддержка государством крупных поселений на селе.

Ключевые слова: сельское население, село, хутор, деревня, сельский район, населенный пункт, урбанизация.

Development of a Network of Rural Settlements of the Saratov Area in the End of 1950–1970

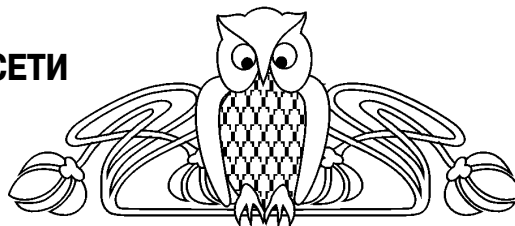
M.Yu. Sushko

In clause evolution of a network of rural settlements of the Saratov area for the historical period between censuses 1959 and 1979 is analyzed. The author marks, that the tendencies of development of the system of rural moving of the Saratov area per 1950–1970 were reduction of number of small rural settlements: first of all farms and villages, integration of settlements, growth of number of villages and settlements. Finally these processes rendered essential influence on an agrarian policy in which there was a support by the state of large settlements on village.

Key words: agricultural population, village, farm, rural area, settlements, urbanization.

Исследование эволюции структуры сельской поселенческой сети Саратовской области позволяет выявить механизм, направления и тенденции сельского расселения. В 1950–1970-е гг. произошли значительные административно-территориальные изменения в регионе. На развитие структуры поселенческой сети оказывали большое влияние плановые показатели экономического развития, соотношение основных отраслей земледелия и животноводства, особенности развития социальной инфраструктуры села. Определенное воздействие на этот процесс оказали исторические условия заселения и уровень хозяйственного освоения территории.

Исследователи неоднозначно подходили к определению количества районов сельского расселения на территории Саратовской области. В специальной литературе число традиционно сформировавшихся районов сельского расселе-

ния обозначалось в диапазоне от двух до девяти. В 1960-е гг. преобладала точка зрения, согласно которой на территории Саратовской области выделялись два ареала расселения. Первый – так называемый Приволжский крупноселенный подрайон – включал территорию Правобережья (за исключением Романовского и западной части Балашовского района), а также северную часть Заволжья (Духовницкий, Ивантеевский и Пугачевский районы). Располагаясь в зоне сплошного земледельческого освоения, этот район отличался большими размерами хозяйств, сосредоточением больших земельных участков с огромными массивами пашни, наличием густой сети сельских поселений с преобладанием крупных населенных пунктов¹. Романовский район и часть Балашовского района включали в состав Воронежско-Тамбовского крупноселенного района. Заволжье, за исключением вышеупомянутых трех районов, квалифицировали как Саратовский Заволжский среднеселенный подрайон со значительным распространением совхозных поселков и разряженной сетью населенных пунктов.

Ко второму ареалу (типу) расселения относили Новоузенский район с преимущественно мелкими и средними поселениями, большим числом дополнительных сезонно-обитаемых пунктов и преобладанием совхозного расселения². В самых общих чертах эта схема районирования отражала основные особенности расселения Саратовской области, однако практически не позволяла рассмотреть внутрирайонные различия.

В 1970-е гг. исследователи стали выделять девять районов традиционного расселения на территории области.

Северный Прихоперский район расселения включал территорию Ртищевского, Аркадакского и Турковского административных районов и относился к ареалу старого и наиболее раннего заселения. Он характеризовался наибольшей по Саратовской области густотой сельских населенных пунктов, на каждый из них приходилось в среднем 19,4 кв. км, и незначительной средней плотностью поселений в 286 человек³. Зато Южный Прихоперский район отличался довольно редкой сетью населенных пунктов: одно поселение на 39,6 кв. км. Он также располагался на территории раннего заселения с высокой плотностью сельского населения. Здесь наибольшее распространение имели крупные поселения с численностью жителей более 1000 человек, в результате чего средняя плотность составляла 530 человек⁴. В этот район

включались три административных района: Балашовский, Романовский и Самойловский, причем последний из них имел переходные черты от крупноселенного Воронежско-Тамбовского ареала к Приволжскому среднеселенному.

Один из наиболее крупных районов расселения – Примедведицкий – занимал треть Правобережья. Он выделялся достаточно густой сетью поселений (27,3 кв. км на один населенный пункт) и малым показателем их средней плотности – 250 человек. Крупные поселения встречались в основном в Новобураском районе. Районы, расположенные по реке Медведице, относились к территории старого заселения, и только Екатериновский и часть Калининского районов были заселены несколько позднее. Плотность сельского населения (9,1 человека на кв. км) была ниже, чем в южном Прихоперье (13,3 человека на кв. км). Район имел четко выраженную отрицательную динамику населения, что вело к уменьшению плотности поселений и разряжению их сети⁵.

Приволжский Северный район расселения включал в свой состав Базарно-Карабулакский, Балтайский, Вольский и Хвалынский административные районы. В целом он отличался крупноселенностью, средняя плотность поселений здесь составляла 466 человек. Плотность сельского населения значительно превышала среднеобластную показатель и составляла 10,5 человека на кв. км. Крупноселенность района объяснялась локальным распространением крупных поселений (с численностью жителей 1500–3000 чел.), которые узкой полосой проходили через территорию Вольского, Балтайского и Базарно-Карабулакского районов. Густота сельских поселений составляла 44,5 кв. км на один населенный пункт. Здесь, как и в Примедведицком районе, шел интенсивный процесс сокращения числа населенных пунктов, но средняя плотность оставалась высокой⁶.

В состав Приволжского южного района расселения входили Саратовский, Красноармейский и Татищевский административные районы. Средняя плотность в этом ареале расселения достигала 312 чел. По особенностям сельского расселения район отличался большой сложностью. Татищевский и часть Саратовского района имели густую сеть (30,7 кв. км на один населенный пункт) преимущественно мелких населенных пунктов. Район, примыкающий к Саратову, отличался крупноселенностью, имел положительную динамику населения, что объяснялось особенностями пригородного направления его сельского хозяйства. Красноармейский район и юг Саратовского района отличались крупноселенностью и очень редкой сетью поселений⁷.

Заволжье разделялось на четыре основных района расселения: Прииргизский, Приволжский левобережный, Центральный и Юго-Восточный.

Прииргизский район расселения (Духовницкий, Балаковский, Пугачевский и Краснопартизанский административные районы) отличался

наиболее ранним хозяйственным освоением и заселением. Это предопределило ряд своеобразных черт расселения в этой части области. Во-первых, это был единственный заволжский ареал с высокой средней плотностью поселений (447 человек на одно поселение), а во-вторых, он имел наименьшую среди районов Левобережья и всей Саратовской области густоту населенных пунктов (62,7 кв. км. на один населенный пункт)⁸. На территории района выделялись две полосы крупных поселений – по рекам Большой Иргиз и Волге. Для остальной части района была характерна среднеселенность. Большая часть этого района отличалась отрицательной динамикой населения, что приводило к значительному разрежению сети поселений⁹.

Энгельский и Марксовский районы входили в Приволжский левобережный район расселения, который отличался относительно густой сетью населенных пунктов (37,3 кв. км на одно поселение). Средняя плотность поселений этой территории (361 чел. на одно поселение) была несколько выше среднеобластной. Села и деревни этого района, расположенные по берегу Волги отличались большими размерами (до 3000 чел.), глубинная его часть имела густую сеть мелких поселений. В районе г. Энгельса располагался ряд населенных пунктов, входивших в Саратовско-Энгельскую пригородную зону, население которой росло очень быстро¹⁰.

Наиболее типичным районом Заволжского совхозного среднеселенного ареала расселения являлся Центрально-Заволжский (Ершовский, Дергачевский, Краснокутский, Федоровский, Советский, Озинский и Перелюбский административные районы). Он характеризовался очень редкой сетью населенных пунктов (61 кв. км на одно поселение). Ранее сеть поселений здесь была более густой и представлена большим числом хуторов и поселков. Однако процесс сселения, который имел здесь широкое распространение, привел к ликвидации большинства из них. Средняя плотность была низкой и составляла 306 человек¹¹.

И наконец, Юго-Восточный, в который входили Новоузенский и Питерский административные районы. В южной части Новоузенского района были распространены мелкие животноводческие поселки и хутора, но численность населения в каждом из них составляла менее 50 человек. Северная часть Новоузенского района и Питерский район имели крупные села по долинам рек и совхозные поселки, меньше было мелких поселений. В данном ареале расселения наблюдался низкий показатель средней плотности: 127 чел. на один населенный пункт. Район имел густую (наиболее высокую среди заволжских ареалов расселения) сеть поселений – 30,2 кв. км на один населенный пункт. Здесь значительное распространение имели хутора и поселки с дисперсным расселением. В связи с этим вопрос об укрупнении поселений, о сселении жителей здесь стоял наиболее остро¹².

Сельская поселенческая сеть Саратовской области в послевоенный период состояла из населенных пунктов, различных по своему административно-территориальному статусу: хутора, деревни, села, поселки. Административно-территориальный статус сельского населенного пункта определялся и зависел от площади территории, общей численности населения, наличия промышленных предприятий, уровня социального благоустройства, соотношения численности основных социальных групп населения. Как отдельные населенные пункты учитывались отделения совхозов, железнодорожные станции и до 1958 г. – МТС.

В середине 1950-х гг. по количеству населенных пунктов в области лидировали Новоузенский (158 населенных пунктов), Екатериновский (110), Аткарский (106), Ворошиловский (105), Петровский (100), Дергачевский (92)¹³. Наименьшее количество населенных пунктов значилось в Приволжском (7) и Ново-Репинском (17) районах¹⁴.

В 1977 г. первое место по общему числу населенных пунктов уже занимал Ртищевский район (134). За ним следовали Новоузенский (128); Саратовский (126); Екатериновский (97); Аткарский (95) районы¹⁵. Меньше всего населенных пунктов насчитывалось в Романовском (22) и Духовницком (23) районах¹⁶.

К числу малочисленных населенных пунктов относились прежде всего хутора. В середине 1950-х гг. в Саратовской области было учтено 477 хуторов, что составляло 17,2% от общего количества населенных пунктов области. В Заволжье хуторов было больше – 392 (14,2% всех населенных пунктов), в правобережье – 85 (3,1%)¹⁷. Удаленность расположения хуторов в области составляла от 9 до 50 км. Численность населения в хуторах составляла от 10 до 80 чел. Наибольшее количество хуторов располагалось в Новоузенском (111), Алгайском (66), Перелюбском (52), Озинском (46), Питерском (40) районах¹⁸. На правом берегу Волги хутора в основном располагались в Вязовском (23), Ворошиловском (17), Широко-Карамышском (12) районах¹⁹.

В результате проводимой Советским государством аграрной политики, одним из направлений которой было создание укрупненных сельских населенных пунктов, к концу 1970-х гг. общее число хуторов сократилось в области до 262 (на 45%). В левобережье осталось 240 хуторов (10,5%), а в правобережье – всего 22 (1%)²⁰. По-прежнему основное число хуторов (9,7%) было сосредоточено в четырех заволжских районах: Новоузенском (84), Алгайском (77), Питерском (42), Перелюбском (18)²¹.

Аналогичный процесс сокращения развивался среди деревень Саратовской области. В середине 1950-х гг. в сельской местности Саратовской области насчитывалось 430 деревень (15,5% всех населенных пунктов). 368 деревень (13,3%) располагалось в правобережье, 62 деревни (2,2%) – в

левобережье²². Наибольшее количество деревень было сосредоточено в Екатериновском (54 деревни), Татищевском (41), Аткарском (38), Ворошиловском (37), Петровском (35) районах²³. К 1977 г. общее число деревень сократилось на 22,1%. Из оставшихся 335 (14,7%)²⁴ 324 (14,2%) деревни находились в правобережье, в левобережье было всего 11 (0,5%) деревень²⁵. Больше всего деревень располагалось в Екатериновском районе – 50²⁶.

В 1950–1970-х гг. в большинстве заволжских районов (Алгайский, Дергачевский, Ершовский, Краснокутский, Краснопартизанский, Новоузенский, Марксовский, Советский) деревни как самостоятельные административные единицы отсутствовали.

В отличие от деревень, села в Саратовской области существовали во всех районах области. В отношении сел и поселков в регионе действовала обратная тенденция: их число возросло к концу 1970-х гг. В середине 1950-х гг. в Саратовской области существовало 825 сел (29,8%): 398 (14,4%) сел располагались в правобережье, 427 (15,4%) – в левобережье. Наибольшее количество сел было сконцентрировано в Базарно-Карабулакском (40), Ворошиловском (35), Балаковском (29) районах²⁷.

К 1977 г. общее количество сел в Саратовской области увеличилось на 20,5%, их стало 994. Села составляли почти половину всех населенных пунктов области – 43,5%²⁸. Количество сел увеличилось в Базарно-Карабулакском районе до 42 (было 40), Вольском – до 48 (19), Саратовском – до 50 (24), Марксовском – до 47 (26), Ершовском – до 42 (15), Пугачевском – до 40 (21)²⁹.

К концу 1970-х гг. увеличилась также и численность сельских поселков. Если в середине 1950-х гг. их было 464 (16,7%) (155 в правобережье, 309 на левом берегу Волги)³⁰, то в 1977 г. их число достигло 575 (25,2%) (268 правобережных и 307 левобережных)³¹ в основном сельские поселки были сосредоточены в Дергачевском (в 1955 г. их было 48, в 1977 г. – 52), Краснопартизанском (в 1955 г. – 30), Татищевском (в 1977 г. – 57), Энгельском (в 1977 г. – 49)³². Если, в середине 1950-х гг. сельские поселки как административные единицы отсутствовали в Алгайском, Краснокутском, Советском районах, то к концу 1970-х гг. они существовали во всех районах области, кроме Красноармейского³³.

Следует подчеркнуть, что в середине 1950-х гг. большинство сельских населенных пунктов Саратовской области было малочисленным. Чаще всего (53,2%) это были поселения в 100–200 человек, в основном – хутора и деревни³⁴. К 1977 г. суммарное количество мелких населенных пунктов сократилось на 30%, зато произошел заметный рост поселений с численностью населения до 500, 1000 и более человек, а доля населенных пунктов с численностью до 1000 человек увеличилась на 56,7%³⁵.

Архивные материалы достаточно наглядно демонстрируют динамику развития поселенче-

ской сети Саратовской области. В 1955 г. в 50 сельских районах Саратовской области размещалось 2770 населенных пунктов³⁶. Переписью 1959 г. на территории области было зарегистрировано уже 3875 сельских населенных пунктов³⁷. Столь резкое увеличение числа населенных пунктов было связано с возвращением территории 13 сельских районов из состава упраздненной Балашовской области. С 1959 по 1969 г. произошло значительное сокращение числа сельских населенных пунктов с 3875 до 2649, в 1977 г. их осталось 2283³⁸. С 1960 по 1979 г. в сельской местности было упразднено 1069 населенных пунктов³⁹. В это число вошли 463 сельских поселка, 172 села, 242 деревни, 192 хутора⁴⁰. Наиболее интенсивно процесс исчезновения сельских населенных пунктов протекал в 1967 г. – 150, в 1968 г. – 105, в 1970 г. – 360, в 1977 г. – 165⁴¹. Лишь в 1964 и 1971 гг. число населенных пунктов Саратовской области оставалось неизменным.

Одной из основных причин упразднения сельских населенных пунктов в эти годы стало переселение всех жителей в другие населенные пункты или районы области. По этой причине в 1959–1979 гг. исчезло 830 населенных пунктов, из них 485 (58,4%) – на правом, 345 (41,5%) – на левом берегу Волги⁴². Больше всего населенных пунктов было ликвидировано в Аркадакском (60), Екатериновском (61), Озинском (33) районах⁴³.

Переселяться в новые населенные пункты заставляли разные обстоятельства. Прежде всего это стремление к лучшему социальному благоустройству. Большинство исчезнувших населенных пунктов относились к разряду малочисленных и удаленных от центральных усадеб, которые в «советских условиях» могли лучше удовлетворить желания жителей «малых деревень» жить лучше, посещать магазины, водить детей в детские сады и школы, отдыхать в клубах. Например, в одном 1974 г. в Аткарском районе по этой причине из списков было исключено 13 населенных пунктов, жители которых переехали в центральные усадьбы⁴⁴.

К переселению подталкивал естественный процесс урбанизации. Города, особенно правобережья области, в связи с активным промышленным строительством интенсивно расширяли свои границы, поглощая тем самым близлежащие сельские населенные пункты. Переселение было связано с плановыми переносами строений из «зон затопления Сталинградской и Саратовской ГЭС», а также «зон обрушения» береговой линии. К 1960 г. при подготовке ложа водохранилища Саратовской ГЭС было переселено на новые места 1715 семей и 1288 индивидуальных домовладений, 754 строения и сооружения колхозов и совхозов⁴⁵.

По утвержденному плану на 1965 г. в Балаковском, Духовницком, Вольском и Хвалынском районах предусмотрено было переселить из зоны затопления 500 семей, перенести 500 домов,

75 общественных построек колхозов и 50 строений местных Советов и государственных организаций. Уже к январю 1966 г. было переселено 576 домовладений, 133 общественных построек колхозов и 80 строений местных Советов и госорганов⁴⁶. В 1969 г. часть населенных пунктов Хвалынского района (2 хутора, 6 поселков, 5 сел) были удалены из зоны затопления Саратовского водохранилища⁴⁷.

Исчезновение населенных пунктов происходило также в результате фактического слияния их границ. По этой причине в области было упразднено 239 населенных пунктов, из них 173 (72,4%) в правобережье области, а 66 (27,6%) – в левобережье. В связи с этим интенсивнее всего населенные пункты подверглись слиянию в 1970 г. – 134 (56%)⁴⁸.

В 1959–1979 гг. наблюдался процесс возникновения новых населенных пунктов в Саратовской области: их появилось 169 (158 поселков, 9 сел, 2 хутора)⁴⁹. Быстрее всего населенные пункты возникали в 1960-е гг. в левобережье области (121). Этому способствовало плановое освоение целинных земель, строительство оросительной системы. Параллельно шло заселение Завольжских районов, поэтому показатели возникновения населенных пунктов наиболее высоки в Пугачевском районе – 29 новых населенных пунктов, Дергачевском – 22, Ершовском – 17, Краснокутском – 14⁵⁰.

Таким образом, основными тенденциями развития сельского расселения Саратовской области в 1950–1970-е гг. являлись сокращение числа малочисленных сельских поселений, прежде всего хуторов и деревень, укрупнение населенных пунктов, рост числа сел и поселков. Эти процессы в конечном счете оказывали существенное влияние на аграрную политику, в основе которой была поддержка государством крупных поселений на селе.

Примечания

- 1 См.: Ковалев С.А. Сельское расселение. М., 1963. С. 36.
- 2 Там же. С. 38.
- 3 См.: Торопыгин В.Г. Особенности сельского расселения и некоторые проблемы обслуживания сельского населения Саратовской области // Экономико-географические проблемы Нижнего Поволжья. Вып. 1. Куйбышев, 1972. С. 26.
- 4 Там же.
- 5 Там же. С. 28.
- 6 Там же.
- 7 Там же.
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 Там же.
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 1738. Оп. 2. Д. 20. Л. 68, 122, 181, 197, 243.

- ¹⁴ ГАСО. Ф. 1738. Оп. 2. Д. 52. Л. 40.
¹⁵ Там же. Л. 41.
¹⁶ Там же. Л. 63, 177.
¹⁷ Там же. Д. 20. Л. 2–222.
¹⁸ Там же. Л. 6, 136, 141, 153, 176.
¹⁹ Там же. Л. 32, 39, 220.
²⁰ Там же. Д. 52. Л. 5–273.
²¹ Там же. Л. 5, 122, 140, 151.
²² Там же. Д. 20. Л. 2–222.
²³ Там же. Л. 10, 32, 54, 159, 204.
²⁴ ГАСО. Ф. 1738. Оп. 2. Д. 52. Л. 5–273.
²⁵ Там же.
²⁶ Там же. Л. 68.
²⁷ Там же. Д. 20. Л. 14, 18, 32.
²⁸ Там же. Д. 52. Л. 5–273.
²⁹ Там же. Л. 25, 53, 74, 164, 197, 261.
³⁰ Там же. Д. 20. Л. 2–222.
³¹ Там же. Д. 52. Л. 5–273.
³² Там же. Д. 20. Л. 43, 103; Д. 52. Л. 58, 212, 228.
³³ ГАСО. Ф. 1738. Оп. 2. Д. 52. Л. 255.
³⁴ Там же. Д. 20. Л. 2–222.
³⁵ Там же. Д. 52. Л. 5–273.
³⁶ Там же. Д. 20. Л. 2–222.
³⁷ См.: *Торопыгин В.Г.* Указ. соч. С. 25.
³⁸ Там же. С. 26.
³⁹ ГАСО. Ф. 1738. Оп. 8. Д. 7, 8, 10, 11, 19, 23, 31, 45, 271, 611, 767, 956, 1123, 1382б, 1481в, 1590а.
⁴⁰ Там же.
⁴¹ Там же.
⁴² Там же.
⁴³ Там же.
⁴⁴ Там же. Д. 956. Л. 27.
⁴⁵ ГАСО. Ф. 3465. Оп. 2. Д. 3. Л. 3.
⁴⁶ Там же. Д. 66. Л. 66, 67.
⁴⁷ ГАСО. Ф. 1738. Оп. 8. Д. 271. Л. 70.
⁴⁸ Там же. Д. 7, 8, 10, 11, 19, 23, 31, 45, 271, 611, 767, 956, 1123, 1382б, 1481в, 1590а.
⁴⁹ Там же.
⁵⁰ Там же.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Буранок Сергей Олегович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, e-mail: witch-king-1@mail.ru

Варфоломеев Юрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: ybartho@mail.ru

Галямичев Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: Galyaman@rambler.ru

Горбачев Дмитрий Викторович – аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: dmitr87@inbox.ru

Еремин Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории Самарского государственного университета, e-mail: eremin@mail.ru

Захарова Инна Евгеньевна – аспирантка кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, научный сотрудник Музея Н.Г. Чернышевского, e-mail: Sarusadba@yandex.ru

Ильиченко Элеонора Валерьевна – аспирантка кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, научный сотрудник Музея Н.Г. Чернышевского, e-mail: coursistca@rambler.ru

Карпухина Марина Александровна – аспирантка кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, научный сотрудник Музея Н.Г. Чернышевского, e-mail: karpuhinama@inbox.ru

Ким Игорь Константинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Волгоградского государственного педагогического университета, e-mail: kokes@mail.ru

Клименков Никита Евгеньевич – аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: EtoMoiYaschik@yandex.ru

Козурман Сергей Олегович – аспирант кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: kozurman@front.ru

Кочуков Сергей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской цивилизации и методики преподавания истории Института истории и международных отношений

Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: kochukovsa@mail.ru

Кулиев Фарман Мурувватович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных и политических дисциплин Северо-Кавказской академии государственной службы (филиал, г. Пятигорск), e-mail: kyliev_Farman@mail.ru

Лопатин Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: srubnik@yandex.ru

Маркдорф Наталья Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории Новокузнецкого филиала-института Кемеровского государственного университета, e-mail: nmmark@mail.ru

Оверина Галина Юрьевна – аспирантка кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: galina.overina@gmail.com

Парсамов Юрий Вадимович – аспирант кафедры истории России Российского государственного гуманитарного университета, e-mail: parsamov@gmail.com

Рязанцева Елена Андреевна – аспирантка кафедры Отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: lenaryazantzeva@rambler.ru

Сингатулин Рустам Адыгамович – кандидат исторических наук, доцент кафедры информационных систем и технологий в обучении Педагогического института Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: sarch@yandex.ru

Старкова Людмила Константиновна – докторант кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: ludastarkova-history@mail.ru

Сулейманов Алим Видадиевич – аспирант кафедры регионоведения факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, e-mail: alim-suleymanov@mail.ru

Сушко Мария Юрьевна – аспирантка кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: mar.sushko@yandex.ru

Философов Игорь Юрьевич – аспирант кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: ifilosofov@gmail.com

Чичкова Мария Алексеевна – аспирантка кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: raingirl-86@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Buranok Sergey Olegovich – History PhD, senior lecturer of the chair of General History in the Povolzhsky State socially-humanitarian Academy, e-mail: witch-king-1@mail.ru

Chichkova Maria Alekseevna – postgraduate student of the chair of Modern and Contemporary History in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: raingirl-86@mail.ru

Gorbachev Dmitriy Victorovich – postgraduate student of the chair of Modern and Contemporary History in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: dmitr87@inbox.ru

Eremin Andrey Yuryevich – History PhD, assistant professor of the chair of foreign History of Samara State University, e-mail: eremin@mail.ru

Filosofov Igor Yuryevich – postgraduate student of the chair of Medieval History in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: ifilosofov@gmail.com

Galyamichev Alexandr Nikolaevich – History Doctor, professor, Department head of Medieval History in the Institute of history and international relations of Saratov state University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: Galyaman@rambler.ru

Ilichenko Eleonora Valeryevna – postgraduate student of the History of Russia chair in the Institute of history and international relations of Saratov state University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: coursisca@rambler.ru

Karpuhina Marina Aleksandrovna – postgraduate student of the chair of Modern and Contemporary History in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: karpuhinama@inbox.ru

Kim Igor Konstantinovich – History PhD, assistant professor of the chair of World history of Volgograd State Pedagogical University, e-mail: kokes@mail.ru

Klimenkov Nikita Evgenyevich – postgraduate student of the chair of international relations and foreign policy of Russia in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: EtoMoiYaschik@yandex.ru

Kochukov Sergey Anatolyevich – History PhD, assistant professor of the chair of Russian civilization and teaching methodology of history in the Institute of history and international relations of Saratov state University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: kochukovsa@mail.ru.

Kozurman Sergey Olegovich – postgraduate student of the chair of Historiography, Regional History and Archeology in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: kozurman@front.ru

Kuliev Farman Muruvvatovich – History PhD, assistant professor of social and political disciplines of the North Caucasian Academy of public service (branch in Pyatigorsk), e-mail: kyliev_Farman@mail.ru

Lopatin Vladimir Anatolyevich – History PhD, assistant professor of the chair of Historiography, Regional History and Archeology in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: srubnik@yandex.ru

Markdorf Nataliya Mikhailovna – History PhD, assistant professor, Department head of History in Novokuznetsk branch-institute of the Kemerovo State University, e-mail: nmmark@mail.ru

Overina Galina Yuryevna – postgraduate student of the chair of Modern and Contemporary History in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: galina.overina@gmail.com

Parsamov Yuriy Vadimovich – postgraduate student of the History of Russia chair in the Russian State Humanitarian University, e-mail: parsamov@gmail.com

Ryazantzeva Elena Andreevna – postgraduate student of the chair of Contemporary Russian history in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: lenaryazantzeva@rambler.ru

Singatulin Rustam Adigamovich – History PhD, assistant professor of the chair of information systems and technologies in training in the Pedagogical Institute of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: sarch@yandex.ru

Starkova Lyudmila Konstantinovna – person working for doctor's degree of the History of Russia chair in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, researcher museum N.G.Chernyshevskiy, e-mail: ludastarkova-history@mail.ru

Suleymanov Alim Vidadieyevich – postgraduate student in the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Faculty of International Relations, Regions research Department, e-mail: alim-suleymanov@mail.ru

Sushko Maria Yuryevna – postgraduate student of the chair of Historiography, Regional History and Archeology in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: mar.sushko@yandex.ru

Varfolomeev Yuriy Vladimirovich – History Doctor, Professor of the History of Russia chair in the Institute of history and international relations of Saratov state University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: ybarthor@mail.ru

Zaharova Inna Evgenyevna – postgraduate student of the History of Russia chair in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, researcher museum N.G.Chernyshevskiy, e-mail: Sarusadba@yandex.ru

Подписка на I полугодие 2011 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018.

Раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 2 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

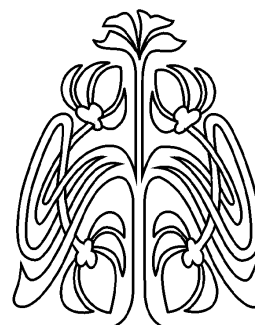
410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: izdat@sgu.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.

ПРИЛОЖЕНИЯ

